

“И кстати я замечу в скобках...”

В.И. ЧУГЛОВ,

кандидат филологических наук

Использование вставных конструкций в художественных текстах не раз привлекало внимание исследователей (см., например: Ковалёв В.П. Вставные конструкции // Русская речь. 1971. № 5; Буров А.А. Вставные конструкции в прозе Ф.М. Достоевского // Русская речь. 1981. № 5). В романе Пушкина “Евгений Онегин” таких конструкций значительно больше, чем в других его стихотворных произведениях. Вот их примеры: “Онегин был по мнению многих / (Судей решительных и строгих) / Учёный малый, но педант...” (1, V; здесь и далее арабской цифрой обозначается глава, римской – строфа); “...Признаться: вкусу очень мало / У нас и в наших именах / (Не говорим уж о стихах)” – 2, XXIV; “Оно сверкает Ипокреной; / Оно своей игрой и пеной / (Подобием того-сего) / Меня пленяло...” (4, XLV).

Как синтаксическое явление и как художественно-выразительное средство вставные конструкции (далее – ВК) изучены пока недостаточно. По-прежнему актуальны вопросы о сущности ВК, их отличии от вводных слов, присоединительных конструкций и т.д. По-видимому, можно утверждать, что вставные конструкции – уникальное явление. Независимо от формы и объёма они представляют собой высказывание в высказывании, в котором нередко выражается отношение говорящего к сообщаемому. Но ВК не являются специализированными средствами субъективной модальности. В устной речи их выделяют интонацией, в письменной – с использованием парных скобок или парных гире, поскольку они выпадают из общей структуры текста, выражая дополнительные сообщения.

В восьми главах “Евгения Онегина”, по нашим подсчётам, употреблено 46 вставных конструкций, в среднем по одной на каждые восемь строф. Но есть сочетания строф, в каждой из которых имеется одна такая конструкция, а есть строфы, содержащие сразу две. Ощущение употребительности ВК вызывается и немалым количеством авторских отступлений, составляющих едва ли не большую часть романа. Эти отступления близки к ВК по отношению к основной части и характеру содержания. Ср., например: “И чай несут. Люблю я час / Определять обедом, чаем / И ужином. Мы время знаем / В деревне без больших сут: / Желудок – верный наш брегет...” (5, XXXVI), где нет ВК, и “Ве-

черняя находит мгла... / (Люблю я дружеские враки / И дружеский бокал вина / Порою той, что названа / Порой меж волка и собаки, / А почему, не вижу я.) / Теперь беседуют друзья..." (4, XLVII), где ВК есть. "Я только в скобках замечаю... (4, XIX), "И кстати я замечу в скобках..." (5, XXXVI), – продолжает поэт соответствующие авторские отступления, но скобок не ставит. Вероятно, допустимо сказать, что авторские отступления – это развёрнутые вставки, хотя они графически не выделяются.

Однако основные различия между авторскими отступлениями и ВК в пушкинском романе в том, что первые больше по объёму, разнообразнее по содержанию и представляют собой как бы самостоятельные лирические произведения, в то время как вставные конструкции – это, как правило, несколько слов, они привязаны к высказыванию, которое обычно разрывают, и имеют характер попутно сделанных говорящим замечаний.

Таким образом, вставки имеют в романе определённые функции: они выражают отношение к высказыванию, несут дополнительное сообщение, содержат авторскую оценку. С другой стороны, они играют композиционно-структурную роль. ВК участвуют в организации ритма, нередко начинают строки, а в восьмой главе романа даже соединяют XV и XVI строфы, образуя конец первой и начало второй (ещё один пример употребления вставки между самостоятельными предложениями).

Вставные конструкции расширяют авторское присутствие. Не случайно две трети ВК употреблено в сюжетной части произведения. В то же время они ограничивают это присутствие, помогают автору в соблюдении необходимой соотнесённости двух планов романа (лирического и сюжетного), влияют на характер речи. Ср.: "Пора мне сделаться умней, / В делах и слоге поправляться, / И эту пятую тетрадь / От отступлений очищать" (5, XL). Подавляющее большинство вставок объединяются эмоционально-оценочным отношением к описываемым реалиям. Радость, грусть, сожаление, одобрение, осуждение, юмор, ирония прямо или косвенно выражаются в данной группе вставок. Приведём примеры:

"Быть может (лестная надежда!), / Укажет будущий не звезда / На мой прославленный портрет..." (2, XL); "Так люди (первый каюсь я) / От делать нечего друзья" (2, XIII); "... а Татьяне / И дела нет (их пол таков)..." (8, XXXII); "...И человека растянуть / Он позволял не как-нибудь / Но в строгих правилах искусства, / По всем преданьям старины / (Что похвалить мы в нём должны)" (6, XXVI); "Враги его, друзья его / (Что, может быть, одно и то же) / Его честили так и сяк" (4, XVIII).

Вместе с лирическими отступлениями ВК создают особый эмоциональный настрой, известную непринуждённость и лёгкость речи. Этому способствуют и обращения автора к читателям, которые имеются в

авторских отступлениях по разным поводам – по поводу воспоминаний о чём-либо, по поводу характера речи, композиции, содержания, стиля и др. Значительная часть “вставок” выражает именно такое содержание. Например: “Руссо (*замечу мимоходом*)...” (1, XXIV); “...Или (*но это кроме шуток*)...” (4, XXXV); “Так он писал темно и вяло / (*Что романтизмом мы зовём, / Хоть романтизма тут нимало / Не вижу я; да что нам в том?*)...” (6, XXIII); “...Приготовляясь, денег ради, / На вздохи, скуку и обман / (*И тем я начал свой роман*)...” (1, LI); “*Читатель ждёт уж рифмы розы; / На, вот возьми её скорей!*) / Опрятней модного паркета / Блистает речка, льдом одета” (4, XLII); “*(Шишков, прости: / Не знаю, как перевести.)*” (8, XIV); “Поздравим / Друг друга с берегом. Ура! / Давно б (*не правда ли?*) пора!” (8, XLVIII).

Любопытно, что обращение “не правда ли?” три раза встречается и в речи Татьяны, при этом один раз как вставка. “Чужая” речь представлена в романе очень редко, но в ней – 8 вставок (одна передаёт несобственно-прямую речь), из них 5 близки по значению к процитированному обращению: “не правда ль?”, “как знать?”, “к чему лукавить?” (речь Татьяны), “слушай, прав ли я?” (речь Ленского), “совесть в том порукой” (речь Онегина).

Отметим некоторые особенности структуры ВК. Их средняя длина – 7 слов, включая служебные. Есть вставки, состоящие из одного слова. Самая большая состоит из 35 слов. Четыре вставки употреблены за пределами предложения – в составе сложного синтаксического целого. Две трети ВК представляют собой предикативные образования. За небольшим исключением это простые предложения, в том числе придаточные предикативные части и части с сочинительными союзами. Выделяются побудительные предложения и предложения со сказуемым, выраженным формой первого лица глагола, придаточные относительные с союзным словом “что”. Среди непредикативных вставок выделяются такие, которые при снятии скобок оказались бы полупредикативными приложениями, или адъективными определениями, или уточняющими обособленными членами предложения.

Как видим, в романе Пушкина “Евгений Онегин” представлено большое количество разнообразных вставных конструкций, причём они близки к авторским отступлениям, их отличает выразительность и эмоционально-экспрессивная насыщенность, они являются одним из средств создания “пёстрых глав, / Полусмешных, полупечальных, / Простонародных, идеальных...”; выражения “лёгких вдохновений”, “ума холодных наблюдений / И сердца горестных замет”.

“Смирный грешник, Дмитрий Ларин ...”

А.О. АМЕЛЬКИН,
кандидат исторических наук

А.С. Пушкина отличало умение рассматривать жизнь в её непрерывном развитии, чувствовать взаимосвязь прошлого и настоящего, видеть следы минувших эпох и ушедших людей в оставленных ими вещах, в поступках ныне живущих современников. Характеризуя героев, поэт показывает не только их теперешнее положение, но старается сказать и об их прошлом, детстве, семье, друзьях и т.п. В “Евгении Онегине”, рисуя психологические портреты Татьяны, Ольги, Ленского, Пушкин описывает семейный круг Лариных. На наш взгляд, от внимания исследователей романа ускользнула одна важная подробность жизненного пути отца этого семейства – Дмитрия Ларина.

Разбирая биографию Дмитрия Ларина, Н.Г. Долинина пишет: “Размеренная, спокойная жизнь по раз навсегда установленным традициям не освещена мыслью, делом; она бесполезна и поэтому страшна. (...) В молодости он участвовал в русско-турецкой войне, заслужил чин бригадира и медаль за взятие Очакова – об этой медали вспоминает Ленский, посетив могилу старого Ларина”. Подводя итог этой остывшей, опустевшей жизни, исследователь горестно восклицает: “Куда же всё-таки уходят поиски, метания, стремления молодости, когда приближается старость? (...) Неужели привычка сильнее всех бурных сил, живущих в человеческой душе?” (Долинина Н.Г. Прочитаем “Онегина” вместе. Заметки о романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Л., 1971. С. 40). Но кажется, что образ Дмитрия Ларина, созданный Пушкиным, не столь уж безобразен в своей пустоте и серости.

Читатель романа уже не застаёт Дмитрия Ларина в живых. Однако то, что поэт сообщает о семье Татьяны и Ольги, позволяет нарисовать живой и конкретный портрет их отца. Рассказывая о детстве Татьяны Лариной, Пушкин пишет:

Отец её был добрый мальй,
В прошедшем веке запоздалый;
Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой
И не заботился о том,
Какой у дочки тайный том
Дремал до утра под подушкой.

(Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 10 т. Л., 1978. Т. V. С. 42; ссылки на “Евгения Онегина” приводятся в тексте: арабской цифрой обозначается глава, римской – строфа).

Дмитрий Ларин, видимо, служил в каком-то полку, об этом говорит его участие в осаде и взятии Очакова (2, XXXVII). Затем женился. Его брак свершился по неволе; жену себе, скорее всего, он нашёл в Москве, на “ярманке невест”. Иначе откуда бы взялась наперсница сердечных тайн его будущей супруги княжна Алина – “её московская кузина” (2, XXX). Да и герой её сердца “игрок и гвардии сержант”, пожалуй, обитал там же. Женившись, Дмитрий Ларин вышел в отставку и уехал в деревню (2, XXXI), где сначала чуть было не развёлся с женой, но после того, как

Она меж делом и досугом
Открыла тайну, как супругом
Самодержавно управлять,
И всё тогда пошло на статью. (2, XXXII)
Но муж любил её сердечно,
В её затеи не входил,
Во всём ей веровал беспечно,
А сам в халате ел и пил ... (2, XXXIV)

Дмитрий Ларин характеризуется как “простой и добрый барин”, семья которого ведёт покойный образ жизни, сохраняя “привычки милой старины”. Наконец

Он умер в час перед обедом,
Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной.
.....
И там, где прах его лежит,
Надгробный памятник гласит:
*Смиренный грешник, Дмитрий Ларин,
Господний раб и бригадир,
Под камнем сим вкушает мир.* (2, XXXVI)

Упомянутый в эпитафии чин бригадира вызывал у современников Пушкина определённые ассоциации. После комедии Фонвизина “Бригадир” носитель этого чина “воспринимался как комическая маска – тип военного служаки” (Лотман Ю.М. Роман А.С. Пушкина “Евгений Онегин”. Комментарий. Л., 1980. С. 206; далее – Лотман и сгр.). Но поэт хотел создать несколько иной, нежели фонвизинский, образ Дмитрия Ларина. Об этом он намекает в надгробном слове Ленского, подражающем, а, по сути, пародирующем, речь шекспировского Гамлета:

“Poor Yorick! – молвил он уныло. –
 Он на руках меня держал.
 Как часто в детстве я играл
 Его Очаковской медалью!
 Он Ольгу прочил за меня,
 Он говорил: дождусь ли дня?..” (2, XXXVII)

Вот здесь-то и появляетсястораживающая деталь. Ю.М. Лотман прокомментировал это место романа следующим образом: «“Его Очаковской медалью!” – *Очаковская медаль* – медаль за взятие турецкой крепости Очаков, имела форму креста с сильно закруглёнными концами (из золота) с надписью “За службу и храбрость” и “Очаков взят в декабре 1788”. Медаль не была индивидуальной наградой, её удостоивались все офицеры – участники штурма. Бригадир – генеральский чин, и Пушкин вполне мог бы дать герою этого ранга орден. Однако орден – индивидуальная награда – всё бы в облик старшего Ларина черты, выделяющие его из массы. Медаль же подчёркивала неиндивидуализированность героя – “как все” храброго при штурме крепости, “как все” – домовитого в отставке» (Лотман, 207).

Но учёный, очевидно, выпустил из виду, что помимо очаковского креста, которым награждались все офицеры, существовала и очаковская медаль (из серебра), имевшая овальную форму, изображение вензеля Екатерины II и надпись “За храбрость, оказанную при взятии Очакова, декабря 6 дня 1788” (Кузнецов А.А. Ордена и медали России. М., 1985. С. 121, 124). Она раздавалась всем солдатам и унтер-офицерам – участникам штурма. Награждение бригадира (военный чин 5-го класса, промежуточный между армейским полковником и генерал-майором) солдатской медалью было бы просто невозможно. А посему: либо на могильном камне неверно указан чин Дмитрия Ларина, либо ошибается в своих воспоминаниях Ленский. Причём Пушкин заостряет читательское внимание на столь явном несоответствии чина и награды, помещая их описание в соседних строфах. Значит это несоответствие имеет для него какое-то значение.

Поэт склоняет нас к тому, что именно Ленский, а не эпитафия, сообщает точные сведения. Ведь не холодному камню, а человеку, тем более детским его воспоминаниям, мы более склонны верить.

К тому же, если предположить высокое положение отца семейства, поражает необычайная бедность Лариных. Они ничем не выделяются среди соседей, хотя семья бригадира (почти генерала) могла бы себе позволить многое из недоступного другим дворянам. А в то время, как в Санкт-Петербурге Онегин в обычные дни пил шампанское высшей марки “вино кометы” (1, XVI), названное так в честь появившейся в 1811 году на небе кометы Галлея (подробнее см.: Лотман, 282, а также: Харджиев Н.И. Краткая история “вина кометы” // Русская речь. 1991. № 4. С. 8), у Лариных на именинах Татьяны подают дешёвое цимлянское вино:

Да вот в бутылке засмолённой,
Между жарким и блан-манже,
Цимлянское несут уже... (5, XXXII)

Ларины живут небогато: на столе у них брусничная вода, домашние, а не выписанные откуда-то яства. Девушки, собирающие ягоды, поют:

“... Чтоб барской ягоды тайком
Уста лукавые не ели...” (3, XXXIX)

Отправляясь в Москву, на “ярманку невест”, барыня Ларина жалуется, что “доходу мало”, и берёт взаймы у соседа (7, XXVI). “Боясь прогонов дорогих” (7, XXXV), Ларины едут “не на почтовых”, а на своих лошадях (“ведут на двор осьмнадцать клячь” – 7, XXXI).

Сберегая деньги, Ларины везут с собой из деревни множество домашних мелочей (Там же). Наконец, украшая собой запряжённый возок,

На кляче тощей и косматой
Сидит форейтор бородатый... (7, XXXII)

и невольно вызывает смех. По требованию моды того времени форейтором должен был быть мальчик очень маленького роста (Лотман, 321). Очевидно, у Лариных обязанность форейтора выполнял дворový мужик “по совместительству”. Это не жадность. Ларины радушны и гостеприимны. Это – разумная бережливость, вызванная скромностью средств. Глядя на такую бедность, невольно задаёшься вопросом: “Да был ли старший Ларин бригадиром?”

Сам спокойный быт его не соответствует образу старого воина, прошедшего большую часть жизни в походах. Достаточно вспомнить, как легко он сдал власть жене, что невозможно было бы ожидать от деятельного офицера, привыкшего, в силу своего высокого положения, самостоятельно принимать решения.

Наконец, не даёт положительного результата попытка совместить

оба сообщения о Дмитрие Ларине и признать, что в 1788 году он носил чин унтер-офицера, а в 10-х годах XIX века скончался отставным бригадиром. Дело в том, что чин бригадира просуществовал лишь до 1799 года. Если во время штурма Очакова старший Ларин был всего лишь унтер-офицером, то он просто бы не успел за 11 лет дослужиться до этого чина. С 1791 по 1799 год Россия не вела значительных войн, и Дмитрий Ларин не имел возможности отличиться в боях. Итальянская же кампания 1799 года была слишком ярким событием, и едва ли Ларин не рассказал бы о своём участии в ней Ленскому. К тому же именно во время этой кампании произошло изменение чинов и выйти после неё в отставку Ларин мог уже только в генеральском, а не бригадирском чине. Сделать же такую головокружительную карьеру в мирное время мог только человек, обладавший большими связями, денежными средствами или просто попавший в фавор. Мы знаем, что семья Лариных была бедна, её глава едва ли пользовался покровительством начальства, ибо, женившись на женщине, не блиставшей в свете и не имевшей внушительного приданого, уехал доживать свой век в деревню.

В примечании к “Евгению Онегину” Пушкин писал: “Смеем уверить, что в нашем романе время расчислено по календарю” (Пушкин А.С. Полн. собр. соч.: В 16 т. М.–Л., 1937. Т. VI. С. 193). Поэтому, если полагать, что Дмитрий Ларин действительно был бригадиром, то он должен был бы выйти в отставку до 1799 года, а более вероятно и до 1796-го. Павловские чистки армии, сопровождающиеся отставкой множества офицеров, едва ли коснулись Ларина. Во-первых, такая опала видного офицера не могла не стать важной страницей в его жизни и наверняка была бы постоянно упоминаема им, а, во-вторых, Ларин был служака до мозга костей и весьма богобоязненный, такие люди нравились Павлу и делали при нём хорошую карьеру. Покинуть же службу по собственному желанию при Павле I было невозможно. Обычно офицеры занимались обустройством семьи сразу по выходе в отставку. Но тогда кажется странным столь долгое отсутствие у Лариных детей, ведь “*вероятный год рождения Татьяны*”, являвшейся старшим ребенком в семье, – 1803 (Лотман, 19). Если же Ларин продолжал службу и при Павле I, то при выходе в отставку он получил бы чин генерала.

Скорее же всего Дмитрий Ларин вышел в отставку при Александре I. Об этом говорит год рождения его старшей дочери. Даже если учитывать первоначальные ссоры, период которых, однако, не мог быть слишком продолжительным, то у Дмитрия Ларина было достаточно времени по смерти Павла I, чтобы выйти в отставку, уладить все свои дела и уехать в деревню. В апреле 1802 года супруги Ларины уже ждали ребёнка. Сравнивая обычную карьеру русского офицера начала XIX века (Целорунго Д. Капитан N // Родина. 1992. № 6–7. С. 10–11) с тем, что

нам известно о Дмитрие Ларине, мы можем реконструировать некоторые этапы его биографии.

Как и большинство русских офицеров-дворян, Дмитрий Ларин был беден (среди офицеров лишь 1,5% были крупными помещиками, 2,3% – мелкопоместными, 85,6% – безземельными). Как все, он был принят на службу в возрасте 18 лет. Это произошло незадолго до осады Очакова, чем и можно объяснить унтер-офицерский чин Ларина на момент взятия крепости. К 1799 году (году отмены бригадирского чина) он достиг того возрастного рубежа, когда обер-офицеры начинают становиться штаб-офицерами. Вскоре после тридцати Дмитрий Ларин выходит в отставку. Военная служба не давала времени и возможности обзавестись семьей, и как большинство офицеров (91%) он не был женат. Выйдя в отставку, он, как и все, спешит вступить в брак, причём обычно свадьбы играли поздней осенью–зимой, что позволяет думать о 1801 годе как о годе женитьбы. Скончался Ларин, вероятнее всего, когда Владимир Ленский был в Германии. Во всяком случае, поведение поэта у могилы отца его возлюбленной говорит о *первом* её посещении Владимиром Ленским, то есть Ларин умер до 1819 года в возрасте 50–60 лет, что по тем временам считалось глубокой старостью.

Реконструированные подробности биографии Дмитрия Ларина, очевидные каждому современнику Пушкина, создают иной, более близкий нашему сердцу образ отца семейства. Получавший небольшое жалование, живший службой и старавшийся преуспеть именно в ней, Дмитрий Ларин, выйдя в отставку, сохранил трепетное отношение к своим былым занятиям. “Покойно жизнь его катилась...” (2, XXXIV), но и в этой мирной обстановке ему не хватало военной героики, простоты и строгости походной жизни. “Он был простой и добрый барин...” (2, XXXVI) и не любил церемонных отношений. К нему

Под вечер иногда сходилась
Соседей добрая семья,
Нецеремонные друзья... (2, XXXIV)

Однако его любовь к военной субординации приводила к тому, что у Лариных за столом “носили блюда по чинам” (2, XXXV). Возможно, эпоха Павла I с её строгостью к службе была наиболее близка сердцу Дмитрия Ларина. Он не подошёл к новым временам. В неизбежном при смене императоров новом распределении чинов ему не нашлось достойного места. А, возможно, и тёмные слухи о кончине государя побудили Ларина оставить службу. Своими взглядами Дмитрий Ларин принадлежал XVIII веку:

Отец её был добрый мальй,
В прошедшем веке запоздалый... (2, XXIX)

Он, как и большинство тогдашних офицеров (66,3%), был плохо образован,

Но в книгах не видал вреда;
Он, не читая никогда,
Их почитал пустой игрушкой... (2, XXIX)

XVIII век – век Просвещения. и Дмитрий Ларин по-своему содействует просвещению, давая Владимиру Ленскому поиграть своей медалью и рассказывая ему о своих походах.

Дмитрий Ларин, гордясь былой службой, перепоручил все дела супруге, “а сам в халате ел и пил” (2, XXXIV) и не замечал, насколько его воинским мечтам не соответствовала вся его мирная жизнь. Пушкин с иронией цитирует надгробную надпись Дмитрия Ларина, в которой происходит уравнивание двух разновеликих понятий: вечного и высокого “Господний раб” и мимолётного, и вследствие этого мелкого – “бригадир”. Такое уравнивание могло произойти только при чрезмерном увлечении памятью о былой службе. Но в этом сохранении памяти о своей службе есть нечто, предполагающее благородство, тягу к высокому, самоотверженность. И хотя в жизни эти черты Дмитрия Ларина приобрели иные формы выражения, неслучайно он умер,

Оплаканный своим соседом,
Детьми и верною женой
Чистосердечней, чем иной. (2, XXXVI)

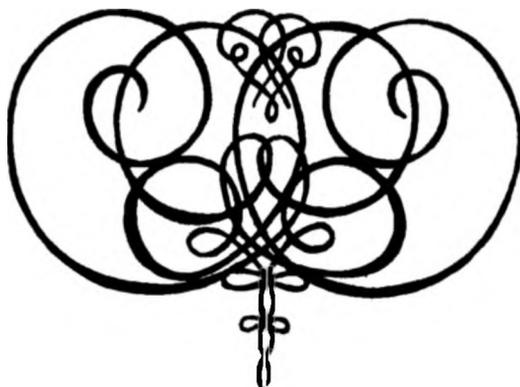
Нужно сказать, что и жена его также имела сокровенную мечту. Выйдя замуж за бедного, немолодого (30 лет в то время считалось уже началом старости) отставного офицера, она хранила в сердце своём мечту о красивом романе, о своём Грандисоне, о блистании в свете. Но она была принуждена уехать в деревню. Этим и вызван её протест, её претензии к мужу. Она была сильная женщина (способная на такой дерзкий по тем временам шаг, как развод), умная (сумевшая взять в свои руки все домашние заботы, достойно отвечать своей кузине; вспомним их разговор при встрече в Москве). У неё хватило ума и сил, чтобы смириться и быть верною женой, найдя в привычке замену своему счастью, недостижимой мечте. Она сохранила и мечту мужа о карьере. Ведь именно она заказывала надпись на надгробии мужа, а собираясь в Москву, вселела запрячь возок “по-генеральски” – 18 лошадьми (7, XXXI–XXXII). Чтение в молодости романов Ричардсона не прошло для неё бесследно.

Следовательно, в семье Лариных у каждого была своя тайная мечта. Каждый из них мечтал, и мечтал о своём. Теперь ясно, откуда такая мечтательность и у Татьяны Лариной. Просто в то время, пока каждый

мечтал в зависимости от своего представления о счастье, “ей рано нравились романы” (2, ХХІХ) и уровень её представлений о красоте и благородстве чувств и поступков оказался значительно выше, чем у окружающих её родственников. Вот к чему привело нас наблюдение над несоответствием двух слов в романе А.С. Пушкина “Евгений Онегин”.

Воронеж

Слово в драматургии

**Речевые портреты
в пьесе Л.Н. Толстого
“Плоды просвещения”**

*Н.С. АВИЛОВА,
доктор филологических наук*

Комедия “Плоды просвещения” писалась Л.Н. Толстым с перерывами в 1886–1890 годы. Первоначально комедия предназначалась для домашнего спектакля. Однако в процессе работы писатель много раз передельвал пьесу, оттачивая её форму. “Странное дело эта забота о совершенстве формы, – писал он 21 января 1890 года в Дневнике. – Недаром она. Но недаром тогда, когда содержание доброе. (...) Надо заострить художественное произведение, чтобы оно проникло. Заострить и значит сделать её [форму] совершенной художественно...” (Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. М., 1952. Т. 51. С. 13). В процессе работы Толстой сатирически заострял комедию. Центром её стали сцены, где показано отношение господ к мужикам и мужиков к господам. И это отношение ярко выражается в построенной автором системе действующих лиц, а одним из средств выразительности выступает живая речь персонажей.

Персонажи “Плодов просвещения” делятся на две группы: лица из народа и представители образованного общества, “мужики” и “господа”. Это: три мужика (1-й, 2-й и 3-й), буфетчик Яков, горничная Таня,

кухарка, кучер, “буфетный мужик” Семён и др. Им противопоставлены: Звездинцев, его жена (“барыня”), их дети Василий Леонидович (Вовб) и Елизавета Леонидовна (Бетси), а также их гости.

В первой группе наиболее типичны три мужика. У каждого свои особенности, которые отражаются в речи. Первый мужик охарактеризован автором так: “Ходил старшиной, полагает, что знает обхождение с господами, и любит себя послушать”. Лексикон этого мужика включает набор слов из литературного языка, которые, однако, претерпели у него сильные просторечные изменения и преобразования. Например, *двистительно* вместо *действительно*, *хворменно* вместо *форменно*, *умственность*, *вполномочить* (уполномочить), *сходственно*, а также *мамзель*, *клеймат* (климат), *штурма*, *великатный* (деликатный), *апетит* (аппетит), *натрет* (портрет) и т.д. В его речи встречаются усложнённые конструкции типа: “Происходит, примерно, насчёт свершения продажи земли мы” (д. I, явл. 16); “...мир нас, примерно, и вполномочил, чтобы взойтить, значит, как полагается, через государственную банку с приложением марки узаконенного числа” (д. I, явл. 26). В ответ тут же следует разъясняющая реплика Звездинцева: “То есть вы желаете купить землю через посредство банка, – так, что ли?” (Там же).

Второй мужик охарактеризован автором как “хозяин, грубый и правдивый, не любит говорить лишнего”. Его язык отличают речения, ярко отражающие деревенский быт: “[Руку жмёт] ровно воду накачивает” (д. I, явл. 34); “Свекрови-то она и погладиться не дастся” (д. II, явл. 1); “...как глянул, что она крышу с избы рвёт, захлопнул дверь...” (д. II, явл. 9); **Таня**. “...Вы бы посмотрели, как я барыню затягиваю. <...>”; **2-й мужик**. “Засупониваешь, значит” (д. II, явл. 14). Для него характерно употребление народных пословиц: “Дай за поросёнка грош, посади в рожь, он и будет хорош” (д. I, явл. 17); “Известно, окрепнет человек – крепче камня; ослабнет – слабее воды” (д. II, явл. 12); “Пили, ели – кудрявчиком звали: попили, посели – прощай, шелудяк!” (Там же).

Третий мужик, по характеристике автора, “нервный, беспокойный, торопится, робеет и разговором заглушает свою робость”. Отсюда в его речи частые повторения: “Сказывал, пока что, лучше бы наружу подождали” (д. I, явл. 17); “А може, скажем, не время таперь, пошли бы на фатеру, обождали бы пока что” (д. I, явл. 20); “Сказывал, на фатеру бы пока что” (д. I, явл. 43); “О Господи! Говорил я – на фатеру бы куда что” (д. I, явл. 46); “Я говорил: на фатеру” (д. II, явл. 16). Он надоедливо, почти без лексических и синтаксических изменений, твердит: “Земля наша малая, не то что скотину, – курицу, скажем, и ту выпустить некуда” (д. I, явл. 26, 40, 52; д. II, явл. 15; д. IV, явл. 25); “Земля малая, не то что скотину, – курёнка, скажем, и того выпустить некуда!” (д. I, явл. 26). С завидным постоянством повторяет одни и те же слова: “О Господи!” (д. II, явл. 6, 11, 12); “И не толкуй!” (д. I, явл. 24, 26); “ска-

жем”: “...того не сделаем, чтоб как-нибудь, а, скажем, как-никак, а что-бы, скажем, того... как должно” (д. I, явл. 26).

Все три мужика в изобилии употребляют просторечия, например, *камардин* в значении “камердинер”: **1-й мужик**. “Прямое дело, *камардин*. В распоряжении, значит, тоже” (д. I, явл. 17); *кавалерия* в значении “орден”. **1-й мужик**. “А нам сказывали, что военный, в заслуге *кавалерии*, примерно” (д. I, явл. 30); *вознать* (узнать): **3-й мужик**. “Тех *вознала*, а меня не *вознала*?” (д. I, явл. 17); *раскутать* (развернуть): **3-й мужик**. “Я было деньги раскутал” (д. I, явл. 27); *прокорм*: **3-й мужик**. “Для *прокорму*, скажем, родителей оставлен” (д. I, явл. 30); *недосуг*: **2-й мужик**. “...*недосуг* танерь” (д. I, явл. 38); *пропой*: **2-й мужик**: “...и без *пропойю* назад не попячусь” (д. II, явл. 1); *анарал*: **2-й мужик**. “Уж и гладок же, ровно *анарал*” (д. II, явл. 5); *чи* в значении “кто такие”: **1-й мужик**. “Это *чи* же?” (д. I, явл. 36); *гожаться* (годиться): **2-й мужик**. “...не *гожаешься* ты для мужицкой работы” (д. II, явл. 14); *фортунить*: **1-й мужик**. “И как тебе *фортунит*, Захар...” (д. II, явл. 1); *болесть*: **3-й мужик**. “Это засушит хуже *лихой болести*” (д. IV, явл. 25).

Во втором действии находим примечательный диалог буфетчика Якова со 2-м мужиком. Здесь нет собственно языковых особенностей, но раскрываются такие детали описания местности, которые возможны только в речи деревенского жителя: **Яков**. “Так знаете мою сторону-то, Вознесенское?”. **2-й мужик**. “Как же не знать? От нас вёрст семнадцать, больше не будет, а бродом меньше. (...) Анисим, значит, брат тебе?”. **Яков**. “Как же, брат родный! На том концу”. **2-й мужик**. “Как не знать – третий двор” (д. II, явл. 12).

По языку близко к мужикам находятся лица, состоящие в услужении в доме Звездинцевых: буфетчик Яков, “буфетный мужик” Семён, горничная Таня, кухарка, кучер и др. Их речь отличают особенности, приобретённые благодаря работе в качестве прислуги. В обращении к господам типичны такие речения, как: *пожалуйте; позвольте; что прикажете; слушаю-с; покорно вас благодарю; позвольте доложить; не изволят быть; так точно* и т.п. О господах они говорят в 3-м лице множественного числа: **Таня**. “Они [барыня] едут с барышней, так скоро сами выйдут” (д. I, явл. 23); **Фёдор Иванович**. “Когда Анна Павловна выйдут” (д. I, явл. 29); “Они [Звездинцев] просили не беспокоить их теперь” (Там же); **Семён**. “На словах приказали сказать, нынче никак быть не могут” (д. I, явл. 37).

В общении между собой прислуга употребляет чисто народные просторечные речения: *сумлеваться, приметить, сробеть, летось, охлопотать, потрафить, улецать, прохлаждаться, пособить* и т.п. Используются такие выражения, как: *зажить* (деньги), то есть “заработать, но ещё не получить”; *сойти с места* в значении “потерять работу”; *расчесть* – “уволить”. Например: **2-й мужик**. “...денег ты много забрал?”. **Семён**. “Я не брал, всё *зажито*, двадцать восемь рублей, долж-

но” (д. II, явл. 6); **Яков**. “А то семейство только стало поправляться, а тут *сойдеишь с места*, когда-то опять попадѣшь” (д. IV, явл. 14); “Теперь меня *расчесть* хочет” (Там же).

Особенно просторечна кухарка: “Да уж как здоровы жрать – беда!” (д. II, явл. 5); “А то двое фортепьян поставят, да и по двое, вчетвером, запузыривают. Так-то запузыривают, аж здесь слышно” (Там же); “...наедятся сладко, так, что больше не лезет, их и потянет на капусту” (д. II, явл. 7); “...глянула: что ж это? – все телешом” (д. II, явл. 6); “...хочешь ты Татьяну за сына брать – бери скорее, пока не изгадилась, а то не миновать” (д. II, явл. 12). Язык кухарки выдаёт её отношение к господам, к своим хозяевам. Автор так и характеризует её: “недовольная”.

Не менее груба речь кучера: “Да привели от Василья Леонидыча трёх кобелей к нам в кучерскую. Напакостили, воют, а приступить нельзя – кусаются. Злые, черти! – того и гляди, сожрут. И то хочу поленом ноги им перебить. <...> какие-то дорогие, пустошсовые, что ль, леший их знает! <...> Повесил бы себе на шею кобелей этих, да и ходил бы с ними” (д. II, явл. 3). Из дальнейшего выясняется, что кучер особенно зол на молодого хозяина: тот “испортил” (загнал) хорошую лошадь.

Особняком стоит камердинер Звездинцева Фёдор Иванович. Он охарактеризован автором как “образованный и любящий образование человек, злоупотребляющий употреблением пенсне и носового платка, который он медленно развёртывает. Следит за политикой. Человек умный и добрый”. Фёдор Иванович использует такие выражения как *медиум*, *скомпрометовать*, *экстаз*: “...как бы ваш новый *медиум* не *скомпрометовал* вас” (д. III, явл. 11); “...увидали, что она в *экстазе*, захлопнули дверь” (д. I, явл. 51). Интересен его диалог с Таней. Горничная говорит: “Они тут постояли, поговорили. Всё о спиритичестве”. **Фёдор Иванович** (*поправляя*). “Об спиритизме”. **Таня**. “Да я и говорю об спиритичестве” (д. I, явл. 8). Толстой приводит тонкую языковую деталь, по которой видно, что Фёдор Иванович, человек из народа, несмотря на всю свою образованность, не владеет иностранным (французским) языком. На протяжении первого действия в передней Звездинцевых находится артельщик из французского магазина Бурдьё, которого всё утро вынуждают ждать и отпускают ни с чем. Господа называют его человеком “от Бурдьё”, а слуги, включая Фёдора Ивановича, и сам артельщик произносят “Бурде” (с “д” мягким): **Леонид Фёдорович**. “А это кто?” **Артельщик**. “От Бурде”. **Леонид Фёдорович**. “А, от Бурдьё!” (д. I, явл. 21).

Речь старшего поколения господ, увлекающихся спиритизмом, насыщена соответствующей терминологией, она не конкретна, отвлечённая. Её носителями предстают хозяин дома Леонид Фёдорович Звездинцев, профессор Круглосветлов, особенно Гросман, а также бывший товарищ министра Сахагов и отчасти “толстая барыня”. Например: “наш сеанс медиумический” (д. I, явл. 21); “начинаются медиумические явле-

ния” (д. I, явл. 22); “может быть и полная материализация” (д. III, явл. 3); **Профессор**. “...всё-таки главное – закон эквивалентности” (д. II, явл. 18), “он начинает вибрировать” (д. III, явл. 19); “погружение в это состояние (...) влечёт за собой некоторые пертурбации в духовном эфире...” (Там же); **Гросман**. “Гипноз может наступить не только при ассоциации (...) но и при одном вступлении в гипногенную зону” (д. II, явл. 18). Тот же Гросман употребляет такие “учёные” слова, как *летаргия*, *абулия*, *анестезия*, *анэглезия*, *каталепсия* (д. III, явл. 19) и т.д. Желая испытать нового медиума – Семёна – Леонид Фёдорович объясняет ему медиумические явления: “Ты пойми, что как мы живём, так невидимый мир духов тут же живёт”, на что Фёдор Иваныч (*поправляя*): “Незримые существа, понимаешь?”. **Семён** (*смеётся*). “Как не понять?” (д. III, явл. 12).

Анна Павловна Звездинцева (барыня) в языковом отношении отличается от спиритов. Барыня не разделяет увлечения мужа спиритизмом и употребляет соответствующую лексику лишь в спорах с мужем, доказывая его неправоту: “Ваш медиумизм – вздор!” (д. IV, явл. 22). Она больше занята своим здоровьем и борьбой с заразой, а помимо того, картами и светской жизнью. Это ясно отражается в её речи: “В одеждах, я думаю, всякая складка полна микроб...” (д. I, явл. 42); “Да ведь они из Курской, из Курской губернии, где повальный дифтерит!...” (Там же); “Полную дезинфекцию надо” (д. I, явл. 44); “...я дезинфицировала всю переднюю” (д. II, явл. 17); “Он больной. он резервуар заразы!!” (д. IV, явл. 23).

В “Плодах просвещения” в речи господ можно наблюдать “антитезу великосветско-французского и безыскусственно-русского стиля речи” (В.В. Виноградов). Господа легко вставляют французские слова, выражения, обращения в свою русскую речь. Вот, например, говорит барыня: “Когда кончите. *messieurs et mesdames*, милости просим ко мне отдохнуть от эмоций...” (д. III, явл. 18). Особенно это характерно для молодёжи Звездинцевых. Уменьшительные имена построены у них на французский или английский лад: Вовó, Кокó, Додó, Фофó, Бетси; обращение к родителям – мамá и папá.

С другой стороны, в речи Василия Леонидовича (Вовó) встречаются просторечия, подчас грубые: “Вымерли все?” (д. I, явл. 18); “Это что за чучелы явились?” (Там же); “Врёшь!” (д. I, явл. 19); “Чёрт знает, что такое” (д. I, явл. 29); “...тысячу рублей, я вам скажу, можно с десятины слупить!” (Там же); “Сунулся к родителю, – зарычал и прогнал” (д. I, явл. 50); “Уж если я возьмусь, от меня не уйдешь! Мёртвая хватка” (Там же). Зачастую просторечие у него соседствует с французским словечком: “Я вам покажу, какой кобель один там у меня. *Epatant!*” (д. II, явл. 17).

Речь Петрищева, приятеля Василия Леонидовича, насыщена игрою слов, что, по словам Бетси, стало его “болезнью”: “Не может без jeu

des mots? Это болезнь” (д. I, явл. 35). Петрищев играет словами по-русски и по-французски и чрезвычайно увлечён этой игрой. На простой вопрос Бетси: “...вы вчера были у Мергасовых?” Петрищев, кокетничая, говорит: “Не столько у *mère Gassof*, сколько у *père Gassof*, и даже не *père Gassof*, а у *filis Gassof*” (Не столько у мамыши Гасовой, сколько у папаши Гасова, и даже не папаши Гасова, а у сына Гасова – д. I, явл. 35); “Что это тут, духи или дүхи?” (д. II, явл. 17); “Марья Константиновна, боюсь!.. дрожки ножат [ножки дрожат]” (д. III, явл. 19); “Да пойдём же, я только Кokoшу-Картошу захвачу” (д. IV, явл. 11). Ещё пример: **Кoko**. “...потом на репетицию. Ведь и ты должен быть?” **Петрищев**. “Как же, непременно. И на репетиции, и на морковетиции (<...> вместе поедем на редькотицию” (д. IV, явл. 5).

Общий характер поведения молодежи – характер лёгкой, бездумной, абсолютно праздной светской жизни, что ярко отражено в репликах. Очень косвенно, даже не в авторских характеристиках действующих лиц, Толстой показывает своё отрицательное отношение к этой среде. Например, назойливое прибавление ко всякой реплике вопросительных частиц *а?* *что?* характеризует Василия Леонидовича как человека недалёкого: “А я никогда, я вам скажу, ничего не отрицаю. А? Что?” (д. III, явл. 17). Ср. характеристику, данную ему бароном Клингеном: “Не понимаю, как ты можешь водиться с таким дураком. Уж так глуп, вот уж истинно шалопай!” (д. IV, явл. 5). Со своей стороны Вово подобным же образом аттестует барона: “Болван твой Кokoша! (<...> Вот пустой-то мальй, настоящий полотёр! Ничем не занят, только шляется. А, что?..” (д. IV, явл. 11).

Итак, речевая характеристика персонажей комедии “Плоды просвещения” чрезвычайно разнообразна и прямо отвечает цели их типизации. В противопоставлении “мужиков” “господам” выявляются характерные приметы каждой из этих групп, но вместе с тем оттеняются индивидуальные черты каждого из действующих лиц.

Глубины чеховского слова

И.В. ГРАЧЁВА,

кандидат филологических наук

Восприятие прозы и драматургии А.П. Чехова во многом зависит от духовного опыта читателя и зрителя, от уровня постижения и осмысления художественных исканий предшественников и современников писателя. Нередко Чехов прямо ссылается на образы и ситуации из произведений русской и зарубежной классики. Но зачастую он вполне доверяет умению читателя уловить в случайно, казалось бы, брошенной фразе особый, глубинный подтекст. Так, в пьесе “Чайка” Сорин, уединённо доживающий свои дни в провинциальном имении, оторванном от большого человеческого мира, жалуется: “Хочется хоть на час-другой воспрянуть от этой пискариной жизни...”. Сорин явно применил к себе сказку М.Е. Салтыкова-Щедрина “Премудрый пискарь”, герой которой весь век пролежал одиноко в норе и только перед смертью ощутил тоску по настоящей, полноценной жизни с её тревогами и радостями. Но если щедринский персонаж сам построил свою жизнь согласно ложным представлениям о счастье, то у чеховского героя, называющего себя “человек, который хотел”, жизнь, вопреки его собственным желаниям и стремлениям, каким-то роковым образом свелась к “пискариному” итогу.

Возможно, пример судьбы Сорина в какой-то мере повлиял на самоубийство Треплева. Его тоже можно назвать “человек, который хотел”. Треплев о многом мечтал, но почувствовал, как трудно бороться с неведомой, страшной, безликой силой зла, подчинившей себе человеческий мир и калечащей судьбы людей. И он не захотел, чтобы эта си-

ла, вопреки его воле, превратила его в очередного “премудрого пискаря”.

А в первом действии пьесы “Вишневый сад” Варя рассказывает Ане: “Хожу я, душечка, целый день по хозяйству и всё мечтаю. Выдать бы тебя за богатого человека, и я бы тогда была покойней, пошла бы себе в пустынь, потом в Киев... в Москву, и так бы всё ходила по святым местам... Ходила бы и ходила. Благолепие!..” Именно это заключительное словечко “благолепие”, впоследствии повторенное Петей Трофимовым, поддразнивающим Варю, вдруг настораживает зрителя. И вспоминаются елейные интонации героини другого драматурга: “Благолепие, милая, благолепие! (<...> В обетованной земле живёте! И купечество всё народ благочестивый, добродетелями многими украшенный!”

Это – странница Феклуша из пьесы А.Н. Островского “Гроза”. На самом деле – она вовсе не странница. так как прислуге в доме Кабановых сама признаётся, что “по своей немощи далеко не ходила, а слышать – много слыхала”. Феклуша – хитрая приживалка, умеющая своими рассказами потрафлять купеческим вкусам и извлекать из этого немалую выгоду. Она не стремится ходить с паломниками по святым местам, её цель – приспособиться в каком-нибудь богатом доме. И Чехов недаром сопоставляет с ней свою героиню. Варя тоже хитрит. Не случайно, ведя разговор с Аней, она, согласно авторской ремарке, не входит вслед за ней в комнату, а “*стоит около двери*”.

Дело в том, что в это время в соседней комнате находится богатый купец Лопахин, только что к ним заглядывавший. Скорей всего, именно для него мечтающая о замужестве Варя громко говорит о желании странствовать по святым местам, уповая на то, что подобные добродетели обычно ценились в купеческой среде. Раневская, пытаясь сосватать свою воспитанницу за Лопахина, прежде всего подчёркивает её хозяйственные качества: “Она у меня из простых, работает целый день...”. Но Варя чувствует, что Лопахину этого недостаточно, и старается заинтересовать его своей высокой духовностью. Однако то, о чём она говорит, на самом деле чуждо её заземлённой, погрязшей в мелких будничных заботах натуре. Недаром, когда поневоле Варе придётся покинуть проданное имение, она не пойдёт по святым местам, а найдёт место экономки у других хозяев. И хотя Раневская утверждает, что Варя “на монашку похожа”, сама же Варя в разговоре о затянувшемся сватовстве Лопахина не без кокетства и горечи говорит, что она лучше “в монастырь бы ушла”, в её поведении чувствуется что-то неискреннее, напускное.

В этой сцене с Раневской Варя напоминает другую героиню Островского – Глафиру из пьесы “Волки и овцы”. В ответ на попытки Мурзавецкой выведать у Глафиры, не интересуется ли она состоятельным помещиком Лыняевым, та скромно отвечает: “Мои мечты другие, ма-

тушка; моя мечта – келья”. При всём различии характеров и ситуаций, Глафира и Варя сходны в одном: за внешним обликом “монашки”, за стремлением порисоваться отрешённостью от земных страстей и даже слегка пококотничать мелодраматизмом положения бедной воспитанницы, обе таят страстную мечту о выгодном замужестве. И когда Варя желает Ане: “Выдать бы тебя за богатого человека...”, – она невольно приоткрывает и собственные заветные устремления. Характерно при этом, что Варю вовсе не интересуют личностные качества жениха, неизменным условием счастья ей представляется брак не с “хорошим” человеком, а прежде всего с “богатым”. Возможно, это почувствовал и Лопухин, так и не сделавший Вале предложения. Наравне с другими причинами, его могло остановить и весьма основательное подозрение, что Вале дорог не он сам, а его деньги.

Беседы Пети Трофимова и Ани в пьесе “Вишневый сад”, их мечты сделать прекрасным садом всю Россию созвучны ситуации, воспроизведённой в чеховском рассказе “Невеста”. Герой рассказа Саша уверен, что когда-нибудь “настанет царствие божие на земле”. Но, не будучи религиозным человеком, Саша употребляет это выражение не в догматическом, богословском смысле, а как некий символ земного “золотого века”. Он уверен, что только общие усилия могут сделать жизнь на земле раем: “И будут тогда здесь громадные, великолепнейшие дома, чудесные сады, фонтаны необыкновенные, замечательные люди...”. Рассказывая о мечтах своих героев, Чехов не случайно подбирает такие слова и образы (“сады”, “фонтаны”), которые читателем будут восприниматься как уже знакомые, узнаваемые. Например, Раскольников в “Преступлении и наказании” Ф.М. Достоевского тоже верил в утверждение на земле “Нового Иерусалима”, подразумевая под этим общество справедливости и социальной гармонии. Достоевский писал о нём “Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Мало-помалу он перешёл к убеждению, что если бы распространить Летний сад на всё Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь”.

В чеховской “Невесте” ощущаются и скрытые переключки с романом Н.Г. Чернышевского “Что делать?”. Чехов стремился показать, что искания его героев – это отражение неиссякаемого, идущего из глубины веков и обращённого и будущее стремления человечества построить жизнь по законам правды и красоты. Образ “сада” объединяет и древние религиозные верования в обретение утраченного некогда человеком райского сада, и представления чеховских современников, воспитанных на естественнонаучных теориях о том, что гармония общественного бытия невозможна без гармонии человека и природы.

В повести Чехова “Стель” мальчик Егорушка, столько наслушав-

шийся про Варламова, про его могущество и власть над степью, разочарован, увидев наконец его самого. Чехов, описывая Варламова, настойчиво повторяет, варьируя, одну и ту же деталь: человек “в костюме из дешёвой серой материи”, “человек в сером”, “малорослый серый человек”. Но для читателя, знакомого с русской классикой, понятие “человек в сером” уже закрепилося за определённым, хорошо известным образом. Л.Н. Толстой в “Войне и мире”, стремясь развенчать ореол величия, окружавший имя Наполеона, приводит знаменательный диалог между Андреем Болконским, желающим побольше узнать о своём кумире, и умным, скептическим князем Долгоруковым, ездившим для переговоров к Наполеону. В ответ на расспросы Андрея, каков же Наполеон, Долгоруков просто отвечает: «Он человек в сером сюртуке, очень желавший, чтоб я ему говорил “ваше величество”, но, к огорчению своему, не получивший от меня никакого титула. Вот это какой человек, и больше ничего». Чувства чеховского Егорушки, поражённого красотой и величавым простором степи и разочарованного при виде того, кто считался её властителем (“малорослого серого человечка”), сходны с разочарованием Андрея Болконского, которому на поле Аустерлица Наполеон показался “маленьким, ничтожным человеком в сравнении с тем, что происходило теперь между его душой и этим высоким, бесконечным небом с бегущими по нём облаками”.

Кстати, серый сюртук Наполеона – это не вымысел Толстого, а характерная черта реального облика французского императора, ставшая общеизвестной. Но можно ли предполагать, что Чехов намеренно использовал толстовскую деталь, чтобы вызвать у читателя соответствующие ассоциации? В письме Д.В. Григоровичу от 5 февраля 1888 года Чехов, сообщая об окончании повести “Степь”, добавляет: “Я знаю, Гоголь на том свете на меня рассердится. В нашей литературе он степной царь. Я залез в его владения...” (Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. Письма. М., 1975. Т. 2. С. 190).

Чеховское повествование о странствующей по бескрайним русским просторам бричке, о её владельце Кузьмичове, озабоченном лишь мыслями о выгодных коммерческих сделках, действительно напоминает мотивы “Мёртвых душ”. Но у Гоголя беззащитный делец Чичиков, рвущийся к обогащению и стремящийся стать хозяином жизни, представлен как бы Наполеоном нового времени. Недаром провинциальные обыватели гадают, “не есть ли Чичиков переодетый Наполеон”. В чеховском Варламове, более деловитом и удачливом, чем Чичиков, тоже чувствуется нечто наполеоновское. Этот человек с “простым русским загорелым лицом” и, вероятно, такого же простого происхождения, стал первым богачом в округе и поставил себя так, что даже графиня Драницкая, у которой в гостиной “висят портреты всех польских королей”, считает за честь, если Варламов посетит праздник в её имении.

Толстой в “Войне и мире”, раскрывая свою своеобразную философскую концепцию, стремился доказать, что представления об исторической значимости и могуществе Наполеона ложны, так как никому не дано сознательно воздействовать на ход истории. Чехов же рассказывал о реальной силе новых, доморощенных завоевателей России, о власти капитала, распространившей своё влияние на все сферы жизни. Перед этой властью отступили и личностные, и сословные отличия человека. Характерен такой эпизод: хозяин сельской лавки, куда зашёл Егорушка, сначала не проявил к мальчику никакого интереса, но когда выяснилось, что у Егорушки в кармане пряник ценой в три копейки за пару, а у него пряники идут по копейке за ту же пару, лавочник вдруг, обращаясь к мальчику на “вы”, гостеприимно предлагает: “Чайку не желаете ли?”. Егорушка, несмотря на свой детский возраст, знает о Варламове прежде всего то, что он “имеет денег гораздо больше, чем графиня Драницкая”. И эта титулованная барыня, забыв сословную гордость, разыскивает Варламова по постоянным дворам, когда он ей понадобился по какому-то делу. Увидев Варламова, Егорушка сразу понял: “как ни заурядна была его наружность, но во всём, даже в манере держать нагайку, чувствовалось сознание силы и привычной власти над степью”.

Но в то же время всей своей повестью Чехов наводит читателя на мысль, что эта власть “наполеонов” буржуазной формации, лица которых выражают лишь “деловую сухость”, не принесёт России ничего доброго. И тема “серого человека” начинает приобретать новый оттенок. Так, рассказывая о Варламове, Чехов постоянно повторяет, что он “кружится” по степи, словно вызывая ассоциации с какой-то степной хищной птицей. Но могут возникнуть и иные ассоциативные переосмысления. В народных поверьях образ “серого” или “чёрного” человека зачастую является обозначением нечистой силы, принявшей человеческий облик. С нечистой связан и мотив “кружения”. Интересна и такая деталь: Варламов появляется перед обозом, с которым едет Егорушка, из предутренней тьмы. “Солнце ещё не взошло”, – отмечает Чехов. Варламов сам как будто порождение ночной мглы. Характерно, что подобные переосмысления тесно связываются с “наполеоновской” темой.

И Гоголь, и Толстой в своих произведениях отмечали, что многие склонны были видеть в Наполеоне самого Антихриста. Всеобщее поклонение “золотому тельцу” в пореформенной России, когда деньги стали главной и всё определяющей ценностью, наводило современников Чехова на мысль, что люди, сами того не замечая, пошлы под власть дьявола. Эти идеи нашли отражение в литературе. В поэме Н.А. Некрасова “Кому на Руси жить хорошо?” то рассказывается, как крестьяне сочли яркую комету предзнаменованием явления Антихриста, то приводятся страстные проповеди старообрядца Кропильникова, на-

зывавшего представителей пореформенной власти “антихристовыми посланниками”.

А в романе Ф.М. Достоевского “Идиот” скромный чиновник Лебедев, по-своему толкуя Апокалипсис, доказывал, что в России уже наступило царство Антихриста. Герою чеховского рассказа “Случай из практики” Королёву в багровых огнях фабричных окон чудятся глаза дьявола, своевольно и зло играющего человеческими судьбами. Незримое его присутствие ощущает и Треплев в “Чайке”, написавший необычную пьесу о борьбе дьявола и Мировой Души. Эта тема скрыта и в подтексте “Степи”, не случайно здесь приводится разговор подводчиков об умножении человеческих грехов. Старик Пантелей “с таким выражением, как будто ему становилось жутко”, рассказывал, что злых и грешных людей стало гораздо больше, чем праведных. Узнав имя Егорушки, Пантелей сразу же отмечает, что тот назван в честь “Святого великомученика Егория Победоносца”.

Г.И. Тамарли в статье “Чехов и живопись”, анализируя цветовые эпитеты чеховской повести, указывает, что в описании степи доминируют жёлто-коричневые тона, а образ Егорушки отмечен красным цветом (“кумачовая рубаха”, “красный цвет рубахи”). Это сочетание соответствует цветовой гамме, характерной для русских икон, изображающих Георгия Победоносца. Для русского человека Святой Георгий – защитник, заступник, победитель тёмных сил. Егорушка, несмотря на свой юный возраст, не может мириться с жизненным злом, к которому привыкли окружающие. Не случайно он один встает на защиту Емельяна, безвинно обиженного озорником и силачом Дымовым. Тамарли делает вывод: “Не содержит ли образ Егорушки в подтекстовом звучании надежду автора на юное поколение, пока ещё слабое, но уже неравнодушное?” (Творчество А.П. Чехова: Особенности художественного метода. Вып. 5. Ростов-на-Дону, 1980. С. 63).

“Степь” – не просто рассказ о впечатлениях мальчика, покинувшего родной дом и впервые познакомившегося с огромным природным и человеческим миром. В “Степи” повествуется о становлении души одного из будущих народных заступников, одного из тех, кому придётся вступить в борьбу с Наполсонами-Антихристами новой формации, чтобы сделать земную жизнь райским садом.

Рязань

Николай Гумилев
в “Реквиеме” Анны Ахматовой

О.А. ЛЕКМАНОВ,
кандидат филологических наук

Как известно, биографической основой для ахматовского “Реквиема” (1935–1961) послужил арест её третьего мужа *Николая* Пунина и её сына *Льва Гумилёва*. Но и страдальческая тень *Николая Гумилёва* без сомнения бросает отсвет на читательское восприятие цикла. Приведём характерный отрывок из воспоминаний Лидии Жуковой, которая в 1935 году однажды оказалась соседкой Ахматовой в бесконечной тюремной очереди: «Вот и её черед, она подошла к окошку-щёлке, – там какие-то петлицы и неприступный манекен; негромко, не разжимая рта, она произнесла положенное: “Ахматова – Гумилёву” (<...> По застывшей очереди волной отзывались эти имена. Льва Гумилёва, сына двух поэтов, называли за грехи отцов, быть может, только за то, что они поэты» (Цит. по: Ахматова А.А. Requiem / Сост. и прим. Р.Д. Тименчика при участии К.М. Поливанова. М., 1989. С. 155–156).

Судя по дневнику Н.Н. Пунина, в фамилии отца была склонна искать причину ареста сына и сама Ахматова: “...Что он видал, мой мальчик? Он никогда никаким образом контрреволюционером не был... Способный, молодой, полный сил – ему завидуют и сейчас используют то, что он сын Гумилёва... Как из меня сделали вдову Гумилёва” (Там же. С. 194).

Но ведь и в ахматовском “Реквиеме” упоминание о Гумилёве-сыне соседствует с упоминанием о Гумилёве-отце:

Тихо льётся тихий Дон,
Желтый месяц входит в дом.
Входит в шапке набекрень.
Видит жёлтый месяц тень.
Эта женщина больна,
Это женщина одна,
Муж в могиле, сын в тюрьме,
Помолитесь обо мне.

Помимо очевидной переключки с детской считалкой о месяце, “который вынул ножик из кармана”, это стихотворение содержит отсылку к знаменитой ахматовской “Молитве” 1915 года:

Дай мне горькие годы недуга,
Задыханья, бессонницу, жар,
Отыми и ребёнка, и друга,
И таинственный песенный дар –
Так молюсь за Твоей литургией
После стольких томительных дней,
Чтобы туча над тёмной Россией
Стала облаком в славе лучей.

Сбылось почти всё, о чём просилось: были “дарованы” болезнь, бессонница, потеря “и ребёнка, и друга”. Только вот вместо солнца, залившего Россию лучами славы, из тумана вышел зловецкий “желтый месяц” “в шапке набекрень”. А потому истовая “Молитва” Ахматовой о России теперь сменяется обращением поэтессы к людям России: “Помолитесь обо мне...”

Стихотворение “Тихо льётся тихий Дон...” в мини-цикле “Вступление”, открывшем “Реквием”, помещено вторым. Четвёртым – стихотворение “Показать бы тебе, насмешнице...”:

Показать бы тебе, насмешнице
И любимице всех друзей,
Царскосельской весёлой грешнице,
Что случится с жизнью твоей –
Как трёхсотая, с передачею,
Под Крестами будешь стоять
И своею слезою горячею
Новогодний лёд прожигать.
Там тюремный тополь качается,
И ни звука – а сколько там
Неповинных жизнью кончается...

Представляется более чем вероятным, что эти строки сознательно ориентированы на стихотворение Николая Гумилёва “Память” (которое Ахматова в своих позднейших записных книжках назвала “замечательнейшим” из произведений поэта. См.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). М.-Торино, 1996. С. 639).

“Память”, напомним, строится как каталог портретов автора стихотворения в разные годы жизни (“Самый первый: некрасив и тонок...”; “И второй... любил он ветер с юга...”; “Я люблю избранника свободы, / Мореплавателя и стрелка...”). На исходном контрасте выстрочно и стихотворение Ахматовой.

Дополнительным сигналом, указывающим на присутствие в стихотворении “Показать бы тебе, насмешнице...” гумилёвской темы, может послужить упоминание о Царском Селе в третьей его строке.

О “Москве Краснокаменной” М.А. Булгакова

А.В. НИКОЛАЕВА,
кандидат филологических наук

Позиция автора в произведении выражена в художественном слове. Но и слово может быть объектом авторского рассмотрения, выступать в качестве “чужого”, по отношению к которому автор оказывается в позиции слушателя. Как известно, повествование, ориентированное на восприятие “чужого” слова, ведётся от лица персонажа или рассказчика. Но нередки такие формы организации текста, когда читатель вовлекается в такую речевую атмосферу, что сам становится очевидцем происходящего. В этом случае языковая стихия, в которую писатель хочет погрузить читателя, воспринимается как бы напрямую, без посредников.

М.А. Булгаков в фельетоне “Москва Краснокаменная” (1922) изображает город, его речевую среду. Уже с первого предложения читателю предстоит настроиться на “слуховое” восприятие текста:

“Жужжит Аннушка, звонит, трещит, качается” (Булгаков М.А. Повести. Рассказы. Фельетоны. М., 1988. С. 39; далее – только стр.). “Аннушка” – это трамвай, глаголы служат целям его характеристики. Нет длинных описаний, ланидарный стиль, общая картина воссоздаётся с помощью мира звуков, сопровождающих ту или иную сцену. Фонетическая акцентировка влияет на ход смыслового восприятия сообщения.

“Мотоциклы. Авто. Свистят, каркают, как из пулеметов стреляют” (40). Резкость звучания выражена цепочкой глаголов: *жужжит, звонит, трещит, свистят, каркают*.

Глаголы, сконцентрированные в пределах одного предложения, выполняют кроме описательной ещё и экспрессивную функцию. Указывают на непрерывность действия, его важность. Благодаря этому звуковое оформление становится тем самым мостиком, по которому читатель переходит в новое для него качество слушателя.

“Красный спец. Служит не то в Хму, не то в Цусе. (...) Каждый день ходит на Тверскую в гигантский магазин Эмпео (в легендарные времена назывался Елисеев) и тычет пальцем в стекло, за которым лежат соковища.

–Э-э... два фунта...

Приказчик в белом фартуке:

– Слуш... с-с...” (39).

И уже речь людей накладывается на общий шум города. Доминирует не смысловая, а фонетическая организация текста. Междометие “э-э” и приказчиковое “с-с” говорят читателю гораздо больше, чем весь этот коротенький диалог. Бесмысленность и нелепость столкновения плебейского “э-э” и старорежимного “с-с” подчёркивают абсурдные аббревиатуры “Хму” и “Цус”. Они дополняют набор разрозненных звуков, увлекающих рассудок в хаос расчленённых, ополовиненных слов: “красный спец”, “авто”, “нэпман”, “совпублика”, “Цупвоз”, “Цустран”, “Моссельпром”, “Униторг”, “Мосторг”, “Центробумтрест” и т.д.

В разноголосице чудовищных для уха звуков нет места нормальной речи. Знакомые слова и выражения выглядят уродливо и искаженно.

«– Сиводнишня “Известия-я”... Патриарха Тихxxx-а-а-ана!..

Эсеры... “Накану-у-не”... из Бирлина только што па-а-лучена» (41). И вновь важен не смысл, а звучание, произнесение. Главное – дать услышать гомон, говор Москвы.

Среди вскриков обновленной Москвы неуместным выглядит угодливое извозчика:

“Вас возил, господин” (40). А господ нет, нет вообще конкретных людей, есть некая усреднённая “совпублика”.

Нагромождение звуков нужно лишь для того, чтобы показать их беззвучность, когда негромко, но страшно-раздельно произносится од-но-единственное слово “г-о-л-о-д”:

“И в пёстром месиве слов, букв на чёрном фоне белая фигура – скелет руки к небу тянет. Помогите! Г-о-л-о-д. В терновом венце, в обрамлении косм, смертными тенями покрытое лицо девочки и выгоревшие в голодной пытке глаза. На фотографиях распухшие дети, скелеты взрослых, обтянутые кожей, валяются на земле. Всмотрись. Предста-вишь себе – и день в глазах посереет” (42).

В этом фрагменте писатель уже не слышит шума города, а воспринимает всё иначе, через цветовые зрительные образы: “на чёрном фоне белая фигура”, “выгоревшие глаза”, “день посереет”.

Писатель не только рассказывает, он призывает, то есть становится

активным участником событий. Личные глагольные формы – *всмотришься, представишь себе* – помогают читателю понять, что речь идёт об отношении реального человека к тому, что он видит. Интересно то, что когда автор как субъект повествования появляется перед читателем, сразу смолкает шум города. Мы слышим только голос автора. Большую роль в такой организации текста играют особые формы последовательности описания. В тексте, выполненном при помощи субъективации авторского “я”, предметы описываются по мере того, как они попадают в поле зрения рассказчика. Типичной формулой является: *увидел перед собой, сзади, справа...* Построение образа происходит путём отталкивания от определённой детали, факта. Но писателю необходимо доказать, что он объективен, что в его позиции нет ничего частного и предвзятого. Поэтому, когда говорится о жизни города, мы не видим автора-рассказчика, он уходит на второй план. В тексте акцентируется иная лексика, изменяется синтаксическое оформление и даже фонетическое звучание.

Языковая атмосфера послереволюционной Москвы чужда писателю. Он не мыслит себя в ней, хочет от неё отгородиться. Описание города выглядит, на первый взгляд, свободным от каких-либо оценочных характеристик. Приведён в действие иной уровень восприятия. И автор, и читатель оказываются в роли непосредственных свидетелей. Это создаёт у читателя иллюзию причастности к тому, о чём идёт речь, как бы уравнивает его с автором, рождая ощущение со-творчества. Поэтому, когда автор напрямую обращается к читателю с просьбой помочь, то читатель уже полностью вовлечён в происходящее, разделяет авторскую точку зрения, не может остаться в стороне.

Три века

С.М. БЕЛЯКОВА,
кандидат филологических наук

Слово *век* в общерусском языке имеет несколько значений. Обратим внимание на три из них (на наш взгляд, важнейшие): 1) “столетие”, 2) “эпоха, период времени, характеризующийся чем-либо”, 3) “жизнь, период существования кого-либо”. В общелитературном языке, безусловно, главным является первое из них. В говорах на первый план выходит третье.

Значение “жизнь” у слова *век* также приводится словарями литературного языка, но трактуется по-разному: в словаре под редакцией Д.Н. Ушакова – с пометой “разговорное”, в словарях С.И. Ожегова и В.В. Лопатина и Л.Е. Лопатиной – без помет, в МАС – с пометой “в литературном языке только с определением”: *мой век, на своем веку*. Можно говорить лишь о том, что в литературном языке это довольно ограниченное употребление, связанное с определенными контекстами.

Связь понятий и лексем *век – жизнь* не является принадлежностью только русской культуры. Как пишет в книге “Константы. Словарь русской культуры” Ю.С. Степанов, «само понятие “век, столетие” *saeculum* в Риме определялось продолжительностью жизни одного поколения».

Во многих русских говорах слова *век* и *жизнь* являются синонимами. Например: *Люди век прожили. Вот так жизнь прожили. Маеишья век-от. Всю жизнь промаялась*. Ср. также литературный и диалектный варианты пословиц: *Жизнь прожить – не поле перейти; Век-то жить –*

в поле ехать; Век прожить – не поле перепхать. Однако между этими словами имеются семантические и стилистические различия. *Век* в данном значении обладает высокой стилистической окраской, которая проявляется и в говорах, хотя о ней следует говорить осторожно, так как проблема стилистической дифференциации диалектной лексики пока не решена.

В диалектах (в частности брянских, что зафиксировано в “Словаре брянских говоров”) отмечается также оттенок значения “определенный период в жизни человека” (*Я живу на собачьем веке, на конином была*), для них также характерны фразеологические сочетания *Бог дал (не дал) веку*. Например: *Вот сколько веку Бог дал*. Аналогичные примеры находим в словаре В. Даля. Можно говорить о наличии в значении слова компонента “предопределенность”. Это подтверждает фразеологизм *Бог век дал* со значением “такова судьба, так суждено”, зафиксированный в новосибирских и курганских говорах.

В диалектах, а также в разговорной речи отмечается значение “конец срока жизни, смерть”, например: *Прежде веку не помрешь* (Даль); *От роду и до веку*. Близкое к этому значение реализуется в известной поговорке *Сорок лет – бабий век*. Такое употребление слова *век* можно встретить в повести В. Распутина “Прощание с Матёрой”: “И как нет, казалось, конца и края бегущей воде, нет и веку деревне”.

В народе существует представление о том, что Бог может *прибавить* (или *убавить*) *веку*, то есть продлить или сократить время существования человеческого рода. Знать *век* – это “период существования человеческого рода”. Ср. в словаре иод редакцией Д.Н. Ушакова: *до скончания века* (церк.) – “до конца мира”, а в словаре В. Даля одно из значений слова *век* – “быт, бытие вселенной в нынешнем ее порядке”. Можно сказать, что здесь отражены, с одной стороны, христианские представления о конечности времени (тем более, что *век* связан с Богом), а с другой стороны, есть переключка с литературным значением слова *век* “столетие” и наивной связью конца века (столетия) с концом света.

При обращении к литературным, поэтическим текстам обнаруживается одна общая закономерность – преимущественное употребление слова *век* в значении – “эпоха, период времени”: *о грозный век военных споров, свидетель славы россиян; Ужасный век, ужасные сердца: В наш век, вы знаете, и слезы преступленья* (Пушкин); *В наш век все чувства лишь на срок* (Лермонтов); *Настанет новый, лучший век* (Пастернак). Отмечается и значение *век* – “жизнь” (особенно часто у Пушкина): *Я знаю, век уже мой измерен; Свой долгий ясный век еще ты смолоду умно разнообразил* (Пушкин); *Скрывался в то время праведный старец, в посте и молитве свой век доживал* (Лермонтов); *Нам скоротает век работа* (Блок); *Я ловлю в далеком отголоске, что слушится на моем веку* (Пастернак).

В XX веке в поэтических текстах (вероятно, и в общелитературных в целом) на первый план выходит значение “столетие” (имеется в виду прежде всего наш век). Причем слово *век* в данном значении поэтически осмысливается как активное начало: *Век шествует путем железным* (Блок); *Бьется об стены комнат комком неприкрашенным век* (Пастернак); *Мне на плечи кидается век – волкодав; Век мой, зверь мой* (Мандельштам). С соответствующим понятием устанавливаются “личные” отношения: *Я в сердце века* (Мандельштам); *А я росла в узорной тишине, в прохладной детской молодого века; И старше была я века ровно на десять лет* (Ахматова). Кстати, созвучность лексем *век* и *человек* позволяет не только рифмовать их в стихах, но и сопрягать соответствующие понятия. Сопряжение понятий “столетие – эпоха – время вообще” и “человек, личность” может иметь контрастивный характер или отражать другие отношения. Например:

Век девятнадцатый, железный,
 Воистину жестокий век!
 Тобою в мрак ночной, беззвездный
 Беспечный брошен человек.

(Блок)

Попутно отметим, что словосочетание *железный век*, изначально имевшее терминологическое значение (ср. *каменный век*, *бронзовый век*), метафоризируется в поэзии, приобретая смысл “жестокий”: *Наш век – торгаши, в сей век железный без денег и свободы нет* (Пушкин). В один ряд с данным словосочетанием выстраиваются также сочетания *золотой век* и *серебряный век*. Каждое из них приобрело особый смысл, однако фразеологические словари их не фиксируют. *Золотой век* – это время наивысшего расцвета (в прошлом) или некие времена благоденствия, которые наступят в будущем. Например: *Это – когда будет век золотой* (Ахматова); *Разнежась, мечтали о веке златом* (Блок). Наконец, выражение *Серебряный век* прочно прикрепилось к периоду рубежа XIX и XX веков, характеризовавшемуся значительным подъемом, расцветом русской культуры. Впервые употребленное Н. Бердяевым, а затем Н. Огулом, оно вошло в общелитературный обиход.

Наличие различных значений у слова *век* подкрепляется рядом показателей. *Век*¹ имеет форму множественного числа – *века*. *Век*² также имеет эту форму, но она употребляется редко. И наконец, *век*³ практически ее не имеет, что легко объяснимо: человеческая жизнь уникальна, неповторима (хотя слово *жизнь* образует форму мн.ч.). Кроме того, словоформа *века* зачастую не является лишь грамматической формой мн.ч. от *век*¹. Она приобретает особую семантику – “продолжительный период времени”: *Вот казнь за целые века злодейств* (Лермонтов); *Ночь – как века* (Блок); *И мудрое сферическое зданье народы и века переживет* (Пастернак). Такая лексикализация отмечается и у других

существительных, обозначающих отрезки времени, например: *год – года* (и *годы*), где форма мн.ч. обозначает также возраст человека, зачастую немолодой.

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы. Слово *век* имеет в русском языке три основных значения, частично получающих формальное выражение. В различных подсистемах языка на первый план выходят разные значения: в литературно-поэтическом языке это значение “эпоха”, в народно-разговорном – “жизнь”. Слово обладает семантической многогранностью, оттенки значений как бы перетекают друг в друга, доходя до антонимических, что представляет собой яркий пример семантической диффузии слова.

Значение “жизнь” у слова *век* архаично, связано с церковной традицией. В то же время оно активно живет в народном языке, отражая некоторые христианские представления.

В заключение скажем, что в поэтических текстах, где, как известно, наблюдается совмещение нескольких значений слова, можно найти примеры такого рода и со словом *век*. Это иллюстрирует, например, отрывок из стихотворения, опубликованного на страницах газеты “Аргументы и факты” без указания автора:

Шарканьем ног
обернется бег
и ослабнет зренье –
не разгляжу,
как уйдет мой век
и чужое приспееет время.

Тюмень

Ценный – ценностный – ценовой

В.И. КРАСНЫХ.

кандидат филологических наук

Из трех указанных в заглавии паронимов лишь прилагательное *ценный* издавна употребляется в русском языке, два других появились в нем сравнительно недавно. В толковании слова *ценный* между словарями имеются некоторые расхождения, касающиеся как выделения тех или иных значений и их смысловых оттенков, так и самих формулировок, а также нумерации значений. Не вдаваясь в детали этих расхождений, мы хотели бы на основе существующих определений следующим образом сформулировать значения этого слова: 1. Стоящий больших денег, дорогой. 2. *Перен.* Такой, который имеет важное, существенное значение; такой, которым дорожат, очень нужный. 3. С обозначенной стоимостью, ценой.

Для того чтобы показать, как функционирует это прилагательное в указанных значениях, необходимо (как это делалось и в предыдущих заметках) очертить прежде всего круг существительных, сочетающихся с ним, и проиллюстрировать эту сочетаемость цитатами из художественной литературы и периодики.

Применительно к первому значению этого слова можно указать такие существительные: *вещи, подарок, премия, приз, трофей, покупка, приобретение, украшение, ваза, сервиз, посуда, кольцо, перстень, кольцо, картина, монета, марка, недвижимость, коллекция, оборудование, рукопись, меха* и др. Например:

“Есть решение наградить товарища Довлатова *ценным подарком*” (Довлатов. Чემодан); “Все сколько-нибудь *ценные вещи* – кольца, ложки – давно заложены” (Герцен. Былое и думы); “Корону победительницы и *ценные призы* получит самая обаятельная, эрудированная и хозяйственная толстушка” (Сегодня. 1994. 27 мая); “Если вам досталась очень *ценная* или редкая *картина*, ей нужно создать особые условия, подчеркнув ее значимость” (Домашний очаг. 1998. Декабрь).

С прилагательным *ценный* во втором (переносном) значении этого слова употребляется наибольшее количество существительных, в основном, отвлеченных: *информация, сообщение, наблюдение, сведения, показания, признание, предложение, замечание, дополнение, указание,*

инициатива, начинание, материал, документ, мысль, идея, источник чего-л., улика, опыт, открытие, изобретение, свойства, качества, словарь, породы (напр., лошадей, собак, рыб, деревьев), рукопись, коллекция, оборудование, архив, библиотека, автограф, картотека и т.д.

А что касается выделенного смыслового оттенка этого значения ("такой, которым дорожат, очень нужный"), то применительно к нему речь может идти лишь о немногих существительных (обычно одушевленных): *работник, сотрудник, свидетель, партнер, чиновник, помощник, кадры* и некоторые другие.

Проиллюстрируем сказанное примерами: "Заслужил он (Клятва) премию за свой хитрый ход, за *ценную информацию*" (Дашкова. Никто не заплачет); "Газеты активно используются всеми разведками мира как наиболее *ценный источник* разведывательной информации" (Новая газета. 1999. 22 февраля); "И это не единственное из приведенных автором *ценных наблюдений*, которые могли бы оказаться полезными российскому читателю" (Деньги. 1999. № 4); "Получив *ценные указания* от начальства, мы разошлись по домам" (Квинов. Охота на крыс); "Он (Орест Иванович) по опыту знал, что особо *ценных работников* на эти дела не посылают" (Велембовская. Вид с балкона); "Для местных журналистов он (Авалишвили) самый *ценный чиновник* в администрации..." (Профиль. 1999. № 7).

Следует отметить одну интересную особенность, касающуюся первого и второго значений паронима *ценный*. Некоторые существительные (например, *оборудование, коллекция, рукопись, архив, библиотека*) могут употребляться с ним и в первом и во втором значениях, в зависимости от того, на что именно мы хотим сделать акцент в нашем высказывании – на стоимость (дорогой) или на общественную значимость соответствующего предмета. Уточнить смысл высказывания может помочь только более широкий контекст, хотя в большинстве случаев то, что важно, общественно значимо, имеет и высокую денежную стоимость.

Количество существительных, сочетающихся со словом *ценный* в гретьем значения ("С обозначенной стоимостью, ценой"), весьма ограничено: *бумаги* (к которым относятся: *акции, векселя, облигации, сертификаты*), *почтовые отправления, бандероль, письмо, посылка*. Например: "На имя Петра Илиодоровича прислали однажды с почты повестку на какую-то *ценную посылку*" (Куприн. Локон); "Рынок *ценных бумаг* в России только складывается и от совершенства еще далек!" (Известия. 1994. 2 июля).

В отличие от прилагательного *ценный* его пароним *ценностный* официально получил "права гражданства" лишь в словаре Д.Н. Ушакова (1940 г.) и рассматривался при этом как экономический термин, связанный с обозначением стоимости чего-л. в каких-л. ценах (например, "выполнение плана в *ценностном выражении*"). В таком же специаль-

ном значении это слово включалось и в академические словари (“ценностный учет, ценностный хозрасчет”). В толковом (словаре С.И. Ожегова содержится лишь упоминание об этом парониме (со ссылкой на существительные *цена* и *ценность*), но значение его не раскрывается.

Для массового читателя, естественно, интерес представляет не это первоначальное (уже явно устаревшее), а новое значение рассматриваемого паронима, отмеченное впервые в словаре-справочнике “Новые слова и значения” под ред. Н.З. Котеловой (М., 1984): “Относящийся к нравственным, эстетическим и другим духовным ценностям”. В частности, понятие “ценностная ориентация” трактуется там как “Отношение к окружающему миру, к человеческой деятельности с точки зрения нравственности и др. критериев”. Кроме существительного *ориентация*, с прилагательным *ценностный* сочетаются и некоторые другие существительные, относящиеся к тому же семантическому полю: *установки*, *ориентиры*, *подходы* и *анализ*. Эти словосочетания довольно широко встречаются в современных социологических, философских, психологических исследованиях и в публицистике. Приведем два примера из упомянутого словаря-справочника “Новые слова и значения”: “В семье человек получает первые *ценностные установки*, ориентации, учится или управлять вещью, или подчиняться ей” (Комс. правда. 1973. 5 авг.); “Научные работники обследовали жителей села, изучили их потребности, интересы, *ценностные ориентации*” (Шубкин В. Начало пути // Новый мир. 1976. № 2).

Что же касается паронима *ценовой*, то это слово появилось лишь в самые последние годы и впервые зафиксировано в “Толковом словаре русского языка конца XX в.” под ред. Г.Н. Складчиковской (СПб., 1998). Его значение можно определить следующим образом: “Связанный с ценами, с их формированием”. Это прилагательное встречается преимущественно в общественно-политической литературе. К настоящему времени, в связи с развитием рыночной экономики, сложился уже довольно широкий круг существительных, которые сочетаются с этим паронимом: *война*, *беспредел* (разг.), *варианты*, *вилка*, *группа*, *спектр*, *диапазон*, *планка*, *изменения*, *конкуренция*, *контроль*, *конъюнктура*, *механизм*, *ниша*, *обвал* (перен.), *ограничение* (спроса), *подъем*, *дисбаланс*, *политика*, *скачок*, *эквивалент*, *уровень*, *ситуация*, *факторы* и некот. др. Приведем примеры, иллюстрирующие современное употребление этого слова:

“*Ценовая политика* фирмы довольно демократична и рассчитана на то, чтобы привлечь покупателей с разным уровнем доходов” (Известия. 1994. 1 июня); “... Рынок недвижимости постепенно стабилизируется. Главные *ценовые изменения* уже произошли” (Деньги. 1999. № 4); «*Функции ценового контроля* полностью сохраняются за госкомпанией “Росвооружение”» (Известия. 1994. 21 мая); “В этом *ценовом диапа-*

зоне можно рассчитывать на приобретение 486-го компьютера трехлетнего возраста...” (Г. Евсеев и др. Вы купили компьютер); “Мы проанализировали состояние рынка подержанных и новых микроавтобусов в *ценовой группе* до 10–11 тысяч долларов” (Известия. 1999. 5 мая).

Таким образом, можно констатировать, что наряду с прилагательным *ценный*, имеющим широкую сочетаемость с существительными в первом и особенно во втором (переносном) значениях, в настоящее время получили распространение и его паронимы – *ценностный* и *ценовой*, которые имеют свои собственные лексические “ниши”. *Ценностный* употребляется тогда, когда речь идет о морально-этических понятиях и проблемах, а употребление слова *ценовой* связано с областью экономики и финансов, причем круг “обслуживаемых” им существительных активно расширяется.

Отвечаем любознательным

Ищите женщину

Выражение это употребляется (часто по-французски: *Cherchez la femme*), когда хотят сказать, что виновницей какого-либо события, несчастья, преступления является женщина. Крылатым оно стало благодаря роману Александра Дюма (отца) “Могикане Парижа”, который он позднее переделал в одноименную драму. Слова эти в романе и в пьесе постоянно произносит один полицейский чиновник. Интересно, что Дюма использовал выражение, которое действительно любил употреблять известный чиновник французской полиции Габриэль де Сартин.

Заметки об иноязычных словах

*Планёр, гексаген, имейл**Л.П. КРЫСИИ,**доктор филологических наук*

Мне позвонил мой одноклассник, получивший квартиру вблизи станции метро “Планерная”.

–Как надо говорить – станция “ПлАнерная” или станция “ПланЁр-ная?” – спросил он.

–Конечно, “ПланЁрная”, потому что *планёр* – слово французское, и ударение в нем – на последнем слоге. В прилагательном месте ударения сохраняется.

Прятеля мой ответ вполне удовлетворил, а я задумался: так-то оно так, только отчего же все говорят *плАнер* и станцию называют *ПлАнерной*, а не *ПланЁрной*? Современный “Орфоэпический словарь” допускает произношение *плАнер* наряду с нормативным *планЁр*. Но почему распространилась эта неправильная произносительная форма?

Вот какое объяснение кажется вполне правдоподобным.

Модель существительного: основа + суффикс -ёр – используется для образования названий лица по роду его деятельности: *билетёр, боксёр, бракёр, контролёр, лифтёр, киоскёр, вахтёр, шахтёр, клакёр* и под. А для названий предметов – разного рода приспособлений, механизмов, машин – эта модель почти не используется. Среди этих названий распространены такие, которые в финальной части имеют безударный комплекс -ер: *адаптер, контроллер* (технический термин, в отличие от общеупотребительного *контролёр*), *танкер, дрейфтер, буфер, бампер, картер, зуммер, тумблер, миксер, глицсер, грейдер, принтер, сканер* и под.

Распределение существительных по этим двум моделям не абсолютное: и в той, и в другой группе есть исключения; ср. *кондитер, маклер, тренер, снайпер, спринтер, стайер, фермер* – в группе имен лица, *балансёр, трамблёр, трассёр* – в группе имен приспособлений. Но речь идет о тенденции, а она состоит в распределении двух названных групп существительных по двум моделям. Изменение *планёр* → *планер* соответствует этой тенденции.

* * *

В сентябре 1999 года в связи с трагическими событиями в Буйнакске, Москве, Волгодонске – взрывами многоэтажных жилых домов, результатом чего была гибель десятков людей, – в активное употребление вошел химический термин *гексоген*. Он мелькал на страницах газет, в радио- и телеэфире. Этот термин обозначает взрывчатое вещество, используемое при производстве взрывных работ, для изготовления взрывных приспособлений.

Написание *гексОген* остановило мое внимание: почему “о”, а не “а” во втором слогe?

Открываю “Орфографический словарь”: да, *гексоген*. И в “Политехническом словаре”, и в “Большом энциклопедическом” так же. Между тем, в русском языке утвердилось греческая по происхождению морфема *гекса-* (от греч. *hex* “шесть”, в сложных словах *hexa* ... “шести...”), вычленяемая в таких терминах, как *гексахлоран* и *гексахорд*. Эта морфема входит в ряд аналогичных, соответствующих именам других числительных древнегреческого языка: *тетра-* “четырёх...” (ср. *тетралогия*, *тетрациклин*, *тетраэдр*, *тетрагональный*), *пента-* “пяти...” (ср. *пентагон*, *пентаграмма*, *пентаметр*, *пентатлон*, *пентахорд*), *окта-* “восьми...” (ср. *октаэдр*, *октаподы*), *гепта-* “семи...” (ср. *гептахорд*, *гептатоника*). Все эти морфемы, как видим, пишутся с буквой *-а* в финальной части.

Откуда же *гексОген*? “Словарная” история этого термина, по-видимому, такова. Первоначально он был зафиксирован в “Политехническом словаре”, и авторы этого словаря ошибочно интерпретировали гласный во втором слогe термина как соединительный (как в русских сложных словах типа *пароход*). Составители “Орфографического словаря” просто перенесли термин из “Политехнического словаря”, сохранив его написание, так как излишне доверились специалистам в области взрывчатых веществ. А когда журналистам понадобилось использовать на страницах газет этот до тех пор совершенно не знакомый им химический термин, они сверились с “Орфографическим словарем” как непререкаемым авторитетом по части написания всех слов, употребляющихся в русском языке, и безо всяких колебаний стали писать и печатать *гексоген*.

В очередном издании “Орфографического словаря” это ошибочное написание предстоит исправить и рекомендовать единственно правильный орфографический облик этого термина: *гексаген*.

* * *

С появлением международной компьютерной сети “Интернет” стало возможным обмениваться посланиями не по обычной почте, а с помощью почты электронной. Сначала в лексиконе “компьютерщиков”,

а затем и в речи других людей замелькал английский неологизм *e-mail*, возникший из сложения первой буквы прилагательного *electronic* “электронный” со словом *mail* “почта”. На первых порах это новое для русского языка слово употреблялось в “застывшем” виде – в латинском написании и не склоняясь: “Обмениваться информацией с помощью *e-mail*” (ср.: с помощью почты); “А с вашего компьютера можно посылать информацию *e-mail*?” (ср.: посылать информацию почтой). Однако довольно скоро пользователи компьютеров ощутили необходимость в грамматической адаптации этого термина и стали говорить: Я пошлю это *имэйлом*; Она вчера получила письмо от NN *по имэйлу*; А ты на свой компьютер можешь *имэйлы* принимать? и т.п.

Как поступить, если подобные высказывания окажется необходимым изобразить на письме? Сохранять ли английский термин в его исконном написании, то есть писать: *e-mail'ом*, *по e-mail'у*, *e-mail'ы*? Такое решение было бы в известной мере искусственным: термин уже склоняется, то есть освоен морфологической системой русского языка, а облик его – иностранный. Между тем, в нормальных условиях иноязычное слово, заимствуясь другим языком, прежде всего оформляется графическими средствами этого языка, а уж затем, в течение более или менее длительного времени адаптируется к фонетической и грамматической системам заимствующего языка.

В нашем случае вполне разумно передать слово *e-mail* графически теми средствами русского языка. Какими именно? Здесь необходимо сделать следующую оговорку. В последние десятилетия преобладает тенденция к передаче иностранного слова в соответствии с его звуковой формой, а не к побуквенному его переводу: сравните с XIX веком, когда, например, английское “Ivangoe” – название знаменитого романа Вальтера Скотта – передавалось как *Ивангое*, вместо более позднего *Айвенго*. Передача по-русски английского *e-mail* в соответствии с его произношением в языке-источнике должна давать форму *имейл*, а произносить это слово надо с твердым “м” *иМЭйл*.

ЦИЦЕРОНОМ БЫТЬ ОБЯЗАН!

О культуре речи в деловом общении

Э.Д. ГОЛОВИНА,
кандидат филологических наук

Для делового человека общение не только роскошь – говоря словами А. Сент-Экзюпери, но и повседневная производственная необходимость. Поэтому коммуникативная культура, то есть культура общения, имеет для него первостепенное значение. Она и обеспечивает комфортное существование среди других людей, и облегчает решение глубоко профессиональных задач, гарантируя деловой успех. Ведь смысл человеческого общения – это прежде всего обмен информацией, столь важной для бизнесмена, предпринимателя, управленца и т.д.

В экономически развитых странах наличие или отсутствие высокой коммуникативной культуры служит критерием при приеме сотрудников на руководящие должности: каждый кандидат предстает перед авторитетной комиссией, которая не жалеет времени, чтобы всесторонне оценить, как претенденты на должность беседуют с посетителями, безупречны ли они в отношении требований этикета, эстетичны ли во всем, вплоть до запонок. Но главное – владеют ли испытуемые нормами родного языка, умеют ли пользоваться всем богатством его средств для достижения целей в различных ситуациях общения.

Культура речи – это не только неперемнная составляющая хорошей профессиональной подготовки деловых людей, но и показатель культуры мышления, а также общей культуры партнеров, безошибочно характеризующий каждого.

Особого внимания требует к себе устная форма речи, на долю которой приходится 75 процентов всего времени общения. Тем более, что произносительные стереотипы, усвоенные человеком в раннем детстве, относятся к самым устойчивым и наименее контролируемым речевым навыкам. По этой причине от провинциального произносительного колорита без специального корректировочного курса не могут избавиться даже те, кто всю свою взрослую жизнь со студенческих времен живет в Москве, с ее общепризнанными орфоэпическими стандартами. Выходцы из южных краев сохраняют, например, губно-губное *v* (*усе дела*) и “раскатистое” целевое *г*. Для уроженцев севернорусских обла-

стей характерно стяжение гласных (*советско шампанско*), твердое *ц* (*общиество*), оканье и т.п. Еще сложнее изменить общий интонационный рисунок речи, сложившийся в условиях диалектной речевой среды. Для этого может потребоваться помощь опытного специалиста-орголога.

Наряду с этим существуют и произносительные проблемы, так сказать, общерусского масштаба, не обусловленные местом рождения и проживания человека. Напомним об основных произносительных трудностях, которые следует иметь в виду и северянам, и южанам, и сибирякам, и столичным жителям.

Не соответствуют современным орфоэпическим нормам такие варианты произношения, как *афера*, *опека*, *бытиё*, *блэф*, *хребёт*, *осёдлость*, *совреждённый*, *изувёр*, *валёжник*, *головёшка*, а также *издевка*, *подоплека*, *шерстка*, *щелка*.

В соответствии с нормами современного русского языка сочетание *чн* должно звучать как *шн* в следующих словах: *скучно*, *нарочно*, *подсвечник*, *личница*, *прачечная*, *Ильинична* (последнее слово – с ударением на втором слоге).

Согласные перед буквой *е* рекомендуется произносить мягко в давно освоенных заимствованных словах типа *бассейн*, *музей*, *прогресс*, *пресса*, *экспресс*, *термин*, *террор*, *фанера*, *шинель*, *крем*, *консервы*, *патент*, *Одесса*, *Колизей*.

В нашей речи встречается немало таких произносительных ошибок, которые отражаются и на письме. К ним относятся вставки лишних согласных или гласных (*инциНдент*, *беспрецеНдентный*, *компромеНтировать*, *дермаНтин*, *конкурентНоспособный*, *яВство*, *юрисТконсульт*, *грейпфруКт*, *бадминГтон*; *перЕтурбации*, *мебЕлированный*), пропуск необходимых в слове согласных и гласных (*конъюктура*, *контигент*, *монпасье*, *эскаватор*; *инциатива*, *инциалы*, *комбинзон*, *свитр*, *протвень*), перестановка звуков и целых слогов (*скурпулезный*, *нервпатолог*, *друшлаг*, *полувер*, *перелина*, *бахорма*, *экибана*), различные замены звуков (*дивиденТы*, *заявка на гранДы*, *купить сервелаДа*, *Жезлонг*; *кАпюра*, *КЮвейт*, *подоходниИй налог*, *высокосный год*, *весеннее равнодеИствие*, *коМфорка*, *СыВтьвар*).

“Непредсказуемое” русское ударение нередко затрудняет говорящих, поэтому стоит еще раз проверить себя, внимательно прочитав следующие проблематичные для многих слова: *агёнт*, *алфавйт*, *арáхис*, *арёст*, *баловать*, *блюда*, *вы́боры*, *вероисповёдание*, *во-пёрвых*, *газопровод*, *грейпфрут*, *диспансёр*, *добы́ча*, *догово́р*, *до ско́льких*, *досю́г*, *жалюзи́*, *заём*, *заку́порить*, *звони́т*, *звоня́т*, *исковёе* заявление, *ката́лог*, *каучу́к*, *квартáл*, *киломе́тр*, *краси́вее*, *облеги́ть*, *обувной*, *осужде́н*, *свёкла*, *парали́ч*, *партё́р*, *сироты́*, *смягчи́ть*, *соболе́знование*, *созы́в*, *средства*, *столя́р*, *сто́льким*, *тамо́жня*, *ту́фля*, *хво́я*, *ходи́тайство*, *цемент*, *шофе́р*, *экспёрт*.

Грамматические трудности связаны прежде всего с определением рода и склонения имен существительных. Следует учесть, что мужского рода слова *рельс, рояль, толь, тюль, шампунь, кофе*; женского рода слова *мозоль, плацкарта, туфля, фамилия*. Не третьего, а первого склонения существительные *броня* (стальная обшивка) и *броня* (закрепление чего-либо за кем-либо), а также *простыня*. Дательным, а не родительным падежом управляют предлоги *благодаря, согласно* и *вопреки: благодаря договору, согласно договору, вопреки договору*.

Эффективность делового общения, взаимопонимание партнеров в очень значительной степени зависят от точности и правильности словоупотребления. Недопустимо употреблять слова, в значении которых не уверен. Например: *идея уже муссируется. Муссировать* – это “раздувать, преувеличивать значимость”, а не “обсуждать”.

Чаще всего в речевой практике смешиваются слова, похожие друг на друга по значению (*виновный–виноватый, взимать–взыскивать, взнос–вклад* и т.п.) или по внешнему оформлению (*кворум–форум, выказать–высказать, зиять–сиять* и т.д.).

Так, нередко говорящие и пишущие отождествляют слова *монстр* (чудовище) и *гигант, колосс*: “независимая от этого индустриального монстра фирма”;

нелицеприятный (беспристрастный) и *неприятный*: “нелицеприятные для встречи обстоятельства”;

отклоняться (сдвигаться в сторону) и *уклоняться* (избегать чего-либо): “надо, чтобы платить налоги было выгоднее, чем от них отклоняться”;

занять (взять в долг) и *одолжить* (дать в долг): “одолжили пять миллионов рублей, закупили товары”.

В помощь тем, кто стремится повысить свою речевую культуру, изданы нормативные словари современного русского языка. Справки о правильном произношении и ударении, содержатся, например, в “Словаре ударений русского языка” Ф. Агеенко и М. Зарвы (М., 1993) и в “Словаре трудностей русского произношения” М. Каленчук и Р. Касаткиной (М., 1997), а трудные случаи словоупотребления анализируются в “Словаре паронимов современного русского языка” Ю. Бельчикова и М. Панюшевой (М., 1994) и в экспресс-справочнике “Различай слова: Трудные случаи современного русского словоупотребления” Э. Головиной (Киров. 1997). Все нормы современной устной и письменной речи отражены в “Словаре трудностей русского языка” Д. Розенталя и М. Теленковой, многократно переиздававшемся.

Язык прессы

Язык телевидения – язык улицы?

*Н.В. МУРАВЬЕВА,
кандидат филологических наук*

Обаяние разговорной речи, того, как мы говорим в обычной, непринужденной обстановке, так велико, что отказаться от привычных словечек или свободного построения фразы журналисты могут только по принуждению. Поэтому взаимодействие разговорной и газетной речи – то более, то менее активно – происходит постоянно. При этом оно никак не напоминает улицу с односторонним движением: многие тексты СМИ строятся в известном смысле с учетом речевой модели разговорной речи, но и газетная речь, безусловно, влияет на то, как мы общаемся в бытовых ситуациях. (Термин “газетная речь” сегодня можно использовать лишь условно, потому что мы обозначаем этим словосочетанием стилистическую манеру не только газет, но и журналов различного типа, электронных СМИ.)

Однако для нас интересно прежде всего то, как отражается разговорная речь в текстах СМИ, какие элементы или характеристики этих текстов осознаются как “разговорные”, в чем причины появления “разговорных” элементов в газетной речи, к чему – интуитивно или осознанно – стремятся журналисты, которые используют эти элементы в своих текстах. Ответы на эти вопросы мы попытаемся найти на примере телевизионной речи, значительную часть которой составляет неподготовленное “говорение”. Не означает ли это, что телевизионная речь может – и даже должна – быть аналогом речи разговорной? И что журналисты могут говорить во время телепередачи так, как они привыкли говорить в житейских ситуациях, и не контролировать свою речь?

За этими вопросами скрывается другой: зачем? Зачем журналисты используют разговорные слова и свободно построенные конструкции?

Ясно, что когда в телевизионной речи появляются такие элементы, это может быть отражением разных по сути процессов:

во-первых, это может быть свидетельством ослабления контроля, нежелания (или неумения) разграничивать речевые ситуации и стилистические регистры:

во-вторых, это может быть результатом следования моде:

в-третьих, это может быть осознанным моделированием разговор-

ного общения, когда оно, это общение, особым образом используется журналистом в собственных целях. Рассмотрим эти ситуации.

Ситуация первая. Журналисты стремятся к простоте, раскованности выражения, но из-за недостатка стилистического чутья они не ощущают разницы между литературным языком и просторечием, литературным языком и жаргоном, между книжной и разговорной речью. Отсюда в речи журналиста – стилистические перепады, неуместные разговорные слова, необоснованные повторы или, наоборот, отсутствие необходимых слов: “Появляются новые теннисистки // и не *только в теннисе*” (ТВЦ, спортивный репортаж. 1998. 23 окт.); “У меня есть серьезные *сомнения сомневаться* в ее интеллигентности” (ТВЦ. Времечко. 1998. 29 сент.); “Пока *сенаторы* // многие *сенаторы* еще не уехали” (ОРТ. Новости. 1999. 13 окт.).

В синтаксисе такая речевая стратегия может выглядеть как необоснованный “разговорный” порядок слов или дополнение как результат забывчивости: “Что там вот произошло // он сейчас вам расскажет” (НТВ. Сегоднячко. 1998. 4 ноября); “Но нам понравилось // что такой вот стишок к нам пришел” (ТВЦ. Дата. 1999. 13 окт.); “И многие в душе ему завидовали доброй завистью” (НТВ. Итоги. 1998. 2 дек.); “Что говорят близкие твои?” (НТВ. Арина. 1999. 14 марта); “Ангелина // то // что происходило на нашем экране // это и происходило в Вашей жизни?” (НТВ. Арина. 1999. 14 марта); “Чем Вы мотивируете позицию свою // твердо?” (НТВ. Итоги. 1999. 13 окт.); Ср. в разговорной речи: “Бумажная там промышленность очень большая была”; “Время // не скажешь? Сегодняшней у тебя нет газеты?”

В телевизионной речи таких примеров очень много. Интересно, что при этом нередко в пределах одной фразы сочетаются законы разговорного и книжного синтаксиса: “Если Вы вернетесь на свое место // У меня возникло ощущение, что Вы опять устроите перетряску” (НТВ. Герой дня. 1999. 13 окт.). Здесь перебивается не только синтаксическая конструкция, но и само намерение журналистки: то ли это утверждение, то ли вопрос, обращенный к собеседнику.

Если в разговорной речи такое построение предложения никогда не замечается, то в речи журналиста подобные высказывания всегда оказывают внимание аудитории, режут слух и скорее “прощаются”, чем одобряются. Хотя, конечно, в речи собеседника журналиста, особенно если это “живое интервью” в неофициальной обстановке, такие свободные построения будут естественными и, значит, допустимыми: “Эти люди правильный образ ведут” (НТВ. Русские горки. 1999. 13 окт.).

Ситуация вторая. В этом случае журналист подчиняется моде, силе традиций, и использование элементов разговорной речи в его текстах обычно оказывается формальным приемом, а в конечном счете – штампом.

Ситуация третья. В телевизионной речи элементы разговорной речи используются для особого моделирования “разговорного способа изложения”. Делается это прежде всего для того, чтобы превратить массовую коммуникацию – в личностную, разрушить “холодок” в отношениях между участниками общения. Но остается вопрос: какие элементы, особенности разговорной речи лучше всего использовать для этого?

Некоторые журналисты выбирают решение, которое лежит на поверхности: они используют разговорные (стилистически сниженные) слова и обороты. Но такое решение трудно признать наилучшим. Потому что, как показывают исследования, ни произношение, ни формы слова, ни даже сами слова не являются возможными показателями “разговорности” в текстах СМИ. Особенности разговорной речи наиболее ярко проявляются в синтаксисе. Мы опознаём разговорную речь прежде всего по тому, как строится фраза, а не по тому, сколько мы слышим разговорных слов.

Парадокс, однако, заключается в том, что телевизионная речь остается в рамках книжного синтаксиса, законы которого выгалькивают разговорные конструкции как что-то инородное. Но в то же время телевизионной речи эти конструкции необходимы как воздух. Иначе она войдет в противоречие с законами своей, устной формы изложения. Отсюда вывод: телевизионной речи, ее синтаксису нужны не собственно разговорные элементы, а “элементы разговорности”. Тогда телевизионная речь своим построением будет напоминать разговорную речь, а не становиться ею.

В основе “элементов разговорности” лежит разговорный “прототип”. Но сами они никогда не равны этому прототипу. Они могут быть либо внешней копией тех или иных конструкций устной речи, либо концентратом, сгустком таких конструкций. Скажем: “Они все здесь такие // иголки” (разговорный прототип); “И все-таки он вертится, этот символ-флюгер на лозаннском берегу Женевского озера” (конструкция – “копия”, добавление – когда однозначное обозначение предмета дается как бы “вдогонку”, когда мы уже назвали этот предмет с помощью местоимения); “Но, повторю я, – эту улицу, этих людей сорвать с места – против их воли, по суду, силой – можно, но стыдно. А значит, нельзя” (конструкция – “сгусток”, парцелляция как предел добавления, когда второй элемент, добавляемый, выступает как самостоятельная единица).

Если в телевизионной речи есть “элементы разговорности”, шансов на возникновение общего языкового пространства журналиста и аудитории, журналиста и его собеседника или зрителей в студии – а значит, и “теплых”, “раскованных” отношений между ними – значительно больше. Поэтому на вопрос о том, необходимы ли такие элементы для того, чтобы поддерживать контакт между участниками телевизионно-

го общения, мы ответим: безусловно, да. Но на вопрос: является ли эта задача единственной, мы ответим: безусловно, нет. Уже хотя бы потому, что такие средства используются в речи даже тогда, когда контакт, собственно, уже есть.

“Близкие” отношения в ходе телевизионного общения, устанавливаемые с помощью чисто языковых средств, – это не цель, но средство, условие для решения более сложных задач, а именно: привлечь и удержать внимание адресата; вызвать познавательный интерес, подтолкнуть к размышлению. С этими задачами сталкивается любой журналист. Ему приходится, как правило, преодолевать известную инертность, а то и некоторое внутреннее сопротивление аудитории, собеседника или зрителей в студии. Откуда это сопротивление? От социальных установок, сформировавшихся мнений, привычек, предрассудков, пассивности внимания и т.д.

Ясно, что без внимания тех, кому адресуется информация, ее трудно передавать. Поэтому пассивность внимания оказывается психологическим барьером, устранить который журналисту необходимо прежде всего. Для этого можно найти интересный факт, необычную мысль. Но можно также использовать малоожидаемые языковые средства. Элементы разговорности в телевизионной речи в большей или меньшей степени выглядят “чужаками”. Именно поэтому с их помощью удается вызвать, а затем удержать интерес аудитории.

Те же элементы способны в наглядной форме раскрывать ход авторских рассуждений. На телевидении это особенно важно, потому что восприятие “на слух” почти всегда оказывается трудным делом.

Посмотрим, как “элементы разговорности” могут выделять, подчеркивать мысли и связи между ними. Что изменяется в понимании телевизионного сообщения, если в нем используется тот или иной “элемент разговорности”? Назовем несколько возможных задач, связанных с аналитической стороной текста, которые решает журналист.

Задача 1: во фразе есть некоторое понятие, которое обычно “не замечается” адресатом – либо потому, что оно лишь повторяет то, о чем было сказано, и является своеобразным мостиком между данной и предшествующей фразой, либо потому, что этот элемент занимает “слабую” позицию во фразе; однако для журналиста бывает важно, чтобы адресат обратил внимание на этот элемент.

Задача 2: журналист подает несколько самостоятельно существующих понятий или суждений, но для его общей цели важно, чтобы адресат увидел единство, взаимосвязь между этими понятиями или суждениями.

Задача 3: в тексте есть некоторая сложная мысль, и чтобы упростить ее понимание, журналисту надо подать ее частями, постепенно, но так, чтобы адресат не потерял мысль целиком.

Теперь покажем возможности, к примеру, “разговорного” порядка слов в решении отмеченных задач. В этом случае мы разделяем, не да-

ем рядом синтаксически тесно спаянные члены предложения. Это значит, что мы отступаем от того порядка слов, который фиксируется в сознании носителей языка как нормативный, обычный в данных речевых ситуациях. Такая фраза уже не воспринимается автоматически: элемент, который размещается “не по правилам”, будет обязательно замечен.

Решить вторую задачу можно с помощью неполного предложения, что очевидно: “Казалось бы, до центра – рукой подать. Но это когда сидишь дома” (РТР. Добрый вечер. 1998); “Вы вообще можете себе представить нерукотворный памятник? Лично я с трудом” (РТР. Добрый вечер. 1998). Но ту же задачу можно решить с помощью *конструкции с присоединением*: “Долорес // может быть // Вы поможете этой женщине // Она как и Вы создала театр” (НТВ. Арина. 1999. 14 марта); “Вот плюшкины в лице Левона и его оркестра скажут // что уже пора заканчивать передачу // надо // видите // ли экономить эфирное время” (РТР. Добрый вечер. 1998); *сложного предложения с перечислением*: “Висели низкие, серые облака, из них сеял тонкий, долгий дождь”; *вставной конструкции*: “Поверьте // ничего иного вам и не остается // что наша жизнь есть не что иное // как реализация рекламы в жизнь” (РТР. Добрый вечер. 1998).

В предложении с перечислением сама форма синтаксической конструкции говорит адресату о том, что отдельные высказывания здесь связаны по смыслу, и эти читательские ожидания не обмануты, здесь для адресата нет никаких неожиданностей, от него не требуется никаких дополнительных усилий, чтобы увидеть единство отдельных смыслов, т.к. формальная связь поддерживается реальной непрерывностью смыслового плана. Она, эта непрерывность, подготовлена говорящим. Именно этим объясняется возможность оформления частей такого сложного предложения как самостоятельных единиц, только связь между отдельными единицами становится менее тесной.

Другое дело – вставные конструкции или предложение с присоединением. Когда говорящий использует вставную конструкцию, он не связан требованиями формальной связи между вставкой и основной частью (во вставной части он может использовать слово или словосочетание в любой падежной форме, предложение любого типа, даже сложное синтаксическое целое), ни обязательством непрерывности смысла. А в конструкции с присоединением формальное единство отдельных высказываний сохраняется, зато непрерывности, целостности смыслового плана нет, возможно дальнейшее развитие мысли. Все это придает присоединению особую ценность для аналитической телевизионной программы.

Третья из отмеченных нами задач наилучшим образом решается с помощью парцелляции или вопросно-ответного построения текста – раскрыть мысль, сложную и объемную по содержанию. Чтобы доне-

сти такую мысль до аудитории или реальных собеседников, необходимо разложить ее на составные элементы, но так, чтобы каждый из этих элементов воспринимался именно как часть целого – для этого нередко используется цепь парцелляций. Заметим, однако, что в телевизионной речи парцелляция удобна не только для передачи сложного понятия, но также любой более или менее распространенной мысли из-за того, что она воспринимается на слух и поэтому оказывается для аудитории “сложной”: “Каждый рассказывает по-своему. Об одном и том же событии” (НТВ. Герой дня. 1999. 13 окт.); “Итак, сегодня мы предложили вам игру. Игру в буриме” (ТВЦ. Дата. 1999. 13 окт.).

Значит ли это, что какой-то один “элемент разговорности” помогает журналисту решить только одну задачу? Наблюдения показывают, что это не так. Скажем, парцелляцию или вопросно-ответное построение текста можно использовать для того, чтобы показать, как постепенно развертывается мысль журналиста, подчеркнуть те ступени, которые она проходит в своем развитии, особенно если такой этап представляет собой резкий поворот мысли: “И самое интересное, что все это уже было в нашей истории. Правда, в советской” (НТВ. Итоги. 1999. 18 окт.); “Вы ощущаете себя конкурентами? Какие между вами взаимоотношения? Дружеские?” (ОРТ. Час пик. 1998). Однако нельзя эксплуатировать одно и то же средство, иначе оно легко становится модой, а затем и штампом. Впрочем, телевизионная речь страдает скорее от недостатка, чем от избытка: здесь “элементы разговорности” используются значительно реже, чем в газетах и журналах, потому что это требует от журналиста особых умений, искусства интонирования – точных по позиции и глубине пауз, правильного повышения и понижения тона. А пока язык телевидения больше подражает языку улицы, чем делает его своим инструментом.

Язык прессы

Дезориентирующие заголовки в современных газетах

А.С. ПОДЧАСОВ

Стремление любой ценой потрясти воображение современного читателя побуждает авторов газетных заголовков прибегать к приемам далеко не корректным и часто не совсем этичным. Предположим, вы просматриваете свежие газеты и вдруг видите заголовок:

“Жванецкого спустили с лестницы” (АиФ-Москва. 1999. № 28). Немедленно ознакомившись с содержанием обещающей сенсацию заметки, вы убеждаетесь, что речь идет вовсе не об угрозе безопасности известного артиста, а о... кукле, которую коллеги Жванецкого назвали в его честь.

Газетные заголовки, которые вводят читателей в заблуждение относительно содержания текста, логично назвать дезориентирующими и они могут иметь несколько разновидностей:

1. Заголовки, предсказуемость которых сведена к минимуму. Например: “Служба спасения не дала Шендеровичу погибнуть” (Комс. правда. 1999. 24 дек.). Не удивительно, что такой заголовок сразу привлечет к себе внимание. Многие, правда, будут озадачены, узнав, что речь идет о предновогоднем шоу “О, счастличик!”, в ходе которого Шендерович несколько раз звонил в “Службу спасения города Москвы” с целью воспользоваться подсказками “дам-операторов этой службы”.

Жуткий пример: “Как расчленил соседей” (МК. 1999. 23 янв.). Еще до прочтения текста мы понимаем, что слово “расчленил” вряд ли употреблено в заголовке в прямом смысле. И все же многие удивятся, когда узнают, что автор имеет в виду, “как расселить соседей”, а публикация посвящена проекту закона “О приватизации жилых помещений в квартирах коммунального заселения в городе Москве”.

Обратим внимание на то, что заголовки, объединенные нами в эту группу, связаны не столько с текстом, сколько с подтекстом статей, а еще чаще – с внетекстовой ситуацией. На страницах “МК” и “Мегаполис-Экспресс” такие заголовки стали привычным, можно сказать, рядовым явлением.

2. Заголовки, представляющие собой один из тезисов публикации. При этом для авторов совсем не важно, что “заголовочный” тезис не отражает сути текста, а порой и опровергается в нем. Существенно лишь то, что он выразительный, интригующий, а потому успешно “продает” газету. Вот характерный пример: “Дьявол – это женщина” (Коммерсантъ. 1999. 18 дек.). Как вы думаете, о чем эта публикация? Подскажу – о новом фильме Романа Поланского “Девятые врата”. Не спешите делать вывод о характере фильма. Как видно из текста, речь в нем идет прежде всего о вредоносном влиянии магических и сатанинских книг. И хотя действительно герой фильма приходит к мысли о том, что “не стоит слишком усердно вызывать и искать дьявола, когда он всегда рядом – в лице жены, подруги или случайной знакомой”, заголовок скорее отражает образ мыслей журналиста, нежели идею фильма. Или другой пример: «НТВ на Новый год будет раздавать “жуков”» (Комс. правда. 1999. 24 дек.). Покопавшись в тексте, посвященном подготовке к новогодним трансляциям на телеканале НТВ, мы находим, наконец, объяснение заголовку: «НТВ будет всю раздавать подарки. Самый большой из них – “Фольксваген – жук”». Но, во-первых, речь идет об автомобиле в единственном числе, а, во-вторых, разве об этом текст?! Ведь главное в нем – содержание новогодних передач. К сожалению, заголовок сообщил читателям лишь о том, что больше всего поразило воображение журналиста.

3. Заголовки, представляющие собой прямое искажение, подтасовку содержащихся в тексте фактов. Например: “Родители будут платить школе оброк” (Мир за неделю. 1999. № 9). Без сомнения, заголовок привлечет к себе внимание, порождая при этом массу вопросов: сколько платить? за что? и т.п. В самом же тексте нас ждет интервью с директором федерального института планирования образования Э.Д. Днепровым. Предмет разговора – недавний указ о введении попечительских советов в школах. В конце текста мы находим долгожданный вопрос: “Скажите, а вы не считаете, что с введением попросветов в школах просто узаконивается вымогательство денег у родителей?”. И каков же ответ? “– Есть школы, где такие советы уже действуют. Так вот жизнь определила: задача совета как раз обратная...” То есть смысл ответа “как раз обратный” смыслу заголовка: родители не будут платить школе оброк! А каков же в таком случае смысл публикации, в которой возбуждается ложная тревога?

Другой заголовок: “В Москве будет свой Гайд-парк” (Моск. вед. 1999. 12 дек.). Вопреки заголовку, в заметке сообщается лишь об инициативе группы москвичей-пенсионеров, готовящих обращение в мэрию о выделении территории для парка. А вот еще один характерный пример: “Грипп Москве не страшен” (Моск. вед. 1999. 14 дек.). Не тропитесь радоваться! Речь, оказывается, идет лишь о несколько преувеличенных слухах об эпидемии. На самом же деле “сейчас заболевают примерно 70 000 москвичей в неделю”, в связи с чем автор заметки

уведомляет читателей о начале новой противогриппозной профилактики для школьников.

Или: “Дзержинский убил свою сестру, а потом утопил Россию в крови” (Комс. правда. 1999. 24 дек.). Спешим заверить вас в том, что это заявление звучит в тексте далеко не так категорично и определенно. Автор упоминает мнение некоторых земляков Дзержинского, уверенных в том, что именно Феликс застрелил из ружья сестру Ванду. Однако другие убеждены в его непричастности к этому несчастному случаю. Так, смотритель музея Дзержинского Михаил Гриб в ответ на просьбу прокомментировать слухи отвечает: “Это старые уже люди. Кому девяносто, а кому и под сто. Говорят ерунду всякую. Например, что Феликс Ванду убил. Так это неправда. Станислав убил”.

4. “Дефектные” заголовки, смысл которых остается загадкой после прочтения текста.

Правда, в некоторых случаях мы можем высказать предположения, но полной уверенности насчет содержания таких заголовков быть не может.

Таков, к примеру, заголовок «Мэтры Generation “П”» (Мир за неделю. 1999. № 9). В тексте рассказывается о новом спектакле Московского театра оперетты – мюзикле “Метро”, посвященном “обычной молодежи с московских улиц, которая стремится войти во взрослый мир, мечтает попасть в театр, на сцену”. А что же заголовок? О его отношении к содержанию материала можно только догадываться. Предположим следующий вариант. Под словом “Generation” (в переводе с английского – поколение) автор, возможно, имел в виду участников мюзикла. Под “П” может подразумеваться “Подземка” как синоним “Метро”. Ключей к более полной расшифровке “заголовочного кода” нам подобрать не удалось.

Следующая “загадка”: “Запасайтесь водкой – Лигачев идет” (Мир за неделю. 1999. № 9). К сожалению, автор заметки счел излишним объяснять необходимость следовать его призыву. Он ограничился лишь сообщением о том, что “звезда 80-х Егор Лигачев сегодня чрезвычайно популярен в Томской области”, где он баллотируется в Госдуму РФ по одномандатному округу.

Еще один заголовок: “Горе уличенным” (Мир за неделю. 1999. № 9). В заметке мы читаем интервью с членом ЦИКа Сергеем Большаковым по поводу нюансов выборной кампании. В частности, С. Большаков замечает, что “те, кто проиграет на выборах, обязаны возместить в полном объеме организациям телерадиовещания и редакциям периодических печатных изданий стоимость предоставленных бесплатно эфирного времени и печатной площади”. Если автор заголовка и имел в виду эти организации, то смысл эпитета все-таки остается загадкой. В самом деле, *уличить* означает “изобличить, доказать виновность”, а об этом речи в заметке не идет.

Чем же объясняется необычайная популярность дезориентирующих

заголовков у газетчиков 90-х годов? Ф.В. Ходгсон объясняет ее стремлением журналистов во что бы то ни стало сделать заголовок интересным для читателя, даже если им нечего сказать последнему (F.W. Hodgson. *Modern Newspaper Practice*. Oxford, 1992. P. 117). Действительно, дезориентирующие заголовки чаще всего встречаются с “проходными”, ничего интересного собой не представляющими материалами.

Однако, на наш взгляд, серьезными причинами распространения заголовков, содержащих дезинформацию, являются безответственность и недальновидность журналистов, не понимающих, что риск потери читательского доверия никогда не бывает оправданным.

Отвечая любознательным

Ради прекрасных глаз

Выражение из комедии Мольера “Жеманницы”. Отвергнутые жеманницами поклонники-аристократы застают у них своих более счастливых слуг, выдававших себя за хозяев. Слуги разоблачены, и один из отвергнутых аристократов, обращаясь к жеманницам, восклицает: “И если вы теперь полюбите их, то это действительно будет ради их прекрасных глаз”.

Выражение это употребляется, когда речь идет о ком-либо, кому делают одолжение не ради его заслуг, а по личному расположению к нему. Часто оно употребляется иронически в значении: ни за что, просто так, даром. В качестве синонима используется выражение “сделать что-либо за красивые глаза”.

Несколько писем Л.В. Щербы

В этом году исполнилось 120 лет со дня рождения академика Льва Владимировича Щербы – человека редкого обаяния, глубоких знаний и благородных помыслов. Он был учителем не одного поколения отечественных лингвистов, постоянно ищущим мыслителем, радетелем народного просвещения. Б.А. Ларин, один из учеников Л.В. Щербы, так сказал о нем: “Такой высокий человек, такой целеустремленный, несгибаемый в верности своим принципам борец и искатель – жил беспокойно, напряженно, порой бедственно. Этой полной превратностей и несчастливой жизнью он напоминал нам не раз Рыцаря Печального Образа; в его биографии были и встречи с разбойниками на большой дороге, и схватки с ветряными мельницами, и ослиное ляганье... Но он знал и счастье побед, дожил до признания и почета. То ли надо было больше беречь этого хрупкого телом и сильного духом человека, то ли не может быть долговечным такой яркий и беспокойный человек, но мы потеряли его слишком рано...” (цит по изд.: Колесов В.В. Л.В. Щерба. М., 1987. С. 146).

Спустя годы о Льве Владимировиче напишут книги его ученики и последователи, издадут труды, поделятся своими воспоминаниями об этом легендарном, но по-земному простом и человеческом ученом. Но до сих пор многие эпизоды жизни Л.В. Щербы остаются освещенными не до конца. Они – эти осколки памяти – в его письмах к близким по духу и трудам людям, тем, с кем на долгие годы свяжет его судьба, с кем бок о бок будет он идти в сложные для российской науки годы, кому, наконец, он станет всемерно содействовать, надеясь и веруя в молодые силы...

Найденные нами письма Л.В. Щербы к Д.Н. Ушакову и В.В. Виноградову, а также письмо Т.Г. Щербы, жены ученого, во многом интересны. Насыщенные идеями, живые, непосредственные и очень откровенные послания Льва Владимировича доносят до нас устремления и надежды тех лет, то, что так остро воспринимается сейчас и до сих пор находится в поле зрения современной науки. В этом смысле очень верно замечание Р.И. Аванесова, сказавшего о своем учителе трогательные и точные слова: “Сквозь даль десятилетий мне видится Л.В. Щерба: высокий, и потому кажущийся худощавым, с огромным лбом, редующими, с проседью волосами на темени, выступающей вперед бородкой; он вечно ищет и всегда не удовлетворен найденным; он видит

дальше и больше других, поэтому он, известный ученый, все же не всеми современниками был понят и достаточным образом оценен. Щерба поставил перед лингвистической наукой столько вопросов, нередко предвосхищая будущее ее развитие, что, не впадая в преувеличение, можно сказать: он не только наше прошлое, но и наша жгучая современность... Щерба всегда искал новых путей, никогда не склонял голову перед авторитетами, хотя и внимательно их изучал. В этом основной завет его – ученого и человека – грядущим поколениям” (Аванесов Р.И. О встречах с Львом Владимировичем Щербой // Теория языка, методы его исследования и преподавания. Л., 1981. С. 12, 14).

Письма публикуются впервые с сохранением авторского словоупотребления. В угловых скобках раскрываются сокращения, а также даются незначительные пропуски, которые, по редакторским соображениям, не вошли в данную публикацию.

Л.В. Щерба – Д.Н. Ушакову

28.X.1912

СПб. В.О. 11.44,16.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Просите великодушно, что не сразу отвечаю; но я тут страшно заматался с разными делами, т(ак)ч(то) и не заметил сначала Вашей приписки относительно заседания 30-го октября.

Да и сейчас едва ли смогу Вам писать что-либо толковое.

История дела такова: доклад вырос у меня из надобностей преподавания, а также из личных научных потребностей. Когда я его делал, то не имел в виду никаких особо широких затей – просто полагал, что полезно у нас в России начать думать по этому вопросу¹. Думал также склонить кое-кого из членов Общества на что-либо определенное.

Лингв(истическая) секция, однако, по предложению А.А. Шахматова, взглянула на дело иначе: она решила подвергнуть вопрос еще раз обсуждению, привлекая к нему, по возможности, всех заинтересованных русских ученых. И предполагается, что не будет ли принято какое-либо решение, которое будет исходить от Неофилологического общества. Конечно, всякое такое “решение” в сущности очень беспочвенно и даже представляется опасным с точки зрения напрасной траты авторитетов Общества. И я не знаю, будет ли в конце концов принято какое-либо решение. Я думаю, это будет зависеть от того, что скажут и напишут запрошенные лица. Мы, кажется, разослали всем русским ученым, оставив пока заграничных славистов, считая, что нужно посмотреть, можно ли сговориться у себя дома.

Вопросы, кот(орые) мне кажутся вытекающими из подобной постановки дела, будут следующие:

1) Своевременно ли предпринять какие-либо коллективные шаги в смысле принятия той или иной системы транскрипции или, признав, что вопрос недостаточно созрел, предоставить дело времени и естественной борьбе за существование разных систем.

2) В случае утвердительного ответа на первый вопрос возникает второй – не примкнуть ли к Association phonétique générale без дальних разговоров.

3) Если нет (по второму пункту), то не принять ли мое предложение.

4) Если да (по 3-му п(ункту)), то что же?

Вот как мне представляется все дело. Прошу прощения за бестолковое и, может, не совсем полное изложение: торо(плюсь) страшно.

Очень рад, что Вы серьезно относитесь к вопросу, т(ак) к(ак) это несколько рассеивает мой пессимизм – я все думал, что дело еще не созрело.

Ваши замечания личные и “комиссионные”, конечно, очень важны, как, я думаю, Вы видите теперь и сами.

Присылать их можете мне, как докладчику или как секретарю секции.

Простите, что не пишу ничего больше, как хотел бы: побегу сейчас опускать письмо, чтобы Вы получили его, хоть 30-го утром.

Искренне уважающий Вас Л. Щерба

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 46. Лл. 1-1 об. -1а-1а об. Автограф.

Л.В. Щерба – Д.Н. Ушакову

(Петроград), 13.III.1916

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Спасибо большое за Ваши присылки. Ваша хрестоматийка², по-моему, очень целесообразна. Дешево и все, что нужно.

По части карты я в большом долгу перед Вами. Я не послал Вам своевременно сведений о великороссах в Харьковской губернии (в Ахтырском и Грайворонском уездах). У меня были точно определены границы этого острова; были и кое-какие сведения о говоре. Если это и теперь Вас еще интересует, то могу при случае сообщить. Самое удивительное – это то, что они (...) сохранили костюм, как бабы, так даже и мужики. К ним в деревню приезжаешь прямо, как в музей. К сожалению, мои фотографии оказались неудачными.

Раз Вы меня так благодетельствуете, то нельзя просить и еще – прислать мне труды комиссии вып. 1 и 2³.

Кроме того, если Вы принимаете иногородних членов и если членство у Вас платное, то я был бы очень рад сделаться членом вашей комиссии. Пока я немного далеко стоял от русской диалектологии, но чувствую, что к ней приближаюсь; сами обстоятельства гонят в эту сторону.

Сейчас, впрочем, занят другим, но в промежутках невольно всегда интересуюсь и русской диалектологией.

Получили ли Вы мою новую книгу⁴? На днях вышло маленькую брошюру⁵ – приложение к ней.

Пока всего лучшего.

Искренне уважающий Вас Л.Щерба

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 46. Лл. 2-2 об. Автограф.

Л.В. Щерба – Д.Н. Ушакову

(Петроград), 30.X.1921

В.О., 11, 44, 5.

Многоуважаемый Дмитрий Николаевич!

Хотел лично поздравить Вас сегодня и “просился” у Буслаева⁶ в командировку в Москву по делам Словаря⁷. К сожалению, ничего от него не получил – ни ответа, ни привета.

Поэтому позвольте письменно обнять Вас и пожелать Вам дожить во всяком случае до 50-летнего юбилея⁸. Сейчас это пожелание самое, пожалуй, настоящее, так как наша жизнь сейчас представляется мне какой-то неподлинной; а хотелось бы пожить именно подлинной жизнью.

Между тем, кроме Вашего торжества, мне в Москву очень хотелось бы по делам Словаря попасть. Дело в том, что я хотел бы поговорить о словарных делах в Вашей среде, чтобы учуять [место] поведения между строк, так сказать. Главное же, хотелось бы выяснить, насколько все дело солидно. Ведь из Москвы нет ничего: ни известий, ни денег на оборудование помещения и на переезд туда, ни жалованья. Неоднократно писалось обо всем этом, при случае говорилось, а воз и ныне там. Главное (–) никто ничего не пишет. Ни одна моя просьба не исполнена, т(ак) ч(то) я начинаю думать, что ничего вообще нет, и я здесь зря людей морочу.

Может быть, намерения Москвы мною плохо поняты или они переменились – я просто ничего не понимаю. Хотелось бы по душам поговорить: я ведь человек простой и могу говорить очень просто.

Поэтому покорнейшая просьба, Дмитрий Николаевич, напишите мне попросту, как обстоит всё дело и к кому обращаться, кто бы отвечал, а если дело вообще существует, то не устроите ли и приезд в Москву (если, конечно, я не оказался неподходящим человеком). Мне очень нужно немного побывать в Вашей среде и понять Ваши намерения, что особенно важно будет при следующей стадии работы.

Позвольте же пока еще раз приветствовать Вас и крепко пожать Вашу руку.

Ваш Л. Щерба

Архив РАН. Ф. 502. Оп. 4. Ед. хр. № 46. Лл. 3-3а-3а об.-3 об. Автограф.

Л.В. Щерба – В.В. Виноградову

11.IX.(19)40
(Ленинград)

Многоуважаемый Виктор Владимирович.

Простите, что до сих пор молчал как саркофаг (не знаю, откуда это выражение). Дело в том, что Ваше письмо я получил еще на даче, но перед самым отъездом, а уехал я 30 августа – на Вашем письме была какая-то надпись о “вынутии из ящика такого-то числа”, которая, очевидно, должна была извинять какую-то задержку, но где – непонятно. Приехав в город не сразу, видел Бархударова, а потом я заболел – и так дотянулось дело до сего дня.

Во-первых, о служебных делах. Предположительно в конце сентября мы все будем в Москве и о многом поговорим детальнее. Пока же от Вас ожидается план на остаток 1940 года и особенно на 1941 г.

Полагаю, что тема могла бы быть *стилистика русского языка*. Хорошо было бы, если бы в счет этой темы уже в 1940 г. Вы представили “чего-либо” листа 2, которые могут быть напечатаны в виде особой статьи (если Вы того захотите), а могут быть только черновым документом того, что будет напечатано в будущем. На 1941 наметить надо листов 8. Окончание работы на конец 1942 можно бы наметить. Но может быть все и иначе – лишь бы написать в плане убедительно. Хорошо было бы Вам прочесть у нас разок в это полугодие доклад на Вашу тему (расходы по приезду, конечно, будут возмещены). В этом полугодии, может быть, можно будет выступить на сессии; но об этом поговорим. Мы рассчитываем кроме того на Вашу предварительную критику

ку нашей грамматики⁹ по мере ее подготовки, и это Вы можете поставить в Ваш план этих 4 месяцев и соответственно уменьшить другую нагрузку.

Составление такого планового документа, конечно, Вас не затруднит, а нам его уж надо скоро куда-то двигать дальше, так что присылайте скорее.

Теперь другое дело: Вашей заметкой¹⁰ обо мне очень тронут. Я бы сказал, что она может быть, хоть и правильно, с моей точки зрения, оценивает суть дела, производит впечатление несколько субъективной оценки. Поэтому (...)»¹¹.

Архив РАН. Ф. 1602. Он. 1. Ед. хр. № 377. Лл. 2-2 об. Автограф.

Л.В. Щерба – В.В. Виноградову

24.IV.(19)42

Молотовск Киров(ской)обл. (б(ывший) Нолинск)
Институт школ Наркомпроса

Многоуважаемый Виктор Владимирович.

От Лои¹² получил Ваш адрес и уже давно собирался написать, да все как-то откладывал. На днях получил, однако, письмо от директора Института, где Вы в последнее время в Москве работали, Т.А. Власовой, где она просит написать отзыв о Вас. Я немедленно это сделал, и все бумаги пошли по назначению.

Буду очень рад, если все это поведет к желаемым результатам. Кстати сказать, отзыв самой Власовой – превосходный, и если она имеет вес, то успех обеспечен. А это было бы настоящим торжеством справедливости.

Материально, думаю, Вы живете неплохо. В Тобольск Вы попали еще летом, т(ак) ч(то) могли подготовиться к зиме. Кроме того, это, наверное, такая дыра, что цены еще и до сих пор не “гомерические”. Надеюсь, что заработок у Вас есть.

Как здоровье Ваше и Надежды Матвеевны?

Мы здесь живем тяжело. Нас оказалось 11 человек (я сам, жена, Анна Генриховна, Митя с женой и 2 детьми, Ольга Николаевна – младшая невестка – с 2 детьми и (всеми)¹³ племянниками). При этом я главный работник, а цены неимоверные (картошка 250 руб. пуд и т.д.). Спасает еще немного, что О.П. за свою медицину получает от многих пациентов из окрестных деревень натурой. Что касается меня, то переезд из Л(енинграда) сюда, тянувшийся более месяца, кончился для меня плачевно: во время последнего переезда сюда на автобусе, закончившего-

ся ночной катастрофой, я (...) полтора месяца провел в больнице. По счастью, я как будто поправился в этом отношении (...)

Работаю в Институте школ Наркомпроса¹⁴, который сюда эвакуировали, и получаю 1000 р. Митю здесь же устроили сюда в каб(инет) иноязыков на 600 руб. (Из академии я получаю до сих пор по-старому).

Написал большую статью “Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе школьных учебных предметов”¹⁵. Теперь пишу книгу “Теория р(усского) алф(авита)¹⁶, р(усского) правописания и р(усской) пунктуации”. Третью часть примерно написал, но абсолютно без книг; даже *Спорных вопросов* Грота в более новом изд(ании) нет, нет и Ушакова. Теперь взоры наши устремлены на огороды. Но я вообще говоря хотел бы в большой город. Не знаю, что изо всего этого будет. Главное ведь, конечно, война... Тяжело все это, особ(енно) (...)¹⁷.

Желаю Вам и Надежде Матвеевне всего лучшего от жены и от себя. Главное, конечно, успехов на фронте.

Искренне Ваш Л. Щер(ба)

Архив РАН. ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 377. Лл. 1-1 об. Автограф.

Т.Г. Щерба – Н.М. и В.В. Виноградовым

16 марта 1951 г.

Дорогие Надежда Матвеевна и Виктор Владимирович!

Примите мои самые искренние поздравления с получением Сталинской премии¹⁸. Душевно рада за Вас обоих, рада, что наконец оценили Вас, Виктор Владимирович, так, как Вы это заслуживаете, рада, что после долгого мрачного, а затем волнительно-напряженного времени у Вас наступили настоящие ясные, теплые дни. Пусть они будут долго-долго, пусть они не кончатся! Только одно мне грустно, что нет в живых Льва Владимировича. Он очень страдал за Вас “тогда” и сейчас был бы очень рад за Вас. Но что же делать? Такова была его судьба. Как-то живете? Как Ваше здоровье? Спите ли Вы больше, Виктор Владимирович, или все-таки Вам нет покоя ни днем, ни ночью?

Я получила Вашу открыточку, Надежда Матвеевна, из “Узкого” и порадовалась за Вас, немного все же Вы отдохнули и, видимо, Вам там было хорошо, хотя Виктор Владимирович и оттуда ездил в Москву. Уж слышком Вы заняты, смотрите, не увлекайтесь, научитесь немного себя беречь, а то все рады сейчас использовать Вас на все сто процентов. И никто-никто, кроме Надежды Матвеевны, Вас беречь не будет. Это у нас не принято.

Очень мне хотелось повидать Вас, побывать у Вас в Ваших новых комнатах, но это, по-видимому, никогда не сбудется. Трудно мне поехать в Москву, трудно во всех отношениях. Ну а мы? Ничего, живем, Тоже трудимся, тоже волнуемся, и очень все устают. Зима по календарю миновала, но на самом деле сейчас как раз стоят большие морозы и метели. Но солнышко светит уже совсем по-весеннему, и у нас в квартире его так много, весь день оно у нас. Вот бы Лев Владимирович был доволен. Он всегда мечтал об этом, у нас на 11-й линии квартира была неудачная в этом смысле.

Живем мы очень мирно, но не всегда тихо, молодежь берет свое, и часто у нас весело и шумно. Одним словом – все нормально, все так, как должно быть. Наша молодежь увлекается музыкой, коньками, лыжами и пинг-понгом. Сама я как-то очень устала за зиму и чувствую себя уже совсем старухой. Это тоже нормально. Все, все наши просят передать Вам свои большие поздравления.

Всего Вам хорошего.

Будьте здоровы и благополучны. Вас, дорогая Надежда Матвеевна, крепко целую.

Любящая Вас
Т. Шерба

Какова судьба книг Льва Владимировича?

Архив РАН. Ф. 1602. Оп. 1. Ед. хр. № 378. Лл. 1–2 об. Автограф.

Примечания

- ¹ Очевидно, Л.В. Шерба имеет в виду свои эксперименты по фонетике, часть которых была опубликована в изданиях: Шерба Л.В. К вопросу о транскрипции // ИОРЯС, т. XVI, кн. 4, 1911. С. 161–181; Шерба Л.В. О научном и практическом значении говорящих машин [доклад] // Краткий обзор деятельности Педагогического музея военно-учебных заведений за 1912/13 уч. г., вып. III. Деятельность отдела иностранных языков учебно-воспитательного комитета музея. Пгр., 1914. С. 107–111.
- ² См.: Дурново Н.Н., Ушаков Д.Н. Хрестоматия по великорусской диалектологии. Пособие при преподавании русского языка в высших учебных заведениях. М., 1910.
- ³ Имеются в виду “Труды Московской Диалектологической Комиссии”. 1-й вып. – 1908 г., 2-й вып. – 1910 г.
- ⁴ См.: Шерба Л.В. Восточнолужицкое наречие. Т. I. Пгр., 1915.
- ⁵ См.: Шерба Л.В. Некоторые выводы из моих диалектологических лужицких наблюдений (Приложение к книге “Восточнолужицкое наречие”). Т. I. Пгр., 1915.

- 6 А.А. Буслаев в 1920–1922 гг. был председателем Московского лингвистического кружка. С этим, по-видимому, было связано обращение к нему Л.В. Щербы.
- 7 Л.В. Щерба входил в группу при Академии наук, которая осуществляла издание начатого Я.К. Гротом и затем продолженного А.А. Шахматовым “Словаря русского языка”.
- 8 Имеется в виду чествование 25-летия научной деятельности Д.Н. Ушакова, проходившее 28 октября 1921 г. в Историческом музее в Москве.
- 9 См.: Бархударов С.Г., Досычева Е.И. Грамматика русского языка. Учебник для неполной средней и средней школы. Ч. 1. Фонетика и морфология. М., 1938. В редколлегия этого издания входил и Л.В. Щерба.
- 10 См.: Виноградов В.В. Л.В. Щерба // Русский язык в школе. 1940. № 6. С. 85–86 (заметка написана в соавторстве с С.И. Бернштейном, Б.А. Лариным и Я.В. Лоей).
- 11 Окончание письма отсутствует.
- 12 Я.В. Лоя – лингвист, специалист по диалектологии и общему языкознанию.
- 13 Прочтение слова предположительное.
- 14 Подробнее о последних годах жизни Л.В. Щербы см.: Матусевич М.И. Последние годы жизни Льва Владимировича Щербы (1880–1944) // Теория языка, методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Льва Владимировича Щербы. Л., 1981. С. 14–20.
- 15 См.: Щерба Л.В. Общеобразовательное значение иностранных языков и место их в системе школьных предметов // Советская педагогика. 1942. № 5–6. С. 30–40.
- 16 Впервые опубликована М.И. Матусевич в издании: Щерба Л.В. Теория русского письма // Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М., 1957. С. 144–179. Позднее труд ученого издан отдельной книгой: Щерба Л.В. Теория русского письма. Л., 1983.
- 17 Далее запись неразборчива.
- 18 14 марта 1951 г. В.В. Виноградов получил Сталинскую премию второй степени за книгу “Русский язык (Грамматическое учение о слове)” (1-е изд. М., 1947).

Вступление, публикация писем
и примечания
О.В. Никитина

Письма Агафьи Лыковой

*В.С. МАРКЕЛОВ,
кандидат филологических наук*

Имя “хозяйки” Саянской тайги Агафьи Карповны Лыковой стало популярно в последние годы. Интерес журналистов, ученых, писателей и просто любопытных не ослабевает к ней до сих пор. В свою очередь и Агафья стремится к общению с людьми “из мира”. Встречи в тайге на реке Еринат (приток р. Абакан) с родственниками и знакомыми, как правило, бывают непродолжительны. После таких встреч летят обычно в разные концы страны письма, написанные Агафьей Лыковой. Адресуются они всем, в ком Агафья нуждается. Много писем из тайги получает писатель Л.С. Черепанов. Одно из них мы публикуем.

Наблюдения над письмами показали, что они могут представлять научный интерес. Так, все письма написаны полууставным почерком (письмо “печатными” буквами без наклона) и являются своеобразными бытовыми, личными грамотками-письмами. В отличие от устава – наиболее древнего типа письма (XI–XIII вв.) – полуустав, как правило, стремится не к красоте, торжественности, а к удобству начертаний и ускорению процесса письма. С середины XIV века полуустав стал использоваться как новый тип древнерусской письменности. Именно этот тип письма сохранялся в России вплоть до XVIII века. В XVIII–XIX веках на востоке нашей страны (Урал, Сибирь) возникает новое яркое явление – крестьянская старообрядческая письменность.

ПАИ ІСѢ ХРІТѢ СНѢ ВЖІИ ПОМНІИ НАСѢ
 СНИСКИМЪ ПОКЛОНОМЪ АРАФІА К Л
 АВЪ СТЕПАНОВИЧЮ ЧЕЖЕЛАЮ ВАМЪ
 ШРАДА БГА ДОБРАГО ЗАДОРОВНА
 ДЪШЕВНАГО СПАСЕНІА ВЖИЗНІИ
 ВЛАГОПОЛУЧИА СОШВЦАЮ ШСВОЕЙ
 ЖИЗНИ ЗАВАСЕ ДОБРОЕ ПОЖЕЛАННЕ
 ПОКА ПОМАЛЕНКШ СБЖІЮ ПОМОЩІЮ
 ВЖИВЫХЪ ХРАНИМА БОГОМЪ ГМОЛКТВА^М
 СВАТЫХЪ ОЦЪ ПОКА СЛАВА ВОГЪ ОСТА
 ЛАСѢ НЕЗАВЕРЕМЕНІВА ДВАЖДЫ
 ПРИХОДИВА НАВЕЛЕ МЕЧЕШНОШОТЪ^К
 ЗАДОРОВЕ ВОПЦЕ ТЕПЕРЬ УНЕСЪ УМЕ
 НА ВСА ~~ВАН~~ ВЫСОХЛА ЕЛИ ХОЖЪ
 ПОКА НАНОГАХЪ НОИ ВПЕРЕДЕ ~~НЕ~~
 НЕЗНАЮ КАКЪ ГДЪ ПОМОЖЕТЪ
 ІЗБЕЖАТЬ ЕТОВА ДЕЛА ПОКА СБЖІ
 ПОМОЩІЮ НЕПОЗВОЛАЮ ЕМО ЕТОВА
 ТВОРИТЬ НО ОЧЕНЬ ТРБДНО СТОАТЬ
 МНЕ СНИМЪ КАЖАЫИ ДЕНЬ СБИВА
 НАЕТО ДЕЛО НО ПОКА НЕПОДАЮСѢ

ЕМЪ ЕСЛИ ТОЛЬКО РАСВЪ ЕЩО СОМН
~~П~~ СОТВОРИТЬ ЭТО ДЕЛО ТО ВОЛЕ МНЕ
 НСВЫНЕСТИ ЕСТЬ ВОЛЕЗНЪ ДО КОНЦА
 ИЗНЕСЕТЬ МЕНА НА ЕТЕМЪ ТО ПОКА
 ЕСЛИ БЫ ГДЪ ПОМОКЪ ИЗБЕЖАТЬ МНЕ
 ЭТОВА ГРѢХА ПОВРЕМЮ МОЖЕТЪ ЕЩО
 ВЫЛЕЧУЧЬ ЭНО ЕХАТЬ А ВО ВСЕ ШКАЗ
 АВАСЬ НЕ ПОЕДУ НИКОГДА НО ЧЕЛОВЕКА
 НЕ ШВХОДИМО НАДО СНИМЪ А ЖИТЬ
 НЕСМОГЪ ИЩЕ ЧЕНЬ А ДНО О ПАСНО
 ЗАСТЪПИТЬ НЕКОМУ ЗАМЕНА
 НО ЕЩЕ ЛЕВЪ СТЕПАНОВЧЕ ^{ПРЕМАЮТЪ ЕСТЬ} БОЛШОЙ
 ПОКЛОНЪ ЛЕНКОВЫ НИКОЛА АЛЕКСЕЧЕ
 ПОЛУЧИЛИ НЕТЪ ПИСМО ЖДЪ ИХЪ ДАЖЕ
 ПИРЕЖИВАЮ ПАТЬ НЕДЕЛЬ ПОСЛЕ ВСЕ
 ПРОШЛО НЕМОГЪ ДОЖДАТЬ ИХЪ НО ЕС
 ПО КАКОМУ СЛУЧАЮ ДОПАСХИ НИ ПРИБА
 БТЬ ТО НАПИШИ ИМЪ ЕЩО ПИСМО
 ВПЕРЕДЕ ПУСТЬ ПРИЕЖАЮТЪ ОННО
 НО ЕЩЕ БОЛШОЙ ПОКЛОНЪ ШМЕНА ЛЕВЪ
 С МАКСИМИЛЪ МНЕ НЕ ШВХОДИМО
 НОЖНО ЧТО БЫ ПРИЕХАВА ОНА КО МНЕ
 КАЖЕ НАЖИТЬ БЕ ОЧЕНЬ ЖДЪ А ЕЕ ПЕРЕЖИВ
 Ю НОВ ПОСТИ МЛОСТИ ПРОСИМЪ ДОСВАИ
~~П~~ АПРЕЛА В СВОЮ

Наши наблюдения показывают, что все письма А. Лыковой написаны хорошим повествовательным слогом. Язык писем прост, близок к обиходно-разговорному, лишен риторических украшений и тяжеловесных подражаний древнерусскому книжному стилю. Все письма содержат характерные черты, свойственные эпистолярному жанру. В своем “классическом” виде они разделяются на три части: зачин, “деловая” часть (раскрытие темы, содержания) и заключение (концовка).

В зачине автор обычно обращается к Богу, далее сообщается имя автора и кому адресуется данное письмо.

В “деловой” части письма Агафья Лыкова пишет о себе; поднимает те или иные вопросы, которые возникают в сибирской тайге; обращается с той или иной просьбой к адресату; сообщает необходимую информацию и пр.

В концовке обычно подтверждается авторство и указывается дата написания письма.

Как уже говорилось, письма написаны полууставом, точнее прямым полууставом. По характеру написания слов их можно отнести к крестьянскому старообрядческому типу письма, сложившемуся в Сибири в XVIII–XIX веках – в период массовой миграции старообрядцев. Характерная особенность этого типа письма – графическое членение текста на слова при помощи пробелов, как, например, в современном письме, хотя в уставе и полууставе, как известно, текст не делился на слова пробелами. В письмах А. Лыковой предлоги, союзы и частицы с последующими знаменательными словами образуют графически единое целое.

Следует заметить, что подобные образцы написания встречались и в скорописных рукописях XVII века, где уже имелось членение текста на слова с помощью пробелов. Но только лишь в XVIII веке деление текста на слова при помощи пробелов получило широкое распространение и стало обязательным. До этого времени слитное написание слов не расценивалось как безграмотное. Интересен, на наш взгляд, и такой исторический факт: без деления текста на слова при помощи пробелов писал в начале XVIII века Петр I.

Характеристика типа письма А. Лыковой будет неполной, если ничего не сказать о его графических и орфографических особенностях. Как показывают наблюдения, в письмах довольно часто встречаются различные приемы сокращения слов. Вообще сокращенные написания были характерны для всей системы древнерусского письма. Сокращению, как правило, подвергались слова, обозначающие основные, наиболее часто встречающиеся религиозные понятия. В письмах А. Лыковой сокращенно пишутся именно они.

Прием сокращения заключается в том, что при написании слова опускаются буквы, обозначающие гласные и согласные звуки, а также некоторые срединные сочетания букв. Над сокращенно написанным словом А. Лыкова ставит специальный знак в виде черточки с загнутыми концами или дужку – титло. Под титлом она пишет слова, обозначающие религиозные понятия: *бог, святых, отец, помолись, владычица, богородица, благославить*.

Кроме отмеченного способа сокращения слов, в письмах А. Лыковой можно заметить и такой прием, как вынос букв над строкой, обычно в конце строки, когда не хватает места. Замечено, что написание букв над строкой допускается автором писем в строго определенной позиции – только в конце строки. Над выносной буквой знак титла не ставится. Эти приемы, используемые А. Лыковой, сближают ее тип письма с полууставным письмом, где вынос букв встречался редко и практически не расширялись позиции, в которых буквы выносились (например, в середине слова).

Следует сказать несколько слов о надстрочных знаках. В письмах А. Лыковой над буквами, обозначающими гласные звуки, употребляются дужки. Они, как правило, ставятся над начальной гласной слова (абсолютное начало слова), а также над второй из двух стоящих рядом гласных. К надстрочным знакам относится в письмах и титло, о котором уже говорилось.

Кроме перечисленных особенностей письма А. Лыковой, можно отметить и такие, которые связаны со способами графического обозначения букв. Так, для графического обозначения гласного звука [о] Агафья применяет две буквы: *o* и *w* (омега). Омеговые написания, как правило, встречаются в предлоге *от* в начале слова и после гласных.

Нельзя не отметить и наличие такого явления, как графическая диссимиляция, т.е. стремление автора не писать рядом двух одинаковых букв при стечении одинаковых фонем. Ср. следующие написания: *сowбцаю, агафѣи*. Следует заметить, что до конца XIV века в древнерусской орфографии существовало правило употребления дублетов *o-w*: после согласных *w* писать было нельзя, в остальных случаях можно (но можно было писать и *o*). С конца XIV века норма написания дублетов *o-w* изменяется: теперь уже *o* после гласных и в начале слов писать было нельзя, а после согласных можно (но можно было писать и *w*). Аналогичные нормы действовали и в отношении гласных *и* и *ї*. Так, в письмах А. Лыковой дублеты *и* и *ї* встречаются в начале слов, после гласных и согласных.

Известно, что в древнерусских текстах употреблялись дублеты *ou-ŷ-у-ж*. В письмах А. Лыковой наиболее показательно в этом ряду

употребление Ѹ, а у пишется редко: только в начале слова или как предлог. Такое употребление у в письмах А. Лыковой почти уникально.

Для передачи [ja] и [ʼa] после мягких согласных в письмах употребляется буква Ѧ, что соответствует современной букве я. Следует заметить, что в старинной русской письменности между буквами Ѧ и ꙗ существовали “синонимичные” отношения. К сказанному добавим, что “синонимичная” буква ꙗ, с помощью которой передавался звук [ja], в письмах А. Лыковой отсутствует.

Кроме букв Ѧ и ꙗ, в древнерусском письме употреблялись также “синонимичные” буквы ѐ и ꙗ (йотированный е). Так, с помощью ꙗ обычно передавался звук [je], а е – [ʼe], хотя значение е было гораздо шире, т.е. с помощью е могли передаваться звуки [je] и [ʼe] с мягкостью предшествующей согласной фонемы. Наши наблюдения показали, что в письмах А. Лыковой ꙗ не употребляется, зато в обоих значениях [je] и [ʼe] пишется е.

Известно, что до 1918 года в русской письменности употреблялась буква ѣ, произносившаяся как звук [e]. Буква ѣ появилась в общеславянскую эпоху. С течением времени происходит совпадение ѣ со звуками [e] и [и], что находит отражение в памятниках древнерусской письменности. В письмах А. Лыковой буква ѣ употребляется редко, зато преобладают случаи смешения букв ѣ и е.

В современном русском письме буквы ъ и ь используются как разделительные знаки. Однако в древнерусском языке эти буквы выступали в значении редуцированных гласных звуков – очень кратких звуков, произносимых ослабленным голосом. Правда, [ъ] и [ь] произносились неодинаково: в одном положении они звучали более отчетливо и сближались соответственно со звуками [o] и [e], в другом – четкость произношения уменьшалась, ослаблялась. Изменения в произношении редуцированных гласных [ъ] и [ь] привели к тому, что с конца XI века слабые редуцированные звуки утрачивают свое существование. Об их исчезновении свидетельствуют многочисленные пропуски слабых [ъ] и [ь] на письме. Эта языковая черта прослеживается и в письмах А. Лыковой. Кроме того в них встречаются слова, в которых употребляются буквы ъ и ь, видимо, лишь как знаки, а не как редуцированные гласные. Хотя, на наш взгляд, смысл подобных написаний ъ и ь может быть понят лишь в ходе обсуждения вопроса, связанного с морфолого-фонематическим истолкованием употребления редуцированных гласных А. Лыковой.

Обращает на себя внимание и написание *вызбе* (в избе), *вызбу* (в избе). Подобные написания встречаются в древнерусских рукописях уже в XIV веке. Как отмечают историки русского языка, это написание с *ы*

достаточно. Не разработаны приемы анализа индивидуальных особенностей расстановки знаков препинания. Поэтому применительно к письмам А. Лыковой говорить о системе знаков препинания не приходится. Как правило, автор писем обходится без точек и запятых. Отсутствие знаков препинания затрудняет понимание текста. В рукописной традиции XVII века отсутствие строчных знаков обычно возмещалось употреблением абзацев, которые нередко были единственным средством смыслового членения текста. В письмах А. Лыковой абзацы отсутствуют. Эти орфографические особенности, на наш взгляд, нуждаются в дополнительном рассмотрении и дальнейшем уточнении.

На одном выводе, правда, стоит остановиться. Мы полагаем, что членение текстов писем на слова с помощью пробелов заменяет знаки препинания – точки и запятые, т.е. основу пунктуации составляет актуальное коммуникативное членение предложения на слова, которые могут объединяться в синтагмы (минимальные семантико-синтаксические и ритмо-интонационные единицы речи), на конце которых постановка знака препинания хотя и не всегда имеет место, но всегда возможна. К сказанному добавим, что актуальное коммуникативное членение предложения лежало и в основе древнерусской пунктуации. Эта традиция древнерусской пунктуации сохраняется до сих пор и в письмах А. Лыковой. Заметим, что запятая как знак препинания появилась в русских рукописях XV века и первоначально употреблялась в том же значении, что и точка.

Запятые, встречающиеся в письмах А. Лыковой, напоминают лишь элементы пунктуации, которая со временем может превратиться в законченную систему правил употребления этого знака препинания на письме (подобно тому, что мы имеем в современной русской пунктуации). Вот пример постановки запятой в одном из писем А. Лыковой: “пока вертолетъ загрѣжали но поговорили сомной, что адна, сказали какѣбы женщинѣ хоть но ѡ ними сказава что галина ивановна жалать но они велели мнѣ ей писмо написать, ѡ написава ей ивотъ вамъ написава ноапеть придетсясѣ накаирь итти письмыто отправлать пока летать если бѣдѣть вывозит”.

Итак, проведенные наблюдения над графико-орфографическими особенностями писем А. Лыковой дают основание для следующих выводов. Письма А. Лыковой убедительно свидетельствуют о существовании развитого письменного языка, сложившегося некогда на собственно русской старообрядческой основе, показывая, насколько разносторонними и широкими являются возможности крестьянского старообрядческого типа письма в наше время. Кроме того, письма позволяют нам лучше понять нормы речевого этикета, связанные с

влиянием древнерусской речевой культуры (заученные этикетные зачины и концовки). Написанные искусным писцом, каким является А. Лыкова, тексты делового содержания могут представлять собой рукописные памятники народно-разговорной (диалектной) речи. Алфавитно-буквенный состав писем А. Лыковой, восходящий к кирилловской системе письма, просуществовавшей до начала XVIII века, определяет все графико-орфографические особенности живой письменной речи.

Казань

Отвечаем любознательным

Манна небесная

По библейскому мифу, манна – пища, которую бог посылал древним иудеям каждое утро с неба, когда они скитались по пустыне в поисках земли обетованной. Возникшее отсюда выражение “манна небесная” употребляется в значении: что-либо ценное, редкое, желанное. “Питаться манной небесной” – существовать впроголодь, “ждать как манну небесную” – ждать чего-либо с нетерпением.

От агента до дипломата

Г.Д. УДАЛЫХ,

кандидат филологических наук

Дипломатия – это та область деятельности, где большую роль играет человеческая личность. Ответственность за переговоры, подписание соглашений, конвенций, договоров – все это ложится на плечи дипломатических уполномоченных.

В современном дипломатическом языке слово *дипломат* служит обобщенным наименованием лиц, занимающихся дипломатической деятельностью. Это слово вошло в русский язык довольно поздно: появившись впервые в 80-е годы XVIII века, оно начинает употребляться с начала XIX века. До XVIII века функцию слова *дипломат* выполняло многозначное *агент* в одном из своих значений “дипломатический представитель”.

Иноязычный термин *агент* прошел длинный исторический путь развития и переосмысления значений и не сразу стал частью русской дипломатической терминосистемы.

Этот термин стал употребляться с XVI века как наименование торговых уполномоченных, отправляемых за границу с временным или разовым поручением. Во второй половине XVII века широкое употребление слова *агент* в значении “торговый представитель компании” способствовало развитию слова уже на русской почве. В связи с отсутствием в Московском государстве постоянных дипломатических представителей агенты стали заниматься дипломатической деятельностью. Таким образом, признак “представитель” стал основой дальнейшего семантического развития слова *агент*: оно проникает в дипломатическую сферу и используется по отношению к иностранным дипломатическим представителям.

Только в русском языке слово *агент* (XVII в.) употреблялось в значении “консул”.

С начала XVIII века *агент* в значении “дипломатический представитель” является обычным в донесениях русских дипломатов и в официальных актах. К этому времени четко определяются функции дипломатических агентов: “1. Лицо без дипломатического звания, официальный уполномоченный правительством для политических сношений и

наблюдения при каком-либо иностранном дворе” (Словарь русского языка XVIII века. Л., 1984. Вып. 1).

В XIX веке слово *агент* расширяет границы своего употребления и используется в разных жанрах языка. В литературном языке начала XX века на русской почве формируется новое значение в слове: “шпион, подстрекатель”, “провокатор, лицо, подстрекающее намеченную жертву к незаконным действиям единственно, чтобы вызвать смуту и подвести ее под наказание” (Лексика русского литературного языка XIX – начала XX века. М., 1981).

На протяжении XX века со словом *агент* связываются отрицательные значения “тайный”, “занимающийся шпионской деятельностью”: “Я знаю – это шпион, агент из *Sûreté générale* [Генеральной безопасности. – Г.У]. За мною следят. Вскрывают письма, подсматривают, подслушивают, стараются вступить в разговор. Шпионов много. Однажды я остановил одного: – Послушайте, следите за мной тайно. Вы обязаны тайно следить” (Неизвестная рукопись Б.В. Савинкова. Знамя. 1994. № 5); “В стране, где не слыхали об авокадо и брокколи, где агенты в штатском (по слухам) следили за каждым движением иностранцев” (Кенжеев Б. Плато // Знамя. 1992. № 3–4).

Подобные значения в определенной мере препятствуют активному использованию слова *агент* в значении “дипломатический уполномоченный”, хотя как общее наименование для дипломатических представителей и дипломатического персонала *агент* употребляется в международном праве и дипломатической практике.

Слово *дипломат* было заимствовано из французского языка (1792). По сравнению с языком-источником объем его значений был ограничен: слово употреблялось в его прямом значении “лицо, занимающееся дипломатической деятельностью”. Впервые отмечается Энциклопедическим лексиконом (1839).

Ранние примеры употребления слова *дипломат* были связаны с узкой языковой сферой дипломатов и придворного общества. В XIX веке профессия дипломата становится необыкновенно популярной и престижной, а многие молодые люди стремятся сделать дипломатическую карьеру. Замкнутость дипломатической жизни диктовала особый “поведенческий” стиль, групповые нормы оценки и мышления. Быть дипломатом в массовом сознании того времени значило вести особый образ жизни, занимать привилегированное положение в обществе, иметь репутацию образованного и умного человека, отличаться оригинальностью суждений.

В XIX веке восприятие дипломата как человека, занятого решением межгосударственных проблем, подменяется несколько упрощенным восприятием “внешних” проявлений профессии: безукоризненных манер, корректности, сдержанности и немногословности, элегантности и строгости одежды и пр. Интересные наблюдения по этому поводу со-

держатся у Л.Н. Толстого и других писателей XIX века: “Приятели Володи называли меня *дипломатом*, потому что раз, после обеда у покойницы бабушки, она как-то при них, разговорившись о нашей будущности, сказала, что Володя будет военный, а что меня она надеется видеть *дипломатом*, в черном фраке и с прической à la соq, составляющей, по ее мнению, необходимое условие дипломатического звания” (Л.Н. Толстой. Отрочество); “По виду бумаги, по слогу письма, тому, как оно было составлено, я с первой же минуты понял, что оно исходит от иностранца, от человека высшего общества, от дипломата” (Пушкин. Письмо гр. А.Х. Бенкендорфу от 21 ноября 1836 г.). Ср. современное: “Василий Такев – профессиональный дипломат. Это видно не только по его выправке, умению держаться, но и по его речи, насыщенной политической, международной, юридической лексикой” (Труд. 1998. 31 янв.).

В художественной литературе XIX века закрепились образы дипломатов, “вся душа которых занята исключительно церемониалом, а мысли и стремления годами направлены на то, чтобы продвинуться хоть на один стул повыше за общим столом” (Гете). Однако следует признать, что настоящие дипломаты «обладают острым политическим зрением, фундаментальными знаниями международных проблем, разбираются в вопросах экономической и культурной жизни, умеют вызывать уважение к своему слову, своим поступкам и, наконец, не лишены того чувства на кончиках пальцев – *fingerspitzen-gefühl* (при общении, при добывании и оценке информации), которое отличает дипломата по призванию от “дипломата поневоле”». (Ан. Ковалев. Азбука дипломатии).

По свидетельству дипломата Ю.Я. Соловьева, в конце XIX века молодые люди, поступавшие в министерство иностранных дел, должны были сдавать дипломатический экзамен по международному праву, политической экономии и иностранным языкам. Помимо этого, надо было представить письменные работы на русском и французском языках в виде извлечений из дипломатической переписки, экономического отчета по какой-либо стране и разбор юридического дела из области консульского суда (Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. М., 1959).

Во второй половине XIX века слово *дипломат* выходит за пределы “группового” словаря дипломатов: оно становится общеизвестным и проникает в письменную речь: “Тут были и сенаторы, и генералы не у дел, и *дипломаты* Бестужевской школы” (Крестовский. Деда); “Весь город, дамы, *дипломаты*, авторы, знакомые и незнакомые наполняют комнаты, справляются об умирающем [Пушкине. – Г.У.]” (А.И. Тургенев. Письмо А.И. Нефедьевой от 29 января 1837 г.); “Екатерина умела той улыбкой, тем abandon [непринужденность. – Г.У.], которым она очаровывала потом тридцать лет всю Россию, *дипломатов* и ученых

всей Европы, привязать к себе Дашкову навеки” (А.И. Герцен. Книжка Екашерина Романовна Дашкова).

Таким образом, языковая замкнутость дипломатического языка и установка на то, что устоялось в нем, не способствовали вовлечению большого числа слов в круг значений “дипломатический представитель/уполномоченный”. В процессе использования слов *агент* и *дипломат* в отмеченном значении победило слово *дипломат*, семантически связанное с группой однокорневых слов – *дипломатия*, *дипломатический*.

Дальнейшее осмысление слова *дипломат* приводит к вторичному заимствованию из языка-источника переносных значений, которые появляются в словарях позднее (50–60-е гг. XIX в.).

Среди переносных значений можно назвать те, которые закрепились в разговорной речи – “человек, тонко и умело ведущий дела, требующие сношений с другими”: “Куда это ушел Володя? – спросил меня Нехлюдов.

– Не знаю, – отвечал я, краснея при мысли, что они, верно, догадываются, зачем вышел Володя.

– Верно, у него денег нет! правда? О! *дипломат!* – прибавил он утвердительно, объясняя мою улыбку” (Л.Н. Толстой. Отрочество); “Андрей Кириллович! – отвечал обыкновенно на эти намеки Суворов, – ведь я не дипломат, а солдат” (Крестовский. Деда). Ср. современное: «Этими “буфетами” и итальянскими крылатыми словами Стастик, хитрый *дипломат*, снижал ситуацию» (С. Абрамов. Ряд волшебных изменений милого лица);

Вчера я заходил в Политбюро
И выяснил, как Ельцина снимали...
Ему резонно отвечал Егор,
с достоинством, спокойно и без мата:
“Ты сильный парень, но на дипломата
не тянешь, Боря. Положи топор”

(А. Еременко. Послание Андрею Козлову в г. Свердловск по поводу гласности, написанное в ноябре 1987 г. // Знамя. 1992. № 1).

В этом же значении употреблялось слово *дипломатка*: “[Тетка], как искусная дипломатка, первая осыпала укоризнами Наденьку, выставила ее поступок в самом черном виде в глазах Александра” (Гончаров. Обыкновенная история).

Особенно часто в XIX веке употреблялось слово *дипломатический* в значении “уклончивый, тонко рассчитанный”: семантика этого слова открывала широкие сочетаемостные возможности. Некоторые из возникших словосочетаний приобрели устойчивый характер – *дипломатические уловки, хитрости, тонкости, ответы*. Другие встречались

реже, например, словосочетание *дипломатическая болезнь* “вымышленная болезнь как предлог для уклонения от выполнения чего-либо”, отмеченное в Словаре современного русского литературного языка (Т. 3). Ср. свособразные медицинские ассоциации в современном контексте со словом *дипломатический*: “Дурно было на душе у Павла Николаевича. А тут еще клевали его Чернов и другие: быстрее, быстрее сменять дипломатов, с той же поспешностью, как Гучков менял своих генералов. Как будто сенсильные фибры *дипломатического организма* допускали такую грубую хирургию” (А. Солженицын. Апрель Семнадцатого).

Следует отметить, что под влиянием представления об особом характере профессии дипломата в системе русского языка в разное время появилось обобщенное переносное значение в слове *дипломат* “якобы характерный для дипломатов”.

В XIX веке в слове *дипломат* выделялось переносное значение “длинное весеннее или осеннее пальто особого покроя, как бы скрывающее человека” (*ист.*). См. пример из Словаря современного русского литературного языка: “Только коли ехать, поди одень дипломат какой потеплее, – выговорил Василий Андреич. Л. Толстой. Хозяин и работник”.

А уже в наше время, в 70-х годах XX века, *дипломатом* стали называть плоский портфель-чемоданчик: «Мирошников выгацил из “дипломата” блокнот и принялся записывать» (О. Смирнов. Наследство), “Я начал открывать дипломат, и меж блокнотов и книг вылетел под ноги замерзшей хозяйке именно швейцарский офицерский нож” (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

Очевидно, что новые значения, которые оформились в слове *дипломат* в современном русском языке, свойственны разговорной речевой сфере.

Баку,
Азербайджан

Из истории политического лексикона XX века

Эмиграция глазами эмиграции

А.В. ЗЕЛЕНИН,

кандидат филологических наук

Несколько миллионов человек, волею судеб оказавшихся на чужбине после революции 1917 года и гражданской войны, были поставлены в ситуацию самоидентификации и (само)определения своего места в жизни приютивших их стран. Поэтому понятно, что термины *эмиграция*, *эмигрант* и другие связанные с ними понятия в языке беженцев играли весьма заметную роль. Особенно первая и вторая “волны эмиграции”, пришедшиеся на 1918 – середину и конец 1920-х годов, стремились определить содержание данных понятий. Отсюда языковые особенности функционирования слов *эмигрант*, *эмиграция* и их производных в эмигрантском языке. И это понятно: действительность определяет реальную жизнь понятия и слова. Огромное количество газет, журналов, издававшихся эмигрантами, были прекрасным “испытательным полигоном” при выработке и шлифовке нового содержания, смысла в понятии “эмигрант”. С этой точки зрения употребление слов *эмигрант*, *эмиграция* на страницах эмигрантской прессы (публицистики) представляет особый интерес, так как именно газеты мгновенно реагировали на малейшее смысловое или прагматическое колебание в использовании данных понятий.

Термин *эмиграция* – один из частотных в эмигрантской публицистике. Однако исторические ассоциации этого понятия с французской революцией 1789 года, с точки зрения эмигрантов, лишь внешние, поверхностные, коренящиеся в сходстве наименования, в содержательном же плане такое сопоставление едва ли уместно: «Русская “эмиграция” не имеет прецедентов во всемирной истории. Чаще всего ее сравнивают с французской конца восемнадцатого века, – и, конечно, между этими двумя явлениями есть кое-какие общие черты сходства... Ин-

дивидуально же между современным русским “беженцем” и французским *émigré* очень мало общего» (Владимир Набоков. Мы и Они).

Слово употребляется и в свободном виде, и со своими определениями (что намного чаще в газетных текстах). Значение термина – “люди (или совокупность людей), переселившиеся в другую страну”: «Ведь если не будет готова наша “смена”, если наша молодежь распылится, “де-национализируется”, окончательно уйдя от России в свою личную заграничную жизнь, то эмиграция как политическая сила через некоторое время перестанет существовать» (Возрождение. 1939. 14 июля); “[А. Казим-бек] как политический руководитель, он выдающийся, а как истолкователь политической темы, другого равного ему в эмиграции не знаю” (Младоросская искра. 1933. 15 нояб.); “Подневольная Россия молчит, а эмиграция пребывает в розни и блуждает во тьме, обновляя старые политические программы или заимствуя от запада чужие формы” (из речи генерала А.И. Деникина // Голос России. 1931. 2 авг.).

Однако такое словарное определение почти ничего не говорит о прагматическом аспекте термина; с этой целью слово *эмиграция* часто сопровождается прилагательными, призванными уточнить столь разностороннее для эмигрантов понятие. Прилагательные в этом случае выступают в качестве семантических конкретизаторов. Такие определения безошибочно дают как политические, так и прочие характеристики различных эмигрантских групп: *национально-мыслящая эмиграция*, например, в приветственном послании великого князя Андрея Владимировича младороссам. *Национальная эмиграция*: “...так ясно ставит вопрос задачи для национальной эмиграции, что комментарии излишни” (Статья В.М. Левитского // Голос России. 1933. Янв. – февр. – март); *русская эмиграция*: “у Русского народа отнят язык и только Русская эмиграция, т.е. те, кто вдохновлял Русский народ на борьбу, кто руководил и вел ее, – еще говорит о великом прошлом, о самопожертвовании Русского народа во имя Славянской идеи...” (Русский голос. 1934. 29 июля); *белая эмиграция*: “...еще мало в белой эмиграции людей, которые отказались от мысли вернуться в свои родные края, от жажды скорейшего конца советской большевицкой власти” (Голос России. 1932. Сент.–окт.); *белая военная эмиграция*: “Запросы, получаемые... со всех концов мирового рассеяния белой военной эмиграции, свидетельствуют, что события... всколыхнули активную массу бывших русских антисоветских бойцов...” (Голос России. 1932. Сент.–окт.); *дальневосточная эмиграция*: “Дальневосточная эмиграция, несомненно, является старейшей” (Сегодня. 1930. 7 янв.). В анархических изданиях встречается словосочетание *белогвардейско-петлюровская эмиграция* с негативной смысловой оценочностью: “Перелом в настроениях белогвардейско-петлюровской эмиграции, а также внутренней буржуазии и интеллигенции... – все эти явления и факты подтверждают всю правильность нашего анализа государственного коммунизма как

контрреволюционного по своей сути и реставраторского по своей тенденции” (Анархич. вестник. 1924. № 7).

Острейшая для эмигрантов проблема утраты молодежью национальной идеи, желания возвращения на Родину, борьбы за дело отцов, больно переживалась старшим поколением, отсюда расхождение эмиграции на “национальную” и “денационализовавшуюся”: “Эмиграция же, денационализованная, утерявшая свою российскость, нас не интересует вовсе” (Сигнал. 1939. 1 апр.). С этим связано внутреннее сопоставление понятий “эмигрант” и “турист, иностранец”: и тот, и другой лишь поверхностно знакомятся с жизнью, обычаями страны, без глубокого анализа и изучения. С точки зрения эмигрантов, быть аполитичным (“иностранцем”, “туристом”, то есть легковерно-наивным человеком) в эмиграции не позволено: «...надо быть безнадежно наивным “иностранцем” (таких среди эмиграции сейчас хоть пруд пруди), чтобы поверить назойливо подсовываемой коммунистами схеме, что борьба [в СССР] идет за хлеб» (Голос России. 1933. Янв.–февр.–март).

Хотя эмигрантское существование и сгладило многие национальные различия, тем не менее эмиграция поддерживала объединения по национальному признаку: “Многopleмeннoсть России предопределила и многopleмeннoсть эмиграции” (Сигнал. 1939. 1 апр.). Историческая роль эмиграции видится в возвращении в Россию и строительстве новой страны или возрождении старой (в этом пункте эмиграция не имела единства): “...при систематическом истреблении в СССР нашего государственно-мыслящего слоя и при исключительном худосочии культуры советского ведущего слоя в будущем возрождении России никакая новая власть без нашей эмиграции обойтись не сможет” (Сигнал. 1939. 1 апр.).

Явно на периферии языкового употребления находится использование слова *эмиграция* в качестве существительного с процессуальным, а не собирательным значением (что более типично): “К держателям страховых полисов, которые вследствие эмиграции из России не могли больше платить страховых премий” (Объявление // Дни. 1925. 1 февр.). Ср. другой пример, когда эта процессуальность признака подкрепляется синонимом *беженство* с тем же грамматическим значением процесса: «Лишь после разгона Учредительного собрания, когда большевизм сбросил маску, и открыто сказалось стремление истребить всё, к чему можно было прицепить этикетку “буржуазность”, эмиграция, беженство приняло очень широкие масштабы» (Руль. 1920. 2 дек.).

Стилистически окрашенным синонимом термина *эмиграция* было слово *изгнание*: “Мы же [эмигранты] бедны, без почвы под ногами, без власти. Но борьбу продолжаем вот уже 20 лет в изгнании” (Русский голос. 1939. 5 марта). Слово *изгнание* – семантически возвышенное, употребляемое в Библии: “Кто же не будет исполнять закон Бога твоего и закон царя, над тем немедленно пусть производят суд, на смерть ли, или

на изгнание, или на денежную пеню, или на заключение в темницу” (Книга Ездры. 7, 26); “...Под ударами в темницах, в изгнаниях, в бдени-ях, в постах...” (Второе послание к Коринфянам. 6, 5). Оно употреблялось в церковной книжности и калькировало греческое *diogmos* “изгнание, преследование”. Апелляция к историческому прошлому вызывала в памяти слово *ссылка* (русский эквивалент славянскому обозначению *изгнание*): “Как взяться живыми руками за голое тело Русской политической жизни отсюда, из изгнания, из ссылки?” (Младоросская искра. 1933. 5 янв.).

Изредка употребляется глагол *эмигрировать*: “Вожди профессиональных союзов жестоко преследуются советским правительством. Многие из них расстреляны, многие находятся в тюрьмах и концентрационных лагерях или эмигрировали” (Руль. 1920. 1 дек.). Неполным (частичным) синонимом ему является глагол *рассеяться*: “...наша Родина попала под иго III Интернационала, а мы рассеялись по всем странам мира в качестве беженцев-эмигрантов” (Русский голос. 1934. 29 июля); ср. также причастие *рассеянный*. “Всех верных долгу русских воинов, рассеянных по Зарубежью, сердечно поздравляю с наступающим Праздником Светлого Христова Воскресения” (Русский голос. 1939. 9 апр.).

Гораздо чаще употреблялось отглагольное существительное *рассеяние* (обычно в сочетании с другими словами), в котором еще было сильно значение процессуальности: “К нашему общему великому стыду и позору, [эмигрантское равнодушие] явление повсеместное, явление, присущее всему мировому русскому рассеянию русской эмиграции” (Голос России. 1933. Янв.–февр.–март). Впрочем, иногда эта процессуальность признака в слове *рассеяние* утрачивается, и оно становится синонимом термина *эмиграция*: “К чести комитета надо сказать, что он много потрудился и достиг цели. На его призыв принять участие в выставке откликнулось большое число лиц из многих мест русского рассеяния во главе с великой княгиней Ольгой Александровной...” (Русский голос. 1939. 16 апр.); “Не успели прозвучать слова нашего призыва, как со всех концов... потекли к нам посильные добротные пожертвования и глубоко трогательные приветствия нашей газете, газете нищих и обездоленных русских людей, в рассеянии сущих” (Русский стяг. 1925. 26 июня); «На этом Совещании информационными докладами было установлено, что в некоторых странах русского рассеяния, как в Чехословакии и Юго-Славии, денационализация “захватывает не только детей, но даже и часть взрослого рабочего населения, и с каждым годом становится всё глубже и заметнее”» (Дни. 1925. 6 февр.).

Слова *рассеять(ся)*, *рассеяние* в языковом употреблении эмигрантов требуют дополнительных пояснений, поскольку за этими обозначениями эмигранты видели культурно-историческое содержание и перекличку времен. Термин *рассеяние* – точная калька греческого отгла-

гольного существительного *diaspora* – *рассеяние*. В Библии все слова данного словообразовательного ряда – *рассеяться*, *рассеяние*, *рассеянный*, *рассеять* и т.д. играют исключительно важную роль: “Господь Бог, собирающий рассеянных Израильян, говорит: к собранному у него Я буду еще собирать других” (Евангелие от Иоанна); “...собери рассеяние наше, освободи порабождённых язычниками, призри на уничтоженных и презренных, и да познают язычники, что Ты Бог наш...” (Книга пророка Иеремии. Глава 25. Стих. 34); “И выведу вас из народов и из стран, по которым вы рассеяны, и соберу вас рукою крепкою и мышцею простертою и изливанием ярости” (Книга пророка Иезекииля. 20, 34).

Впервые термин *diaspora* использовали для обозначения евреев, говоривших по-гречески; в Новом Завете этим словом обозначается совокупность евреев, со времен Вавилонского пленения (586 г. до н.э.) выселившихся и высланных за пределы Палестины и живущих среди языческих народов (в Египте и Малой Азии). В начале нашей эры это понятие было перенесено на всех евреев-единоверцев, живших вне церковных общин. В католичестве понятие *диаспора* использовалось для названия католических общин в разных иноверческих странах.

Укоренение в лексиконе эмигрантов обозначения *рассеяние*, употреблявшегося исключительно в тексте Библии, не случайно, так как оно помогало соотносить свое пребывание за границей с аналогичным историческим событием, позволяя черпать в этом духовные силы в ожидании вернуться в Отчизну.

Потребность осознать себя единой, сплоченной силой рождает прилагательное *общеэмигрантский* – особенно это характерно для тех представителей молодого поколения, которые активно готовились к возвращению на родину (“активизм”): “Харбинский Русский Клуб отметил столетнюю годовщину первого исполнения русского национального гимна особым общеэмигрантским собранием...” (Младоросская искра. 1933. 10 июля).

Определения, даваемые слову *эмигрант* в публицистике, самые разнообразные: *итальянские эмигранты*, *русские эмигранты*, *антисоветские эмигранты*. Кроме того, этот термин выступает как приложение: *большевики-эмигранты*, *беженцы-эмигранты*. Правда, соединение в словосочетании *эмигранты и беженцы* двух терминов было призвано отделить бежавших от советской власти по политическим мотивам – *эмигранты* (в эмигрантском языке часто приравнивавшееся к понятию “противобольшевик” как более точно отражавшему суть явления) и *беженцы* – выехавшие из России по экономическим и иным причинам: “Большая часть русского населения Манчжурии может рассматриваться как ее коренное оседлое население. Приток эмигрантов и беженцев из России способствовал оживлению русской культурной и общественной жизни в Манчжурии-Го, не нарушая той почвенности,

которая выгодно отличала ее от чисто эмигрантского существования русских в Европе” (Младоросская искра. 1933. 10 июля).

От слов *эмигрант*, *эмиграция* образуется относительное прилагательное *эмигрантский*; его типичными значениями являются: 1) состоящий из эмигрантов – *эмигрантская масса*, *эмигрантские круги*, *эмигрантское офицерство*, *эмигрантская толща Парижа*, *эмигрантская молодежь*, *эмигрантские семьи*, *эмигрантский центр*: “...только русский воин способен в эмигрантской толще создать то мощное ядро, которое способно снова ринуться на подвиг жертвенности и бескорыстного служения своему страждущему кровью брату” (Голос России. 1933. Янв.–февр.–март). 2) принадлежащий к эмигрантам – *эмигрантские экономисты*: «Для вящего беспристрастия о “пятилетке” журнал хотел дать статьи одного советского и одного эмигрантского экономистов» (Руль. 1930. 20 июня). 3) свойственный, присущий эмигрантам – *эмигрантское существование*, *эмигрантское равнодушие*, *эмигрантский активизм*: «Недавно собралась в Москве “конференция”, или, по просту говоря, состоялся съезд советских театральных режиссеров, на котором от имени драматических авторов выступил с речью А. Толстой. Этот, когда-то очень талантливый, писатель еще в 1922 году сменил эмигрантское существование на советское житье-бытье» (Возрождение. 1939. 14 июля); “[Белая борьба] должна продолжаться – в формах эмигрантского активизма, который... составляет природу эмигранта, смысл и оправдание эмиграции” (Из речи генерала А.И. Деникина // Голос России. 1931. 2 авг.).

Таким образом, рассмотренный в различных языковых контекстах термин *эмиграция*, употреблявшийся эмигрантами в публицистике, позволяет взглянуть на него объемно с разных точек зрения: семантической, словообразовательной, культурно-исторической (*эмиграция – бегство – изгнание – ссылка – рассеяние*) и прагматической, отличной от функционирования понятия в советском языке и политическом дискурсе.

Санкт-Петербург

ТОПОНИМИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ ЦЕНТРАЛЬНОЙ РОССИИ*

Г.Л. СМОЛИЦКАЯ,

доктор филологических наук

Тула (1146^{*}). Город, центр Тульской области. Название дано по реке Тулица (Тулка), на которой он был основан. Существует несколько предположений о происхождении этого названия, не учитывающих того факта, что первоначально наименование относилось к реке, а не к селению. Из этого исходит приводимая В.А. Никоновым балтийская версия: от литовского *tula* "поселение на новом месте, колонии" (Никонов. Краткий топонимический словарь). К тому же поблизости протекает река Упа, чье название, возможно, балтийского происхождения. М. Фасмер предполагал, что топоним образован от диалектного *тула* "приют, прибежище", которое Даль считал саратовским. Это значение апеллятива Фасмер связывал с тем, что окрестные земли в XVI веке назывались *Тульской украиной*, т.е. окраиной, где можно укрыться, найти тайное прибежище (Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Т. IV).

К объяснению топонима надо идти через гидроним *Тулица*, *Тулка* (первоначально, вероятно, *Тула*. ср. реки *Пенза – Пензятка*, *Орел – Орлик*, *Мстёра – Мстёрка* и т.п.). Поблизости от Тулицы были известны реки *Мокрая Тулица*, *Синяя Тулица*, *река Большая Тулица*. Повторение гидронима – верный признак того, что это какой-то гидрографический термин. Есть основания связать его с уже упоминавшимся диалектным *тула* – "скрытое, недоступное место", откуда *тулиться*, *при-тулиться* "делаться, становиться незаметным". Возможно, река Тулица (из *тула*) – это "река, скрытая зарослями, кустарником", незаметная, невидная в зарослях. Э.М. Мурзаев относил апеллятив *тула* "скрытое, недоступное место" к географическим терминам и считал, что он лежит в основе названия города (Мурзаев. Словарь народных географических терминов).

При этом нельзя исключать балтийского или финно-угорского про-

* Продолжение. Начало см. Русская речь. 1994. №№ 4–6; 1995. №№ 1–6; 1996. №№ 1–6; 1997. №№ 1–6; 1998. №№ 1–6; 1999. №№ 1–6; 2000. №№ 1–2.

исхождения названия реки *Тулица* (она впадает в р. Упа) и одноименного города, к которому перешло это название. Аргументом в пользу его балтийского происхождения является гидроним *Upa*, соотносимый с литовскими *upė, upis, upys*, латышскими *upe* “река, ручей” и гидронимией реки *Tule*, луг *Tulejos* и др. (Vanagas A. Lietuvų hidronimų etimologinis žodynas. Vilnius, 1981). В пользу финноязычного происхождения названия говорит наличие аналогичных гидронимов на Русском Севере и Северо-Западе: реки *Тула*, *Тулокса*, озеро *Тулос*, река *Тулома* и др. Известны попытки соотнести название *Тула* с тюркоязычными географическими терминами (Молина Э.Ф. Очерки по индоевропейскому словообразованию. Ч. I. Названия гидропонятий. Томск, 1973).

тулякí, туляк, тулячка и тульчане, тульчанки, тульчанка;
туляне, тулянин, тулянка
тульский, -ая, -ое

Туляк – стальная душа. *Туляки* – оружейники. *Туляки блоху на цепь приковали*. Эти выражения отражают специфику занятий жителей Тулы – обработка металла, оружейное дело высокого класса.

В Тулу со своим самоваром не ездят. Так шутливо говорят в том случае, когда кто-то берет с собой в поездку заведомо ненужную вещь, которую можно приобрести там, куда человек едет.

Тума (1938). Рабочий поселок в Рязанской области. Название возможно объяснить на финноязычном материале. Исследователи связывают его с эрзянским *тумо* “дуб” и марийским *тум* “дуб” или “глушь, пуща, непроходимый лес” (Никонов. Указ. соч.). Такое объяснение поддерживается и тем обстоятельством, что поселок находится в лесах рязанской Мещеры и в зоне распространения финноязычной топонимии, в частности, гидронимов с основой *тум-*: *Тумалей*, *Тумалейка*, *Тумка*, *Тумовка* и др.

тумчане, тумчанин и тумачи, тумач
тумский, -ая, -ое

Тумботино. Рабочий поселок в Нижегородской области. Название дано по фамилии (прозвищу) первого владельца селения *Тумбы*. В основе прозвища исследователи видят финно-угорское слово *тамбо* “омут, яма” (селение расположено на берегу Оки) или *тумо* “дуб”: в окрестностях поселка даже сейчас сохранилось много дубрав (Морхин. Нижегородский топонимический словарь).

тумботинцы; тумботинец
тумботинский, -ая, -ое

Тургенево. Русский рабочий поселок в Республике Мордовия. Название дано по фамилии владельца этого села И.П. Тургенева, известного общественного деятеля XVIII века, члена кружка Н.И. Новикова, впоследствии куратора Московского университета. *Тургень*, *Тургенев* – русская фамилия тюркского происхождения известна в источниках с 1471 года и довольно широко распространена у русских.

тургёневцы, тургёневец, тургёневка
тургёневский, -ая, -ое

Тутаев. Город в Ярославской области. С 1822 по 1918 годы назывался *Романов-Борисоглебск*. Он был образован из двух селений, расположенных на разных берегах Волги. Романов был основан ярославским князем Романом Васильевичем в 1370 году на левом берегу Волги. Борисоглебск упоминается в XV веке как *Борисоглебская рыбацкая слобода московских князей* (на правом берегу Волги). Название дано по церкви Бориса и Глеба. В 1777 году, получив статус уездных городов, оба селения объединяются в город – Романов-Борисоглебск. В 1918 году он был переименован в *Тутаев* по фамилии красноармейца И.И. Тутаева (1899–1919), погибшего при подавлении белогвардейского мятежа в Ярославле. Фамилия *Тутаев* от прозвища *Тутай*, известна с конца XVI века: Тутай – помещик, Рязань (Веселовский. Ономастикон)

тутаевцы, тутаевец
тутаевский, -ая, -ое

Тучково. Поселок городского типа в Московской области. В прошлом – это родовое имение Тучковых. Четверо братьев Тучковых были генералами русской армии, героями Отечественной войны 1812 года. Двое из них погибли в Бородинском сражении. В 1904 году местная железнодорожная станция Мухино переименовывается в Тучково, а в 1934 – название *Тучково* получает и рабочий поселок, выросший при ней. Фамилия *Тучковы*, в честь которых названы поселок и станция, происходит от прозвища *Тучка*, известного в XV веке, фиксируется в источниках тоже с XV века (Веселовский. Указ. соч.).

тучковцы, тучковец
тучковский, -ая, -ое

Тырново. Село в Рязанской области. Известно в источниках XV–XVII веков как *Тырнова слобода* во владениях Терехово-Воскресенского монастыря. Название дано по реке Тырница, на которой основана слобода. Не исключена и обратная зависимость – река по слободе. Название слободы может быть антропонимического происхождения. В XVI веке в источниках известно прозвище *Тырна* (Веселовский. Указ. соч.).

тырновцы, тырновец
тырновский, -ая, -ое

Тюшево. Село в Рязанской области. Известно с XVI века как село *Тишево*. Предположительно, в основе названия местное слово *тишь* “низменное луговое место у Оки”, которое дало и такое название, как озеро *Тишь*. Такие озёра – старичного происхождения в пойме Оки по среднему её течению (Смолицкая. Гидронимия бассейна Оки). Со временем они высохли и превратились в низменный луг у реки. Не исключено и антропонимическое происхождение топонима. В источниках XV–XVI веков известно прозвище *Тюша* (Веселовский. Указ. соч.).

тюшевцы, тюшевец
тюшевский, -ая, -ое

Уваровка. Поселок городского типа в Московской области. Первоначально известен как железнодорожная станция (1870), а впоследствии поселок, сформировавшийся при ней. Название по фамилии *Уваров*, владельца здешних мест. Фамилия известна с 1482 года (Веселовский. Указ. соч.). В ее основе редкое для русских мужское имя *Увар* (из старинного *Уар*).

уваровцы, уваровец
уваровский, -ая, -ое

Уварово. Город в Тамбовской области. Название известно с XVII века – село Уварово. Топоним антропонимического происхождения – по фамилии *Уваров*. См. *Уваровка*.

уваровцы, уваровец
уваровский, -ая, -ое

Углич. Город в Ярославской области. По археологическим данным, возник в X веке, хотя первое упоминание о нем относится к 1148 году как *Угличе (Углече) Поле*. Но есть убедительное мнение о том, что первоначально город назывался *Волга* (упоминание в летописях с XI по XIII в.), а Угличе (Углече) Поле – это значительная часть Верхневолжья; местность и город. К XVI веку *Угличе (Углече) Поле* окончательно вышло из употребления, и установилось Углич (Русинов И.Д. Углич // Русская ономастика и ономастика России. М., 1994).

Существует несколько предположений о происхождении названия *Углич* и *Угличе (Углече) Поле*. По мнению И.Д. Русинова, основа *угль-*, возможно, отражает сжигание участка леса под пашню при подсечно-огневом способе земледелия. По другому предположению, название возникло потому, что Волга делает в этом месте крутой поворот, угол, поэтому местность и поселение на ней получили название *Углече Поле, Углич*, т.е. угловой, расположенный на углу. Такой принцип номинации известен в славянской топонимии. У русских поле, луг, сухое место, вдающееся углом в чьи-либо поле, луг, могут получить название *Угол*, так же, как *рассоха* – поле, луг между раздваивающимся руслом реки – тоже может стать названием *Рассоха*. Большая микрогопонимия типа *Вугал, Вуглы* существует в Белоруссии. В бассейне Днепра и Оки известен гидроним *Угол*.

угличане (*устар.* угличи), угличанин, угличанка
углический и углический, -ая, -ое, *устар.* угличский, -ая, -ое

Угличане – *толоконники*. т.е. любят употреблять в пищу толокно – кушанье из овсяной муки.

Углицец. Село в Воронежской области. Известно с начала XVII века как село Телечино. Название связывают с тем, что в этом селе когда-то производили древесный уголь для собственных нужд и на прода-

жу в Воронеж (Прохоров. Вся Воронежская земля).

углянцы, углянец

углянский, -ая, -ое

Углипéчи. Поселок в Нижегородской области. Название дано по тому, что в XVII веке здесь было налажено производство потаина, древесного угля. См. *Майдан*.

углипéченцы, углипéченец

углипéченский, -ая, -ое

Угра. Река, левый приток Оки на территории Калужской области. Происхождение гидронима окончательно не выяснено, хотя большинство исследователей считают его балтизмом и соотносят с аналогичными названиями и апеллятивами из балтийских языков. М. Фасмер соотносил его с латышским *Uogre* (в бассейне Зап. Двины) и с литовским *Ungurpé*, образованными от апеллятива в значении “река угрей”. Не исключал он и другой балтийский источник с начальным *u* и считал его древнепрусским *Vangrape* от литовского *vingris* “изгиб” (Фасмер. Указ. соч. Т. IV). Этот апеллятив приводится и в книге Л.Г. Невской: *vingris* “изгиб реки, излучина” (Балтийская географическая терминология). В.Н. Топоров тоже считает *Угру* балтизмом и соотносит это название с литовским *Ugra* и *Ugr* в бассейне Западной Двины (“Baltica” Подмосковья).

У Калужской Угры развился большой ряд топонимов собственно русского словообразования: притоки рек *Малая Угрничка*, *Угрничка*, деревни *Угрница*, *Угрничка* (XVIII в.), современный поселок *Угра*.

угрiнцы, угрiнец

угрiнский, -ая, -ое

Ударный. Мокшанско-русский поселок в Республике Мордовия. Образован в 1929 году переселенцами-комсомольцами из нескольких сел Мордовии. Они взяли на себя обязательство ударным трудом выполнить пятилетнее задание (пятилетку) по заготовке леса за три года. Это обстоятельство и дало название поселку. Подобные наименования не были единичными в Центральной России на рубеже 20-х–30-х годов. Ср., например, современный поселок *Ударник* в Воронежской области, получивший название по ближайшему совхозу “Ударник” в 1931 году.

удáрници, удáрнице; *разгов.* удáрники, удáрник

удáрнинский, -ая, -ое; *разгов.* удáрный, -ая, -ое

Удельная. Поселок городского типа в Московской области. Первоначально это название железнодорожной платформы (1894 г.), затем дачного поселка (1924 г.). Удельная – это станция (позже поселок), находящаяся на земле Удельного ведомства, ведавшего недвижимым имуществом императорской фамилии. Ср. железнодорожная станция Удельная теперь в черте Петербурга.

удéльныицы, удéльнице

удéльнинский, -ая, -ое

Удóмля (1981). Город в Тверской области. Первое упоминание в 1478 году – *Удомельский погост* при озере Удомля. Вероятно, селение названо по озеру, хотя возможна и обратная зависимость. Предполагается балтийское происхождение гидронима.

удомельцы, удомелец

удомельский, -ая, -ое

Узловáя (1938). Город в Тульской области. Известен с конца XIX века как поселок при станции Узловая, получивший название по расположению на пересечении (в узле) двух железнодорожных направлений: Москва – Донбасс и Ряжск – Вязьма.

узловчáне, узловчáнин, узловчáнка

узловский, -ая, -ое и узловской, -ая, -ое

Ульи́це. Местность в Нижегородской области.

Название дано по тому, что здесь когда-то было бортное угодье, а затем пчельник с ульями (Морохин. Нижегородский топонимический словарь).

Ума́й. Село в Нижегородской области на реке Умайке. Известно с XVI века. Несомненно, название села и реки одного происхождения, но трудно сказать, какое из них первично, какое вторично, поскольку мордовское *умай* “полоса засеянной земли”. Это вполне логично по отношению к названию селения, которое возникло у полосы засеянной земли, около пашни, но не по отношению к названию реки.

умайцы, умаец и умаевцы, умаевец

умайский, -ая, -ое и умаевский, -ая, -ое

Уме́т. Мокшанско-русский поселок в Республике Мордовия. В XIX веке это владельческая деревня Авдалов Уме́т. Селения со второй частью *Уме́т* были широко известны не только в Мордовии, но и в Тамбовской и Самарской областях. Одно из значений слова *уме́т* “постоянный двор, станция на старых солеварных трактах южной и юго-восточной части Руси”. Этим объясняется большое количество топонимов со словом *уме́т*. *Авдалов (Андалов) Уме́т* значит, что такая станция находилась на дороге, проходившей через земли села Авдалово. Аналогичные: хутор *Шиловский Уме́т*, села *Каменный Уме́т*, *Пересыпкинский Уме́т* и др. (Инжеватов. Топонимический словарь Мордовской АССР).

уме́товцы, уме́товец

уме́товский, -ая, -ое

Продолжение следует

Древнеславянская версия сказки "Чудесные дети"

"Перевоплощения светоносных близнецов"

Т. В. ЗУЕВА,

доктор филологических наук

С мифологическим прошлым древняя версия сказки "Чудесные дети" связана близнечной темой, что уже давно отметил В. Ф. Миллер. Он обратил внимание на № 287 из сборника А. Н. Афанасьева, который составитель поместил в конце группы текстов основной восточнославянской версии. В книге "Очерки арийской мифологии в связи с древнейшей культурой. Т. I: Асвины-Диоскуры" (М., 1876) Миллер обстоятельно исследовал проявления близнечного мифа в "Ведах", у античных греков и у славян. К сожалению, этот большой труд выдающегося филолога, главы исторической школы русской фольклористики, не упоминается в статье "Близнечные мифы" энциклопедии "Мифы народов мира" (Т. 1. С. 174–176). Впрочем, в указанной статье также отсутствует славянская тема, равно как и в статье "Славянская мифология" ничего не говорится о близнечном мифе у славян (Т. 2. С. 450–456).

А. М. Золотарёв считал, что в древнем фольклоре тема близнецности была порождена дуальной общественной организацией: сюжет о братьях-близнецах ("основополагающий миф") объяснял учреждение родоплеменных подразделений (фратрий). На протяжении долгого исторического времени близнечный миф претерпел разнообразные трансформации, в том числе эволюционировал в сказочный тип о двух братьях – "добром и злом, удачливом и неудачливом, умном и глупом" (Золотарёв А. М. Родовой строй и первобытная мифология. М., 1964. С. 297).

В культуре индоевропейцев близнечный миф имеет глубокие корни. Одно из его ранних проявлений – образы божественных близнецов

Ашвинов, о которых повествует “Ригведа” – памятник древних ариев, созданный во второй половине второго тыс. до н.э. В гимне, посвящённом Ашвинам, обнаруживается сильное стилистическое развитие идеи близнецности. Они сравниваются с самыми разными как парными, так и непарными предметами и явлениями: “Словно два давилных камня”; “Как два коршуна на одно дерево”; “Словно два брахмана, произносящие гимны во время обряда”; “Как два мужа-колесничих”; “Как два козла-близнеца”, “Как две наложницы”; “Как два домохозяина”; “Как два рога (животного)” и т.д. (Ригведа: Мандалы I–IV. М., 1989. № 39). В древнеславянской версии сказки “Чудесные дети” этому аналогичен мотив с превращениями близнецов. Выделим одно из сравнений, относящихся к Ашвинам: “Как два козла-близнеца”. Не исключено, что здесь отражено давнее слияние близнецного и тотемного мифов, сохранившееся впоследствии у славян.

По мнению Н.И. Толстого, явление близнецности связывалось в народе “с отрицательной семантикой числа два” (Толстой Н.И. Близнецы // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1995. Т. 1. С. 191). Сопровождавшие его обычаи и обряды могли породить широко известный фольклорный мотив изгнания (убийства, подмены) младенцев-близнецов. Наделённые сверхъестественным началом близнецы должны были вернуться к своей нечеловеческой природе. В более поздних родильных обрядах известна имитация смерти младенца, его подмена, называние ложным именем и проч. Один из исследователей пришёл к выводу о “полном структурном совпадении” таких действий с сюжетными мотивом сказки “Чудесные дети” (Дмитриев С.В. Мотив подмены младенцев в сказках, легендах, преданиях // Фольклор народов РСФСР: Фольклор и этнография. Общее и особенное в фольклоре разных народов. Уфа, 1990). Примечательно, что автор обошёл молчанием близнецную тему, ибо со временем она угасла – как в быту, так и в сказке. В основной восточнославянской версии сюжета уже появляется характерное утроение: царица родит но сыну в течение трёх лет, или в *трёх брюха́х* по трое сыновей.

И в древней версии близнецная тема иногда могла быть ослаблена. Например, в варианте из сборника Федеровского у царицы родились не близнецы, а погодки; но когда превращения дошли до ягнят, то у овцы родились именно близнецы. Вместе с тем в варианте из сборника Яворского близнецная тема усилена: «А трэ́та кажэ: “Мэнэ кобы́ пан взяў, то я бы золоты́ диты́ робыла – по два хлопци на-ра́з!”».

С мифологической сущностью близнецов связывалось ярко выраженное отрицательное или положительное к ним отношение. Существуют многочисленные бытовые подтверждения этого, что раскрывает упоминавшаяся словарная статья Н.И. Толстого. Примечательно, что помещённая в ней иллюстрация – словацкая гравюра на дереве – изображает близнецов с месяцем во лбу и звёздами на теле (Толстой Н.И.

Близнецы. С. 192). Близничная тема присутствует в славянском народном орнаменте (вышивка, архитектурный декор), в народной игрушке.

Одним из свидетельств древнеславянского близничного культа предположительно может служить истукан Золотой Бабы с двумя младенцами, стоявший некогда в языческом храме на берегу Оби. А.С. Кайсаров писал: “В жертву приносили ей соболей и куниц и одевали её в сии кожи. {...} Вера к сей богине была так сильна, что даже чужестранные путешественники приносили ей в жертву золото, серебро и другие вещи по мере своего имения; ибо жрецы уверяли, что пренебрегший такое приношение заблудится на пути своём” (Кайсаров А.С. Славянская и российская мифология // Мифы древних славян. Саратов, 1993. С. 47).

Отголоски славянского близничного культа В.Ф. Миллер видел в парных образах Флора и Лавра (покровителей табунов), Кузьмы и Демьяна (покровителей свадеб, кузнецов-помощников змеборца), Бориса и Глеба (покровителей земледелия), а также – гипотетически – в образах Леля и Полеля, двух близнецов, сыновей языческой богини Лады (Миллер В.Ф. Очерки арийской мифологии... С. 267–324). В.Б. Зайковский находит этому аналогии в парных словосочетаниях типа “двандва”: Пётр-Павел, Зосима-Савватий, Параскева-Пятница, Юрий-Микола, Егорий-Макарий и проч. (Зайковский В.Б. Народный календарь восточных славян // Этногр. обозрение. 1994. № 4).

Выбрасывание чудесных детей в водоём – характерный признак сказочного сюжета № 707 во всех его национальных версиях. Известны историко-этнографические подтверждения такого способа обрядового убийства (или его имитации) почти у всех народов, в том числе у славян. Требуется специальное исследование, чтобы судить, имело ли место в быту ритуальное потопление новорождённых. Однако можно с уверенностью сказать, что отношение к младенцам было неоднозначным. Так, у славян особые наименования получали дети, умершие без крещения (*навки, мавки, потерчата*). Считалось, что они, как и русалки, опасны для живых, а местом их обитания была вода.

В основной восточнославянской версии сказки встречаются варианты, в которых местом изгнания чудесных детей также оказывается водоём. Например: *Десь та не десь та така криничка Е, а в тій криниці та три сини золотокучеряві* (Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-Русский край, снаряжённой РГО. Юго-Западный отдел: Материалы и исследования, собранные П.П. Чубинским. Т. 2: Малорусские сказки. СПб., 1878. № 9).

Особенно настойчиво подобная тема повторяется в балладах – достаточно обратиться к одному только перечню их сюжетных форм: “Девушка родила сына и бросила в Дунай”, “Монахиня родила ребёнка

и бросила в воду”, “Мать намерена бросить сына в озеро”, “Господь и девка, топившая детей некрещёными” (Смирнов Ю.И. Восточнославянские баллады и близкие им формы: Опыт указателя сюжетов и версий. М., 1988).

* * *

На определённом этапе развития близнечный миф приобрёл космогонические признаки (Золотарёв А.М. Родовой строй... С. 127, 295).

А.Н. Веселовский отметил, что сказочные формулы могли быть остатками мифов. Таковым исследователю представлялся славянский миф о человекоподобном солнце, который он поставил в контекст мифологии других народов (древних греков, германцев, румын, итальянцев и проч.). Обнаруживая его следы в духовном стихе о Егории Храбром, а также в русских сказках и заклетьях, Веселовский подчёркивал, что они уже “должны быть истолкованы в смысле ходячей метафоры, не как мифологические” (Веселовский А.Н. Разыскания в области русского духовного стиха. VI–X. СПб., 1883. С. 297–298).

Формула красоты – яркая примета сказки “Чудесные дети”, не случайно А.Н. Афанасьев озаглавил её восточнославянскую версию “По колена ноги в золоте, по локоть руки в серебре”. Однако буквально с таким описанием совпадают только единичные случаи. Обычно оно составляет первую часть формулы, традиционное продолжение которой рисует детей с солнцем во лбу, месяцем в затылке и звёздочками в волосах. Разумеется, Афанасьев мог для краткости взять лишь первую фразу. Есть варианты, в которых формула красоты состоит исключительно из образов небесных светил (то есть отсутствует её первая часть). Например: “... Если бы он меня полюбил, я бы родила ему сынов, что ни ясных соколов: во лбу солнце, а на затылке месяц, по бокам звёзды” (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. № 283). Заметим, что древнеславянская версия также не упоминает о “серебряных” руках и “золотых” ногах близнецов, обычно обращая внимание на их святающиеся волосы: “Хлопчыкі гэтыя скланілісё да шапачкі знялі, так і зсвяцілі весь пакой” (Там же. № 287).

Один собиратель высказал предположение о культовом характере сказочной формулы: основой фантазии будто бы послужила статуя, слитая из золота и серебра (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по этнографии. Т. 1. Вып. 2: Русские и инородческие сказки Енисейской и Томской губ. Томск, 1906. С. 5). Генезис этой темы ведёт к индоевропейскому мифу о сотворении мира из тела первочеловека, принесённого в жертву богам путём расчленения его на части, которые отождествлялись с элементами космоса. Следы такого мифа содержит ведийский сюжет о космическом гиганте Пуруше:

Когда Пурушу расчленили,
 На сколько частей разделили его?
 Что его рост, что руки,
 Что бёдра, что ноги называется?

Его рот стал брахманом,
 Его руки сделались раджанья,
 Его бёдра (стали) вайшья,
 Из ног родился шудра.

Луна из (его) духа рождена,
 Из глаз солнце родилось,
 Из уст – Индра и Агни,
 Из дыханья родился ветер.

Из пупа возникло воздушное пространство,
 Из головы развилось небо,
 Из ног – земля, стороны света – из уха.

(Ригведа. Избр. гимны. М., 1972. С. 260–261).

У восточных славян эта тема представлена в духовном стихе “Голубиная книга”, где вместо Пуруши – Христос (а по некоторым вариантам, Саваоф):

У нас белый вольный свет зачался от суда Божия,
 Солнце красное от лица Божьего,
 Самого Христа, Царя Небесного;
 Млад-светел месяц от грудей его,
 Звёзды частые от риз Божиих,
 Ночи тёмные от дум Господних,
 Зори утренни от очей Господних,
 Ветры буйные от Свята Духа,
 Дробен дождик от слёз Христа,
 Самого Христа, Царя Небесного.
 У нас ум-разум самого Христа,
 Наши помыслы от облац небесных...

(Голубиная книга. Рус. нар. духовные стихи XI–XIX вв. М., 1991. С. 36).

Вместе с тем сказочная формула красоты устойчиво связана с *Егорьем Храбрым* – Святым Георгием, который в народной традиции слился с языческим Дажьдбогом:

Когда туры, олени по горам оне пошли,
 Когда волки, лисицы по засекам,
 Когда серы горностали по тёмным лесам,
 Ишше рыба ступила в морьску глубину,
 Когда на небо взошёл да млат светел месец,
 На землі-то зародилсе могуцей богатырь
 Ишше на имя Егорсей светы храбрыя.
 Да во лбу ту у его да красны солнышко,
 Во затылки у его да млат светел месец,
 По буйной главе ясны звёзды катаютце,
 По косицям ясны зари замыкаютце.
 Да пошла ета вестоцька по всей по земли,
 Шьшо по всей по земли да по светой по Руси.

(Соколов Б.М. Большой стих о Егории Храбром. Исследование и материалы. М., 1995. С. 142).

Драгоценные металлы и камни широко использовались при изготовлении идолов небесных божеств (греческий Аполлон, древнерусский Перун и проч.). Однако язычники поклонялись не металлам и камням, а тому, что они символизировали. Миф, вошедший в сказочную формулу красоты, нес в себе идею небесного света, сияния, исходящего от чудесного облика персонажа. На это прямо указывают некоторые варианты сказки в её разных версиях. Например: “Довго шукали братів, а знайти не могли. Та якось один селянин побачив, що в його стогу світитися. Налякався, що солома загорілася. А коли ирибіг, побачив трьох хлопчиків – із сонцем, місяцем та зіркою на чолі – і молоду жінку” (Чарівне серце. Закарпатські казки. Ужгород, 1964. С. 69–72); “... И всё в сарае засияло от этих братцев – такие они золотисты. (...) Идут, а мать смотрит: так всё сияючи сияет от девяти братцев” (Сказки Заонежья. Петрозаводск, 1986. № 57).

Формула красоты, а также её отдельные элементы (солнце, месяц, звёзды, заря, “золотые” и “серебряные” части тела) широко представлены в восточнославянской этнографии и фольклоре. Магический орнамент, состоящий из небесных светил, встречается на прялках, кухонной утвари, в декоре жилища. В крестинной песне пели: “Коло місяця, / Коло ясаго/ Усе дробные звезды, / Коло Гаўрылки, / Коло душечки / Усе любые госци...” (Карский Е.Ф. Белорусы. Т. 3: Очерки словесности белорусского племени. I. Народная поэзия. М., 1916. С. 221). В свадебном обряде и его поэзии всё сущее было пронизано священным покровительством божества света – люди, их одежда, жилище, мир природы. Белорусы так величали невесту: “У каго ж наша Мар’юшка ўдалася? / Па пояс у золата ўлілася, / А па плечы у чыстае серабро” (Вяселле: Песні: У 6-ці кн. Мінск, 1981. Кн. 2. № 782). Украинцы подобным образом величали печь, когда в ней выпекался свадебный каравай: “А в ношій печі (2) / Золотій влечі, / А срібній крила, / Щоб коровай гнітила (подрумьянила. – Т.З.)” (Весільні пісні: У 2-х кн. Київ. 1982. Кн. 1. № 233); “А в нашій печі (2) / Золотіє плечі: / Золото ся розтопило. / Коровай прикропило” (Там же. Кн. 2. № 223). Сам каравай украшали изображением месяца, звёзд, солнца; ему придавали солнцеподобную круглую форму, а иногда форму полумесяца. В песнях сообщалось о сиянии каравая и о том, что его отец – месяц, мать – заря. Подобным образом величали также жениха. Триада небесных светил (солнце, месяц, звёзды) известна в похоронных причитаниях славян. Исследователи подчёркивали её важное значение в обходных календарных песнях (*колядках, щедровках, овсенях, виноградьях*).

И.И. Срезневский привёл сведения из описания солнечных храмов славян-язычников, которое оставил арабский историк и путешествен-

ник Масуди. В них совершались обряды гаданий и предсказаний: "... Один из храмов славянских был славен надстройками, сделанными в его куполе для наблюдений восхождения солнца, камнями там вставленными, знаками там начертанными и обозначавшими там будущее, происшествия, предсказанные этими камнями прежде, чем они случились (...) И вообще, – добавил Срезневский, – есть до сих пор у славян несколько способов гаданья по солнцу, месяцу, звёздам" (Срезневский И.И.: О языческом богослужении... С. 84).

"Воспоминание" об этом содержит редкая украинская сказка, герой которой никак не мог найти своей суженой – Золотоволосой Елены. "Тогдѣ пишбу до соньця – пытáться, чы нэ выдiло онб золотоволбсои Ялэны? А соньцэ кáжэ: "Я сьвiчу гóры и дольiны, алэ такiи Ялэны я нэ находыло!" (...) И вин тогдѣ пишбу до мiсяця. А мiсяць кáжэ: "Я мáло сьвiчу, лышэ в ноцѣ, то всюды нэ досьвiчую; я нэ знаходыу такiи Ялэны нигдэ!" (...) И вин пишбу дáли – до вiтра" (Яворский Ю.А. Памятники галицко-русской... № 42). Мы предположили, что эта сказка была известна А.С. Пушкину в каком-то устном варианте. Во всяком случае, её сходство с мотивом поиска мёртвой царевны королевичем Елисеем очевидно (Зуева Т.В. Сказки А.С. Пушкина. М., 1989. С. 95–97). Подобный сюжет встречается также в балладах.

Г.А. Барташевич отметила особую роль небесных светил в заговорах. По её наблюдениям, светила прежде всего фигурируют в составе инициальных и финальных формул как некая сверхъестественная сила, помогающая в земных делах. Она привела формулу из пастушеского заговора от волков (Гомельская обл.): "Дзе гэта скацiнка рабая будзе хадзiць, там будзе i начаваць. Дзень была пад сонцам, вечар пад месяцам, сонцам асвятлiлась, месяцам агарадзiлась, зорачкамы асынься" (Барташевич Г.А. Беларусская народная паэзія веснавога цыкла i славянская фальклорная традыцыя. Мiнск, 1985. С. 79). Точно так же в Архангельской губ. ограждал себя человек "на подход ко властям или на умилоствление судей": "... Пойду я, раб Божий, на белый свет, в чистое поле, под красное солнце, под светел месяц, под частыя звёзды, под полетныя облака. Стану я, раб Божий (имирек), в чистое поле, на ровное место, что на престол Господа моего; облаками облачуся, небесами покровуюся, на главу свою кладу красное солнце, оболоку на себя светлый младый месяц, подпояшусь светлыми зорями, облачуся частыми звёздами, что вострыми стрелами – от всякаго злаго недруга моего!" (Майков Л.Н. Великорусские заклинания. СПб., 1869. С. 562–563).

Ю.И. Смирнов выделил тему "Небесные светила на теле" как постоянное место (*locus communis*) славянских эпических песен. Он отметил её у южных и у восточных славян (Смирнов Ю.И. Сходные описания в славянских эпических песнях и их значение // Славянский и балканский фольклор. М., 1971. С. 99–101). Ранее А.С. Фаминцын писал об этой те-

ме в фольклоре сербов, хорват, болгар и восточных славян. В болгарской песне “верховный представитель неба” слился с пророком Ильёй, который изображался так:

Боже Иленче,
Сось ясно слънце на чело,
Сось месечина на г'рло,
Сось дребни звезде на снага.

(Боже Илья
С ясным солнцем на челе,
С месяцем на горле,
С дробными звездами на теле).

(Фаминцын А.С. Божества древних славян. СПб., 1884. С. 125).

Сербская песня подобным образом рисует *солнцеву сестрицу* у девичьего источника:

Как в кринице ледяна водица,
На водице серебряный стульчик,
А на стуле да красна девица;
По колена желты у ней ноги
И по плечи золочены руки,
А волосы – нити шелкóвые.

(Сербские народные песни и сказки из собрания Вука Стефановича Караджича. М., 1987. С. 31).

О чудесном младенце во чреве повествует мифологическая часть былины про богатыря Дуная:

“У меня с тобой во чреве есть чадо посеяно,
По коленкам у него есть ножки в серебри,
По локоточкам его ручки в красном золоти,
А назади у него пекет светёл месяц,
От ясных очей как будто луч пекет”.

(Онежские былины, записанные А.Ф. Гильфердингом летом 1871 года: В 3 т. М.-Л., 1950. Т. 2. С. 108).

Изображение светил на теле в виде формулы или её отдельных образов известно не только в сказках о невинногонимой матери (СУС, 706, 707); оно возникало и в других сюжетах восточнославянских сказок: “Незнайка” (СУС, 532); “Крестница Богоматери” (СУС, 710); “Подменённая царевна” (СУС, 533). Существенно, что иногда такое изображение передавалось в песенной форме. Например:

“И вот эти царь с царицей оба померли. Остался Ваня с Марфой... Он вот ей и байкат:

Баю-баю, Марфушка дитятко,
У нас у Марфушки по локоть рука в серебри,
У нас у Марфушки по колен нога в золоти,
В лобу солнце, в затылке месяц,
По косицам часты-мелки звёзды рассыпаются.
Заплачет, дак скачен жемчуг покатится,
Засмеётся – яфонты...

(Сказы и сказки Беломорья и Пинежья. Архангельск, 1941. С. 71).

Эти многочисленные факты свидетельствуют об исконном характере космогонического мифа, который оставил неизгладимый след в культуре славян, в том числе “окаменел” в поэтической формуле сказки о чудесных детях.

* * *

Рождение классической сказки из недр мифологической было связано с переходом фольклора к “рефлексивному традиционализму”, то есть с установлением художественного канона. Новые сюжеты рождались на прежней мифологической почве, однако их оформление уже определялось жанровыми правилами. Сказочные сюжеты начинали отражать и новые жизненные реалии.

Восточнославянский тип сказки “Чудесные дети” содержит тему прекрасного острова посреди моря. В нём, сообразно требованию сложившегося жанра, появился освободитель – утаённый от злых сестёр (или подкупленной ими Бабы Яги) последний сын царицы, который вместе с матерью был выброшен в бочке в море. Затем они спаслись на острове.

Вслед за Пушкиным можно судить о появлении этой сюжетной версии в эпоху Киевской Руси.

Между восточными славянами и другими народами издревле существовали мирные контакты. Киевская Русь активно пользовалась водными торговыми путями: в VIII–X веках древнерусские флотилии насчитывали до двух тысяч судов. Неплохо известно их устройство. “Ладьи досчатые”, вмещавшие от 40 до 60 человек, изготавливались из долблёной колоды, обшивались досками; позже таким же способом строили свои суда запорожцы (Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М., 1956. С. 143–146). Сказка “Чудесные дети” в её восточнославянской версии отразила эту историческую реальность, создав яркий образ *людей торговых*. Исполнители называли их по-разному: *корабельщики, проезжие господа корабельщики, гости-корабельщики, крэнщицики-кырабельщицики, рыбаки-корабельщицики, купцы, купцы-торговцы, заморские купцы*. Данный образ встречается в разных сказочных сюжетах, а также в былинах.

О море русского фольклора Б.А. Рыбаков писал: «Это – реальное историческое черноморско-азовское море, издавна известное славянам и даже носившее временами название “Русского моря”. (...) В этом море есть сказочный остров Буян, в котором без труда угадывается остров Березань (Борисфен), лежавший на наезженном пути в греческие земли; на этом острове в X веке оснащались русские торговые корабли» (Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 761). О.Н. Трубочёв также особо выделил исторические сведения об “острове Русов”, однако поместил его на Нижнем Дунае: князь и дружина “знали предание о древнем проживании славян на Дунае”, а укрепление на Дунае было для Святослава залогом его “общеславянской миссии” (Трубочёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян: Лингвистич. исследования. М., 1991. С. 238). Известна ещё одна точка зрения на прообраз фольклорно-мифологического Буяна, согласно которой он находился на севере, в “балтийско-славянском Руяне” [современный о. Рюген в Германии] (Вилинбахов В.Б. Балтийско-славянский Руян в отражении русского фольклора // Русский фольклор. Т. 11. М.-Л., 1968). Приведённые мнения имеют разные по времени исторические обоснования, поэтому не противоречат друг другу. Мифологические представления о море и острове посреди него как некоем священном месте вообще характерны для славян. В книге В.Л. Кляуса “Указатель сюжетов и сюжетных ситуаций заговорных текстов восточных и южных славян” (М., 1997) тексты славянских заговоров были обработаны на ЭВМ. Среди предметов и локусов (мест действия) самую большую частотность показали “море, океан” и весьма высокую – “остров” (С. 428–432).

Древние русичи, мореходы-корабельщики, развивали пушной промысел. Они экспортировали пушнину и употребляли её вместо денег. Косвенным аргументом того, что самобытный восточнославянский тип сказки “Чудесные дети” был создан в киевский период, является группа её вариантов, в которых остров изобилует редкими пушными зверями. Сын царицы оказывается искусным охотником, лучшие шкуры он посылает в подарок отцу: “А таких-то шкур не було нде по всій землі, тільки на тому острові, бо не було й звірів нде таких, як там на тому острові” (Народные южнорусские сказки. Вып. 2. Киев, 1870. № 27; см. также: Старая погудка на новый лад, или Полное собрание древних простонародных сказок. М., 1795. Ч. 3. С. 25–44 (первая публикация сказки); Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. № 289, прим.; Северные сказки (Архангельская и Олонекская губ.). Сборник Н.Е. Ончукова. СПб., 1908. № 5 и др.).

В основной версии сказки изображение различных действий вредителя позволяет выделить три редакции: 1) подмена детей и превращение их в животных, 2) просто подмена животными, 3) подмена писем. Видно постепенное угасание изначальной трактовки детей как оборотней.

Наибольшую близость к древней версии обнаруживает первая редакция. Вредитель оборачивает детей голубьями и посылает *за тридцать земель в тридешатое царство; в лес; на зелен дубок*. В другой разновидности этой редакции он оборачивает детей волчатами и посылает в дальний лес *на чистую поляну промеж орешника; в чисто поле*.

Магическое заклятие детей в животных иногда изображалось с ритуальным оттенком. Например, Баба Яга бьёт ребёнка прутиком из венника, приговаривая: “Обвернись серым волком, побегай в чисто поле полесничать!” (Записки Красноярского подотдела Восточно-Сибирского отдела Имп. РГО по этнографии. Т. 1. Вып. 1: Русские сказки и песни в Сибири и др. материалы. Красноярск, 1902. № 59). В другом варианте Баба Яга чудесного ребёнка *взяла, посадила на ладонь*. “Ну, – говорит, – сизый голубчик, свернись голубчиком, полетай на зелен дубок!” (Худякова И.А. Великорусские сказки. СПб., 1862. Вып. 3. № 111). Могло быть и более подробное изображение колдовства. Например: «Привёл старуху, старуха приказала баню истопить, увела родительницу в баню. Дал ей Бог на руки Солнышку-дитю. Садит на голычок она дитю, отворяет створку у укна, наговаривает ему: “Полетай, Солнышко, за сини моря, за темны леса. в таком уместе стоит дуб-дерево, под дубом-деревом стоит кровать часовая, лежит подушка пуховая, одеялко соболиное! День ты вьюношем летай, к ночи тут прилетай, на этой кровати играй. Одныне и довеку жись твоя гам!”» (Сказки Дмитрия Асламова. Иркутск, 1991. № 1). Следовательно, данную редакцию образует один общий признак – оборотничество чудесных детей. Оно имело разные конкретные формы, потому что пришло из мифологической сказки.

Возвращение детям их первоначального облика приводило к появлению в версии классического типа разнообразных дополнительных эпизодов. Среди них особую разновидность образует группа вариантов, в которых чудесные дети должны узнать вкус грудного молока своей матери. Волшебная сила женского молока встречается в сказках разных народов. Согласно архаичной и, вероятно, исконной трактовке этой темы, молоко матери могло снять колдовство, вернуть человеческий облик.

Сын-освободитель раскрошил в лесу сдобные пышки, замешенные на молоке матери. “Налетели голуби, стали клевать пышки сдобные. Голубчики, которые клевали, так голубчиками и остались, а его братья поделались, как этот мальчик, только что истощились, худые” (Тамбовский фольклор. Тамбов, 1941. № 4). Такой же эпизод, но только с ягнятами, имеется в болгарском варианте (причём, в его древнеславянской версии) сказки “Чудесные дети”. Мачеха положила ягнят-близнецов в просмоленную корзину и бросила в реку. Их выловила родная мать. По чудесным признакам она узнала в ягнятах своих детей. “Отнесла она их в шалаш и дала им грудь. Один ягнёнок глотнул молока и

тотчас превратился в младенца. Мать обрадовалась, дала грудь второму. И второй в младенца превратился” (Болгарские народные сказки. С. 83).

Во второй редакции основной версии сказки, где отсутствует оборотничество, лепёшки (колобки, пирожки), замешенные на грудном молоке царицы, нужны уже только для “узнавания” детьми своей матери: “Вдруг комната осветилась – вошли три брата с солнцем, с месяцем, с звёздами; сели за стол, отведали лепёшек и узнали родимой матери молоко” (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева. № 283). Подобных вариантов много, что явственно указывает на связь сказки классического типа с её мифологическим прообразом.

Итак, созданная народом Киевской Руси и впоследствии широко известная в фольклоре русских, украинцев и белорусов оригинальная версия сказки “Чудесные дети” имела конкретный древнеславянский источник: мифологическую сказку-балладу, в которой рассказывалось о рождении излучающих свет мальчиков-близнецов и об их перевоплощениях. В более поздней классической версии сюжета ряд мифологических признаков был ослаблен или утрачен, но многое сохранилось. Необычность детей сконцентрировалась в их светоносном облике, поэтически “окаменела” как формула красоты. В период расцвета жанра эта формула стала выразительным художественным признаком сказки.

О.Н. Трубачёв резонно заметил: «Понятно, что достойный праславянин рождался и умирал в благом неведении об этих наших учёных усилиях, но зато он завещал нам “свое” цельное самопонимание и мировоззрение с организующей дихотомией “свое” – “не свое”». И далее: «Оказалось возможным прочесть первую заповедь древнеславянской общественной жизни: “знай свой род!”» (Трубачёв О.Н. Этногенез и культура древнейших славян. С. 227). Углубляясь в проблемы исторической поэтики фольклора, мы объективно следуем этой заповеди.

“Любимец публики”

Ю.М. ЗОЛОТОВ

Своеобразным персонажем в произведениях нескольких поколений русских писателей XIX века был “хозяин русских лесов” бурый медведь. Его появление не стало неожиданностью: этот образ широко отражал русский фольклор. Как известно, ещё во времена язычества у восточных славян существовал культ медведя, а затем медведь выступил героем сказок, легенд, преданий, пословиц, поговорок, загадок, песен, обрядов, святочных игр (см.: Воронин Н.Н. Медвежий культ в Верхнем Поволжье в XI веке // Краеведческие записки. Вып. 4. Ярославль, 1960; Иванов Вяч.В., Топоров В.Н. Славянские языковые, моделирующие, семиотические системы. М., 1965. С. 160, 164). Страх и почитание по отношению к прежнему божку постепенно сменились грезвым и ироническим взглядом на него: медведь стал символом грубой силы, свирепости, а также простоватости, лени, сластолюбия. Именно эти качества медвежьей природы использовали отечественные писатели для обличения самодурства, произвола, косности, невежества, хищнических устремлений.

Начало разработке сатирической “медвежьей темы”, как и следовало ожидать, положили мастера самого демократического жанра, – басни. Медвежью тупость, бестолковость и свирепость ярко изобразил И.А. Крылов в баснях “Пустынник и Медведь”, “Пёстрые Овцы”, “Медведь у Пчёл”, “Трудолюбивый Медведь”. Уже здесь совершенно определённо обозначился образ медведя как грубого и беспощадного гонителя бедных и незащитных. Эту точку зрения поддержал А.С. Пушкин в повести “Дубровский”, сведя вместе помещика-зверя Троекурова с его любимцем, домашним медведем (гл. VIII). Оба они получили неожиданный удар от человека, смело заявившего, что “не намерен терпеть обиду”...

У героини романа “Евгений Онегин” Татьяны Лариной, барышни с тонким, возвышенным душевным складом, крушение идеалов и надежд своеобразно отразилось в кошмарном сне, где главной действующей фигурой выступил опять-таки медведь, грубо увлекший её в лесные дебри, в общество фантастических уродов и чудовищ (гл. 5, XI–XXI).

Дальнейшее развитие этот образ получил у Н.В. Гоголя. Его Городничий в “Ревизоре” сравнивает с медведями ретивых служаков, “блюстителей законности”: вороватого Свистунова и “дантиста” Держиморду.

А “столичная штучка” Хлестаков честит “медведями” провинциальных помещиков (д. 3, явл. XI; д. 2, явл. V). “Медведем средней величины” в домашней обстановке представился многоопытному дельцу-аферисту Чичикову помещик-”кулак”, чревоугодник и грубиян Собакевич (“Мёртвые души”, гл. 5).

С генералом лютого нрава сопоставляет Н.А. Некрасов учёного медведя, которого мчат по заснеженной равнине никем не управляемые, обезумевшие от страха кони:

Только стон кругом стоял:
“Очищай дорогу!”
Сам Топтыгин генерал
Едет на берлогу!

Грубость, хамство, волокитство неразделимо уживаются в характере провинциального “медведя”, помещика Смирнова в одноактной комедии А.П. Чехова, которую автор так и назвал – “Медведь”!

В образе местного “демократа”, председателя Земской управы Протопопова из пьесы “Три сестры”, также ясно проглядывают “медвежьи” черты. Грубо, нагло разрушил он семью своего секретаря, безвольного и простоватого Андрея Прозорова, заведя роман с его легкомысленной женой, вторгся в их дом, выживая из него сестёр Андрея. О том, что сёстры видят в Протопопове именно грубого, слстолюбивого медведя, совершенно ясно из слов Маши Прозоровой, называющей его, Михаила Ивановича, *Михаилом Потапычем*, что с давних пор является народной кличкой медведя.

Политическую и социальную заострённость придал образу медведя М.Е. Салтыков-Щедрин в своих “сказках”. В одной из них – “Медведь на воеводстве”, под видом медведя изображён лихой администратор, видящий повсюду крамолу и требующий лишь одного: “Кровопролитиев... кровопролитиев... вот чего нужно!” Но времена меняются... И карьера этого служаки-зверя и двух его преемников заканчивается печально.

Едва ли не последним примером разработки “медвежьей темы” в русской литературе, уже в начале XX века, явился образ полицейского в пьесе А.М. Горького “На дне”, которого автор без утайки снабдил фамилией Медведев. Неповоротливый, туповатый, этот “страж порядка” жаден и вороват, он вместе со своими родственниками совсем запутался в тёмных делах, о чём прямо в лицо говорит ему обитатель ночлежки вор Васька Пенел, грозя Медведеву полным разоблачением.

Такие вот сочные плоды принесло нашей литературе обращение к образу владыки дремучих лесов, захолустий русских, – медведю.

На чем человек перемещается в воздухе

А. И. ШУСТОВ

Первые реальные летательные аппараты тяжелее воздуха поднялись ввысь лишь в конце XVIII века, двести с небольшим лет назад. Летом 1783 года братья Жозеф и Этьен Монгольфье изобрели способ подъема надувного шара с помощью теплого воздуха. Идею братьев поддержал Ж. Шарль, догадавшийся пропитать шелковую оболочку шара лаком, что позволило наполнять его водородом. В сентябре 1783 года впервые в воздух были подняты живые существа: баран, утка и петух – совсем как в наше время перед запуском первых людей в космос!.. А уже 21 ноября в корзине (гондоле) шара поднялись в воздух два человека, пролетевшие по ветру над Парижем 8 километров. Людовик XVI высоко оценил изобретение своих соотечественников: он наградил братьев Монгольфье дворянским титулом с надписью на гербе: “*Sic itur ad astra!*” (Так идут к звездам!).

Началась новая эра в истории человечества.

Аэро статьи

Официально первые летательные аппараты – шары (других не было еще около 100 лет!) получили латинское название *machina aerostatica* (аппарат, стоящий [висящий] в воздухе) или просто – *аэростат* (во франц. языке с 1783 г.). Первая публичная демонстрация воздушных шаров в Петербурге состоялась в том же 1783 году, а в Москве (не очень удачно) – на масленицу 1784 года. Первый отечественный аэростатический шар с научными целями был поднят летом 1804 года. Руководил подъемом академик Я.Д. Захаров.

Из французского языка в русский в течение последнего десятилетия XVIII века активно вошли слова: *аэростат*, *аэростатика* (и *аэростатический*), *аэростатёр* (“пилот” шара). *Аэростатикой* называлось тогда занятие изготовлением и запуском воздушных шаров (Журнал различных предметов словесности. 1805. Кн. 3).

Вторая основа *-стат* (от греч. *statos* – стоящий) оказалась достаточ-

но продуктивной, и в разное время по этой схеме было создано несколько новых слов: *вертоstat* (гибрид вертолета и дирижабля, 1981), *гальваностат* (и *гальваностатика* – из утопического романа В.Ф. Одоевского; 1829), *геликостат* (и вар. *гелистат*, один из “гибридных” дирижаблей; 1981), *солнцестат* (1978), *стратостат* (высотный аэростат с герметической гондолой; его конструкцию [не слово] предложил Д.И. Менделеев в 1875 г.).

В русском языке в начале XIX века наряду с существительным *мореплавание* встречалось и *кораблеплавание* (напр. Коммерческая газета. 1828. № 23). Давно освоивший морскую стихию, привыкший к морям и океанам, человек и воздушное пространство над головой уподобил и образно назвал *воздушным океаном* (позже у В. Маяковского: *воздушное море*). Отсюда понятно обобщенное название полетов на шарах как *воздухоплавание* (русск. калька фран. *аэронавтика*), ведь шары плавают, точнее – блуждают в воздухе по воле ветра, подобно плотам в океане. А.И. Куприн, совершивший в 1909 году подъем, сказал по этому поводу: “На воздушном шаре вы себя чувствуете совершенно беспомощным. Вы – игрушка воздушных течений, вы *плывете* (курсив наш. – А.Ш.) туда, куда вас гонит ветер (...) На шаре – вы раб шара” (Московская газета. 1910. 13 дек.).

Любос плавание, включая и воздушное, предполагает наличие “плавсредства” – корабля. Впервые о таком судне в России узнали из переводной книги, написанной еще до опытов братьев Монгольфье: “Бланшард бесполезно покушался пускать на воздух корабль, который он для сего нарочно сделал” (Меервейн К.Ф. Искусство летать по-птичье. М., 1794; франц. изд. 1782). Со временем словосочетание *воздушный корабль* прочно утвердилось в языке.

Интересно, что в 1812 году французский изобретатель на русской службе Леппих собирался построить военный воздушный корабль на 40 человек, способный нести артиллерию с ядрами, ящики с порохом (прообразы авиабомб) и т.п. Корабль предполагался для борьбы с наполеоновскими полчищами, но по разным причинам из этой затеи ничего не вышло.

А несколько позже встал вопрос и о *воздушном флоте*; одним из первых о нем писал аэронавт А. Гришкявичюс в 1851 году. Однако подлинный воздушный флот, т.е. совокупность судов с обслуживающей базой и аэропортами (позднейшее слово) мог появиться лишь с развитием (военной) авиации, т.е. в середине 1910-х годов. Известный писатель и репортер В.А. Гиляровский прозорливо писал в 1913 году: “Государства стараются опередить друг друга в победе над воздухом, сознавая, что у кого первого будет сильный воздушный флот, тот будет владыкой мира” (С дозволения начальства). Впрочем, эта проблема беспокоила общественность значительно раньше: “Воздушная навигация (...) может изменить все условия морского и военного могущества

различных держав” (Воздухоплаватель. 1880. № 1). В конце 1914 года Общество русских архитекторов-художников даже объявило конкурс рисунка на кружку для сбора пожертвований на постройку воздушного флота. Русская военная авиация была создана в очень короткий срок. В 1918 году в РСФСР было сформировано Главное управление рабоче-крестьянского Красного Воздушного флота, и мастер неологизмов Вл. Маяковский вскоре упомянул о *воздушных дредноутах* (1925).

Русский *воздушный корабль* в виде словообразовательной кальки вошел во французский язык: *аэроскаф* (1859, от греч. *skapnos* – судно). Это название для своей “летающей лодки” было предложено Шарвеном по аналогии с *пироскафом* (Воздухоплаватель. 1880. № 8). Здесь следует оговориться, что “авиационная” терминология того периода во многом была интернациональной; для создания новых слов использовались в основном греческие и латинские корни-основы. В таком “импортном” виде слово вернулось в Россию. В 1865 году в петербургской “Иллюстрированной газете” (№ 9) была опубликована статья “Аэроскаф”, в которой рассказывалось об управлении аэростате, прообразе дирижабля. Некоторое время *аэроскаф* продержался в русском языке – так назывались летательные аппараты 1880-х годов, о которых писал журнал “Воздухоплаватель” (например, об аэроскафе Костовича, 1882). У него даже появился отечественный синоним – *аэрояхта* (1913). Затем “корабль” был вытеснен другими названиями.

Правда, значительно позже по той же модели со второй основой *-скаф* появился *батискаф*, не имеющий отношения к воздуху. А советский писатель-фантаст Г. Гуревич предложил свое название “корабля времени” – *темноскаф* и его пилота: *темнонавт* (Гуревич Г. Темпоград. М., 1980).

В 1835 году “Библиотека для чтения” дала объявление о том, что Европейское Астрономическое общество приглашает желающих посмотреть первый воздушный корабль (Т. 12. Отд. VII). Один из таких кораблей довелось видеть в Англии А.И. Тургеневу, который записал в дневнике (1835): “Он управляется поддельными крыльями, которыми (...) управляют 17 *воздушных матросов*” (Хроника русского. Дневники. М. – Л., 1964. Курсив наш. – А.Ш.). Интересно, что этот “морской” образ продержался почти сто лет: в 1918 году С. Есенин писал: “Воздушные рифы глазами воздушных корабельщиков будут видимы так же, как рифы водные” (цит. по: журналу “Русь”. 1994. № 11). Здесь уместно напомнить, что первые русские авиаторы по образованию были выходцами из моряков. Подобные параллели из двух стихий продолжались и до начала XX века. Журнал “Тяжелее воздуха” писал в редакционной статье: «Как имеется уже тип “морского волка”, так должен теперь выработаться тип “воздушного волка» (1911. № 1).

С поднятием “потолка” полетов человека появилось и новое слово: *астронавтика* – *звездоплавание* (автор термина француз Эсно-Пельт-

ри, 1927). К звездам можно лететь только на ракете. И уже в 1935 году К.Э. Циолковский “по инерции” предложил термин *ракетоплавание*, хотя ракеты, как известно, не плавают. Еще позже появилось новое понятие – *космический океан*, которое приписывают С.П. Королеву (Техника – молодежи. 1981. № 4) и соответственно – *космоплавание* (Савченко В. За перевалом. М., 1984). Именно в этот период освоения космического пространства в широкий обиход по предложению С.П. Королева вошло и словосочетание *космический корабль*, хотя в языке оно известно еще с 1915 года (подробнее о “кораблях” см.: Русский язык в школе. 1990. № 4).

Названные уже *воздушные матросы, корабельщики* и т.п. для обозначения летчиков в русском языке все же не прижились. Для наших предков более привлекательным оказался французский термин *аэронавт* (от греч. *naútēs* – плавание) – буквально: *воздухоплаватель*. Эта модель стала довольно продуктивной: со второй основой *-навт (-плаватель)* существует ныне большая группа терминов: *астронавт* (в т.ч. для самоназвания американских космонавтов), *стратонавт, космонавт* (первоначально, до реальных полетов в космос, – *аэронавт* // Правда. 1957. 6 окт.), *биокосмонавт, НЛО-навт, хрононавт, акванавт...* Для некоторых есть русские кальки-эквиваленты: *звездоплаватель, стратоплаватель, космоплаватель*.

Лингвистически интересно сочетание флота и аэростатики. Еще во время русско-японской войны 1904–5 годов в России была предпринята удачная попытка запуска воздушных шаров с палубы крейсера “Русь”. Уже в наши дни такое судно было названо *аэростатоносец*. Позже этот опыт был повторен для размещения и запуска с корабля гидропланов. Корабль тогда же получил название *аэроброненосец* (К спорту. 1911. № 24). Теперь по этой схеме созданы слова: *авианосец, вертолетоносец* (модель достаточно продуктивна).

Наряду с официальными, “научными” названиями первые же летательные аппараты в широком языковом обиходе стали называться по имени их изобретателей: *монгольфьеры, шарльеры...* Эта традиция перешла позже и на моторные летательные машины. Первые самолеты 1890-х – 1910-х годов также носили имена конструкторов, которые зачастую сами же являлись и летчиками-испытателями, демонстрировавшими возможности своих аппаратов: *фарман, блерио, антуанет, райт, вуазен, ньюпор* и мн. др.

Еще в конце XVIII века, на заре воздухоплавания, во Франции предпринималась попытка сконструировать управляемый воздушный шар – *ballon dirigeable*, т.е., то, что позже получило название (по второму слову) *дирижабль*. Первый запуск такого аппарата состоялся во Франции в 1852 году: дирижабль поднялся в воздух, но сдвинуться с места, однако, не смог.

В 1866 году русский адмирал Н.М. Соковнин предложил свой воз-

душный корабль, по существу – реактивный аэростат, разновидность *аэроскафа*. Один из первых реально летавших дирижаблей, т.е. моторных аэростатов, тоже получил название по имени своего конструктора – *цетпелин* (1900). Несколько раньше (в 1892 г.) К.Э. Циолковский опубликовал статью “Аэростат металлический управляемый”, т.е. предложил свою оригинальную конструкцию дирижабля. Но слова этого он тогда еще “не знал”!

“Именная” традиция была продолжена и с развитием моторной авиации в первой трети XX века и в последующие годы. Вспомним названия лишь некоторых (и только отечественных) типов самолетов, ставшие их “фирменными марками”: *По* (Н.Н. Поликарпов), *Ла* (С.А. Лавочкин), *Ил* (С.В. Ильюшин), *Ми* (М.Л. Миль), *Ан* (О.К. Антонов), *Ту* (А.Н. Туполев) и др. Это оказалось практически очень удобно, поскольку дает экономию языковых средств при максимуме информации (буквенные обозначения обычно сопровождаются цифровым кодом) и к тому же закрепляет авторский приоритет.

С появлением новейших летательных аппаратов *аэростаты* (шары, баллоны и т.п.), однако, не ушли в прошлое. Они и сегодня с успехом используются в спортивных целях, для различных аттракционов и т.п. Естественно, их конструкции совершенствуются, модернизируются, поэтому и лексика, относящаяся к воздухоплаванию, сохраняется в языке.

Санкт-Петербург

Окончание следует

За знакомой строкой

Гуттаперчевые пилюли полшкипера

*Е. В. КОВАЛЕВА,
кандидат филологических наук*

Сейчас, когда все судорожно бросились искать новые идеалы вместо разрушенных, неожиданно актуальными оказались мысли и идеи Н. Лескова, чьи произведения, по большому счету, до сих пор не дошли до “массового” читателя.

Лесковские страницы не так легко преодолеть не только из-за их неровного стиля, но и потому, что мы, читатели, нередко просто “спотыкаемся” на “странных” словах. Уж насколько хрестоматийной стала повесть Н.С. Лескова “Левша”, но и здесь таится немало загадок. Это и *валдахин*, и *буреметр*, и *непромокабель*, и многое-многое другое. Остановимся на *гуттаперчевых пилюлях*, которыми в повести “пользуют” “аглицкого полшкипера” после окончания его пари (кто больше выпьет) с Левшой: “Лекарь велел его при себе в теплую ванну всадить, а аптекарь сейчас же скатал гуттаперчевую пилюлю и сам в рот ему всунул, а потом оба вместе взяли и положили на перину и сверху шубой прикрыли и оставили потеть...”

А аглицкий полшкипер в это самое время на другой день встал, другую гуттаперчевую пилюлю в нутро проглотил, на легкий завтрак курицу с рысью съел, эрфиксом запил и говорит:

– Где мой русский камард? Я его искать пойду”.

Странность подобного лечения заключается в том, что гуттаперчевых пилюль в природе не существовало вообще. Из гуттаперчи, аналога нашей резины, делали водопроводные шланги, трубки, насосы, изоляцию для подводных кабелей, поскольку основной недостаток гутта-

перчи был в том, что на воздухе она быстро высыхала и затем теряла свои свойства. В медицине гуттаперча шла на различные хирургические инструменты (зонды, катетеры) и зубные пломбы. Однако в состав лекарственных средств, а тем более пилюль, гуттаперча не входила. Поэтому на первый взгляд кажется, что Н.С. Лесков в “Левше” мифическими гуттаперчевыми пилюлями подчеркивает бесполезность лечения.

Но дело в том, что лекарь с подлекарем лечат от запоя *ПОЛшкипера*, а не *ПОДшкипера*! В языке XIX века существовало не только слово *подшкипер* в значении “помощник шкипера”, но и *полшкипер*:

– Пива што ли? а? – спросил Семен Андреевич.

– Что пиво? дрянь. Утром не годится кишки полоскать, – отвечал Гвоздиков.

– Ну чего же? Что там у тебя есть? – спросил он, обращаясь к целовальнику.

Тот обернулся полуоборотом к полкам и, глядя на них, заговорил:

– Тминная, полынная, сладкая, французская, ликер, бальзан.

– Давай бальзану!

– Сколько?

– Давай на всех.

– Давай полшкипера! – потребовал Гвоздиков.

Целовальник снял полштоф, потрянул его, взглянул на свет и, поставив на стойку, крикнул:

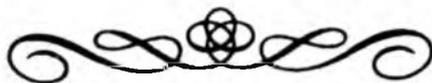
– Аниска!”

Слово *полшкипер* в приведенном отрывке из рассказа “В тарантасе” (1862) явно употреблено как жаргонное в значении “полштоф”. Но это значение позволяет по-новому посмотреть на хрестоматийный текст повести “Левша”: *полшкипер* – это не только помощник шкипера, но и символ пьянства в виде бутылки в полштофа.

Если взглянуть на текст с этой точки зрения, то окажется, что Левша на корабле спорил не просто с помощником шкипера, а с самим дьяволом, воплощающим в себе один из пороков человечества – пьянство. Такое совмещение значений невольно напоминает о злом джинне из бутылки, запереть которого можно только при помощи хорошей пробки. И полшкипера, как обычную винную бутылку, которую затыкают пробкой, останавливают именно гуттаперчевые пилюли, которую здесь можно осмыслить как средство для прекращения пьянства.

Правда, смущает то, что полшкипер дважды использует пилюли, в то время как бутылки закупоривают единожды. Однако, как пояснили знающие люди, если накануне пьешь, то наутро бывает необходимо опохмелиться, отсюда и возникает мысль о двоичности действия.

За знакомой строкой

Колдовские глаза и “мальчики в глазах”

В.А. КОРШУНКОВ,
кандидат исторических наук

В 6-м номере “Русской речи” за 1998 год помещена статья В.Г. Долгушева “И мальчики кровавые в глазах...” – о знаменитой пушкинской строке из трагедии “Борис Годунов”. Автор пишет, что многие воспринимают эти слова Пушкина буквально, считая, будто тут имеется в виду убитый по приказу Годунова царевич Димитрий. И задается резонным вопросом: “Но почему *мальчики*, а не *мальчик*?” Ответ таков: в конце XVIII – начале XIX веков в разговорной речи бытовал фразеологизм *мальчики в глазах (бегают)* в значении “рябит, зеленеет” (тут В.Г. Долгушев ссылается на “Толковый словарь живого великорусского языка” В.И. Даля). Затем он указывает, что этот фразеологический оборот (а также и другое сходное выражение *уланчики в глазах бегают*) приведен и у М.И. Михельсона в его сборнике образных слов и иносказаний “Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии”.

В.Г. Долгушев разыскал и еще одно свидетельство широкой известности этого фразеологизма – анекдот о литераторе и гомерическом пьянице Ермиле Кострове (ок. 1750–1796 гг.). Мол, подвыпившего Кострова какой-то юнец спросил: “– Что, Ермил Иванович, у вас, кажется, мальчики в глазах? – И самые глупые, – отвечал Костров”. И В.Г. Долгушев делает вывод, что этот расхожий в прошлом фразеологизм часто использовался применительно к состоянию опьянения, но “мог употребляться и в более широком смысле, при обозначении мелькания каких-то неясных пятен при плохом состоянии человека вообще” (ср.: *в глазах помутилось, зелено в глазах, зелень в глазах заходила*).

Пушкин использовал это выражение, придав ему дополнительный смысл: “Поскольку Борис Годунов всё время думает о своем злодеянии, то это мельтение приобретает в его глазах зловеще-кровавый оттенок”. Кроме того, В.Г. Долгушев отмечает, что в “Словаре языка Пуш-

кина” допущена неточность и не выделена фразеологическая конструкция *мальчики в глазах*.

В общем, эти наблюдения вполне уместны и убедительны. Хотелось бы только сделать несколько дополнений.

И главное вот что: исследователями русской фразеологии уже неоднократно указывалось, что в этом случае Пушкин использовал народный фразеологизм. Кажется, первым, кто обратил на это внимание, был В.М. Мокиенко. В его статье “Вариантность фразеологии и проблема индивидуально-авторских фразеологических единиц” в числе нескольких конкретных примеров разбирается и такое пушкинское выражение (Современная русская лексикография. 1977. Л., 1979). Об этом идет речь и в его учебном пособии “Славянская фразеология” (М., 1980). Вскоре в том же ежегоднике, где ранее вышла статья Мокиенко, была опубликована работа Ю.С. Сорокина “И мальчики кровавые в глазах...” (Фразеолого-стилистический комментарий к пушкинской строке // Современная русская лексикография. 1981. Л., 1983) – правда, без ссылки на сделанные В.М. Мокиенко наблюдения. Наконец, недавно вышли два основательных фразеологических справочника, в которых отражена предыстория пушкинского крылатого выражения: Мокиенко В.М., Сидоренко К.П. “Словарь крылатых выражений Пушкина” (СПб., 1999); Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. “Словарь русской фразеологии: Историко-этимологический справочник: (СПб., 1998).

В Толковом словаре В.И. Даля действительно приводится фразеологический оборот *мальчики в глазах* – то есть “рябит, зеленеет” (Т. II). А еще в Толковом словаре можно найти и такое: “*Иванчики кур*, мл. человечки, мальчики в глазах, отражение в глазе окна и людей, или мушки. *У тебя иванчики скачут*, тебе померещилось” (Т. II); “*Угланчики в глазах бегают*, мальчики, мухи; пестрит, темнит” (Т. IV).

М.И. Михельсон, готовя свой справочник, как известно, во многом основывался на материалах Даля. Запись Михельсона: “**Мальчики в глазах** (иноск.) рябит, зеленеет” и приводится помета: “См. Уланчики в глазах бегают” (Т. 1. Здесь используется 3-е, двухтомное издание справочника Михельсона, вышедшее в 1902–1903 гг., оно еще раз было напечатано репринтным способом в Москве в 1994 г. с предисловием и комментариями В.М. Мокиенко). Далее у Михельсона: “**Угланчики в глазах бегают** (иноск.) рябит, пестрит (Волог. Пятск. Пермск. Каз.)” (Т. 2). Эта запись тоже основана на материалах Даля, свидетельством чему служит сделанная Михельсоном помета о местах распространения этого выражения. У Даля читаем: “Углан... *вгд. вят. прм. каз.* парень, малый, подросток, бороноволок; болван, повеса, шалун, баловник; неуклюжий толстяк? недюдим? *сиб.* Угланчики в глазах бегают, мальчики, мухи; пестрит, темнит” (т. IV). Попутно отметим очевидную опечатку в издании Михельсона, не замеченную ни им самим, ни при

современной перепечатке: вместо нелепого “Пятск.” надо – “Вятск.”. Кроме того, если судить только по тексту Михельсона, то получается, будто фразеологический оборот *уланчики в глазах бегают* встречался на обширной территории Русского Севера, Предуралья и Поволжья. На самом же деле, у Даля соответствующие пометы относились лишь к слову *улан*, а фразеологизм *о бегающих уланчиках* встречался Даю в Сибири. Видимо, слово *уланчики* у Михельсона – еще одна опечатка (и тогда она, получается, тоже не была им замечена и не была упомянута в “Списке опечаток и поправок”). Ведь и в отдельной словарной статье, и в указателе к справочнику Михельсон дает правильный вариант этого слова – *уланчики*. Так что не следует считать, будто Михельсону был известен этот фразеологизм с маловразумительным *уланчики* (именно так говорится у Сорокина и Долгушева).

Слово *уланчик*, как установлено, – тюркского происхождения и означает “мальчик”. Причем Мокиенко отмечал, что выражение *мальчики в глазах* – псковское. Выходит, что оно встречалось как раз в пушкинских местах.

И Мокиенко, и Сорокин, объясняя эти и прочие подобные народные фразеологизмы, указывали, что во многих языках одним и тем же словом называют глазной зрачок и человечка, ребенка, куклу. Кроме того, согласно и Мокиенко, и Сорокину, слово *кровавый* в пушкинской строке едва ли может быть понято как “окровавленный”, здесь имеется в виду красный цвет, цвет крови (хотя у Пушкина присутствует и намек на убиенного царевича). Наконец, и Мокиенко, и Сорокин заметили, что слово *мальчик* родилось в сфере народной речи, и только с XVIII века оно постепенно начало проникать в книжный обиход, всё еще сохраняя “низовую” стилистику. Так что при Годунове царевича назвали бы не *мальчиком*, а *отроком*. Неточность “Словаря языка Пушкина” в связи с этим крылатым выражением тоже уже была отмечена Мокиенко и Сорокиным.

Интересно, что тема “кровавых мальчиков” в глазах заводит нас в несколько неожиданную область давних простонародных поверий. Вот об этом сейчас и пойдет речь.

Согласно народному убеждению, занимавшихся злым чародейством колдунов и ведьм можно было распознать по их глазам. Исследовательница-этнограф Н.А. Никитина, обобщая народные представления, заключает: у колдунов “необычные глаза” (Никитина Н.А. К вопросу о русских колдунах // Сб. Музея антропологии и этнографии. Л., 1928. Т. 7). Еще бы, ведь эти кознодеи могли сглазить – то есть навести порчу опасным своим взглядом. По словам писателя и этнографа С.В. Максимова, “сильному колдуну довольно взглянуть своим недобрым косым взглядом, чтобы заставить чахнуть” (Максимов С.В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903). Другой знаток народного быта Г. Попов писал: «По мнению некоторых егорьевских крестьян (Рязанск.

г.), есть такие колдуны, которые одним взглядом могут иссушить человека или свести его с ума. Такого же мнения придерживаются и дорогобужские крестьяне (Смоленск. г.), допуская, что люди хуеют и заболели от одного взгляда колдуна. “Стоит только колдуну моргнуть своим глазом на человека, и последний тотчас же почувствует себя дурно”, – так думают и многие грязовецко-вологодские крестьяне» (Попов Г. Русская народно-бытовая медицина. СПб., 1903).

Самых опасных колдунов с особо ядовитым взором в Орловской губернии называли *виритниками*: “По народному мнению, если виритник рассердится на целую деревню и пожелает ее извести, то может в течение одного месяца истребить всю, со всем скотом и всей живущей в ней тварью. Даже птицы, которые в это время будут пролетать через деревню, и те попадают на землю мертвыми: вот какова сила ядовитого взгляда виритника” (Там же). Рассказывали, что во Владимирской губернии жил человек по имени Ермак. Решив сделаться чародеем, он продал душу дьяволу, написав в том расписку своей кровью. И тогда дьявол вынул у Ермака глаза и вставил ему другие: “Теперь иди и порти, кого знаешь” (Новичкова Т.А. Русский демонологический словарь. СПб., 1995).

Такой вот вывернутый наизнанку сюжет библейско-пушкинского “Пророка”. Наверное, потому и нередкое наказание таким злодеям – выбить им глаз. Это можно сделать, например, так: «Вот придет кто к бабке, она бросит в стакан с водой кольцо обручальное, наговорит, и в воде видно того, кто порчу наслал. Бабка та говорит: “Хочешь, торкай ей в глаз!” Придешь, она без глаза будет» (Мифологические рассказы и легенды Русского Севера. СПб., 1996).

Необычность глаз колдуна в том, к примеру, что они или выпученные, или напротив, глубоко посаженные, настороженно выглядывающие из-под густых, часто сросшихся, бровей. Либо же колдовские очи смотрят как-то особенно пронзительно – аж мурашки по спине. Нередко это очи черные. В народе говорили, что у колдунов “глаза дикие”, что они “пылают хищным огнем, как у кровожадных животных” (Никитина. Указ. соч.). Люди замечали, что колдуны и ведьмы, как правило, стараются не смотреть собеседнику прямо в лицо, отворачивают взгляд, глядят косо, исподлобья. Прямого взгляда себе в глаза они не любят: “... При споре или ссоре с колдуном следует плюнуть ему в лицо и смотреть в глаза: тогда он на время лишается своей силы” (Попов. Указ. соч. Прим. 1).

Максимов писал, что колдуны, дескать, «ходят всегда насупившись, не поднимая глаз и устрояя тем взглядом исподлобья, который называется “волчьим взглядом”». В другом месте своей книги Максимов упомянул “косой медвежий взгляд”, которым стращат людей колдун (Максимов. Указ. соч.).

По Далю, “*коситься на кого*, глядеть косо, с неудовольствием, вра-

ждебно"; "косой взгляд, изподлобья, как знак недоверия, неудовольствия"; "быть на косых, невладах"; "кос, как Соловей-разбойник, который одним глазом на Киев, другим на Чернигов глядел"; *косогорить* – "строить козни"; *косогориться* – "подымать нос, важничать"; а еще *косой* – это "враждебный" и даже (как существительное) – "враг, дьявол" (Даль. Указ. соч. Т. II). На отрицательную семантику *косого взгляда*, который противоположен ясному, открытому, честному *прямому взгляду*, повлияли и архаические представления о том, что прямое – это хорошее, а кривое – плохое (ср. *правда* и *кривда*).

Между прочим, одна из разновидностей насылаемой колдунами и ведьмами порчи называлась *прикосом*, а еще *прикосом* или *прикосной молитвой* именовали заговор на удачу охотнику или рыбакову. Учеными давно замечено, что святой *Касьян*, календарный день которого – 29 февраля – бывает только в *високосный год*, судя по народным поверьям, воспринимался как колдун со злым, *косым глазом*. Этого-то грозного святого воронежские крестьяне поминали с опасливым уважением еще и в четверг на Троицкой неделе, чтобы он их "не перекошил" (Даль. Указ. соч. Т. I).

Колдуны и ведьмы – это существа, живущие среди обычных людей, но приобщенные к миру потустороннему. А всякий, кто связан с "тем светом" – и мертвец, и inferнальный мифологический персонаж (вроде гоголевского Вия), – обладает особым зрением. По словам изучавшего этот вопрос Н.И. Толстого, "тема зрения и глаз покойников непосредственно связана с темой видения и невидения иного мира, видения и невидения представителей этого мира..." (Толстой Н.И. Язык и народная культура. М., 1995). Б.А. Успенский предположил, что божба-самопроклятие "Лопни мои глаза!" в древности определенно была связана с мифологическими персонажами, имевшими отношение к потустороннему, "нижнему" миру, с так называемыми противниками Громовержца – Волосом или Мокошью (Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей. М., 1982). По южнославянским поверьям, глаза лопались у покойника в могиле на 40-й день (Славянские древности: Этнолингвистический словарь. Т. I. М., 1995). А колдун Ермак, перепортивший множество народу своими дьявольскими очами, помер такой вот злою смертью: он принял раскаленные угли в печи за золото, влез в печь и сгорел. Вытащили его – да уж поздно: "он чёрный, как уголь, глаза лопнули" (Новичкова. Указ. соч.).

Иногда люди говорили, что "колдун имеет мутный взгляд" (Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1880), что у него "взгляд какой-то мутный" (Никитина. Указ. соч.). Эта муть обычно отсвечивала красноватым оттенком: "белорусы узнают колдунов по красным глазам" (Зеленин Д.К. Восточнославянская этнография. М., 1991); ведьма, дескать, "выдает себя необычным

взглядом: у нее покрасневшие, воспаленные глаза...” (Славянские древности). В покрасневших глазах колдунов и ведьм суверенные люди замечали отблески огня – должно быть, адского: “глаза часто горят, как огонь” (Русское колдовство, ведовство, знахарство: Сборник. СПб., 1994); в глазах у них мелькают “огненные струйки” (Новичкова. Указ. соч.). “У кого струйки в глазах, у того не учись”, – рассказывал крестьянин И.А. Коптяев. Дескать, пьяный мужик предложил ему как-то раз: “Хочешь, я тебя словам научу?” [заговорным, колдовским словам. – В.К.]. “Я посмотрел: в глазах эдаки струи. Я и сам знаю, потом спросил, что этот за человек...”. Опасения подтвердились: тот мужик и впрямь, как ему сказали, – нехороший и с нехорошим знается, они, де, “ветренные мельницы” строят (Русское колдовство...).

Иногда говорили, что “если смотреть в глаза колдуну, то в зрачках у них отражаются люди вверх ногами”; что у ведьмы и ведьмака в глазах “ангели кверху ногами сдаются”, то есть кажутся (Русское колдовство...). Возможно, эта перевернутость отражения в колдовских зрачках объясняется тем, что чародеи считались приобщенными к потустороннему миру, в котором, по сравнению с нашим белым светом, все наоборот, навыворот, наизнанку, всё переиначено, как в зеркальном отражении. Кстати, обычным трюком колдунов было переворачивать человека вверх ногами и удерживать его так некоторое время. Вот шел как-то раз в сенокосную пору вятский коновал Ефим с напарником, а мужик, что огород городил, возьми да и скажи им с укоризной: “Видишь, легостаи какие! Люди сенокосят, а вы шляетесь”. И произошло вот что: “Ефим прочитал что-то [то есть пробормотал. – В.К.] – мужик кверху ногами и прилип спиной к огороду, заорал”. Ефим потом отпустил его. Такие вот “непростые”, “знающие” люди бывают коновалы (Вятский фольклор: Мифология. Котельнич, 1996).

Бывало и так, что два колдуна устраивали состязание в чародействе. Обычно это случалось на свадьбах. Одного приглашали нарочно, чтобы он, задобренный угощением и всеобщей предупредительностью, охранял молодых и гостей от козней прочих колдунов, стремившихся свадьбу “испортить”. Тогда тот, чье колдовство оказывалось “сильнее”, мог “подвесить” соперника. Происходило это, например, так: «“Ну, – говорит другой, – теперь ты от меня выпей”. Тот рюмку только выпил, как раз его к окну и к потолку ногами подвесило. Подвесило к потолку ногами, вот так лягается и кричит: “Мне тяжело, сними меня, я не могу больше”» (Мифологические рассказы...). А в весенний праздник Благовещенья можно было (при соблюдении некоторых особых условий) видеть, как “нечистая сила проветривает колдунов, висящих в воздухе вниз головой” (Сахаров И.П. Сказания русского народа: Русское народное чернокнижие. Русские народные игры, загадки, прибаутки и притчи. СПб., 1885).

Итак, у колдунов мутные, воспаленные, красные глаза. Что ж, оно и

неудивительно. В рассказе Коптяева речь шла о пьяном колдуне, у которого в глазах мелькали “эдаки струи”. Колдун и вправду, по народному убеждению “всегда любит выпить” (Забылин. Указ. соч.), да и козни свои обычно строит не иначе как хлебнув горячительного. Вот две записи, сделанные в Вятском крае совсем недавно, но связь колдовства (уже вполне курьезного) с выпивкой и в них очевидна.

«У его деда была бутылка, и он говорил, что в ней двенадцать чертей. Он говорил знакомым: “ставьте четверть самогона, а я вам чертей покажу”. И действительно, черти на столе плясали» (Вятский фольклор); «Мужики пьяные как-то собрались, нализались, заспорили. Один говорит: “– Хошь, покажу лешего?” Только сказать успел, окна, двери, голбец – всё открылось, и вихрь по избе пропел, все попереворачивал, повсаливал» (Там же).

В этаких-то, необычного вида, красноватых глазищах то ли вообще не бывало отражения, то ли отражение виделось двойным или же перевернутым. Вот мнение крестьян Владимирской губернии: «По внешнему виду колдун не отличается от обыкновенных людей, лишь в зрачках у него не отражаются предметы внешнего мира (бабы называют глаза колдуна пустыми, “без мальчиков”»)» (Быт великорусских крестьян-землепашцев). Итак, глаза колдунов могут быть *без мальчиков*.

У колдуна бывали сверхъестественные помощники в его злых делах. Они совсем не могли сидеть без работы, хотя бы и бессмысленной. Иначе они начинали терзать самого колдуна. Тому приходилось беспрестанно задавать им работу, которую они молниеносно исполняли. Поэтому и дела им колдун подбирал с умыслом: песок считать, водомы перемеривать, пеньки в лесу или же ветви на высоких деревьях считать. Если ветви крестом, если дерево с молитвой рублено – собьются со счета и начинают сызнова. В уже цитированном рассказе Коптяева речь шла о ветряных мельницах – это тоже одно из таких заданий. У ветряка ведь крылья крест-накрест: “станут у мельницы вершину класть – у них все и разлетится” (Русское колдовство...).

Посторонние люди, случалось, видели вместо помощников колдуна каких-то мелких животных либо палочки да соломинки, и одному только колдуну они являлись в подлинном обличье. М. Забылин писал об этом так: “Говорят, что демоны, прислуживающие человеку и подпавшие ему под власть, не имеют вида сатиров, какими их малюют на лубочных картинах, или черных муринов, страшных эфеинов, но что они представляются колдуну в виде маленьких человечков” (Забылин. Указ. соч.). Назывались они по-разному. Простые крестьяне говорили о чертях, бесах, нечистой силе. Иногда на Русском Севере их называли *маленькими, сотрудниками, солдатиками, ишишками* (Мифологические рассказы...). А сами колдуны именовали их так: *они, мальчики, товарищи, хохлики* (Никитина. Указ. соч.). Среди этих наименований есть и просто диалектные названия чертей и прочей нечисти, а есть и

слова, указывающие на небольшие размеры этих помощников. Получается, что у колдунов могло не быть мальчиков в глазах, зато при них ронились и кишели такие вот бесенята – “маленькие”, или “мальчики”.

По верному замечанию Долгушева, выражение *мальчики в глазах* можно поставить в один синонимический ряд с идиомами *до зеленого эмия, до чертиков, до белой горячки, чертей мешком ловить*. Антонимом к этим фразеологизмам является выражение *ни в одном глазу (глазе)*. Так что черти, которые видятся пьяному, и чертики-мальчики в его глазах – явно одной породы. Вот характерный пример – из рассказа Олега Ларина “Блудное лето”: “Я внимательно приглядываюсь к старику. Может, он под мухой? Глаза его прячутся в складках морщин, в зарослях густых бровей, а на самом дне, в выцветшей голубой прорези, прыгают шальные черти”. И вид у него внушительный: он с длинной ухоженной бородой, “похож на Льва Толстого и атамана-разбойника одновременно”. Он, правда, не “знающий” коновал, как уже упоминавшийся герой вятской былички, но тоже сельский специалист – техник-осеменитель. Спустя минуту все открылось: “...Он же пьян, вусмерть, до синевы пьян; меня обдаёт убойным многосуточным перегаром” (Новый мир. 1998. № 12). В современной речи *чертики прыгают* не в одних лишь пьяных глазах, а еще и в глазах лукавых, смеющихся: “Где-то прячутся бесы – в уголках этих доверчивых глаз” (Аннинский Л. Аскар // Дружба народов. 1998. № 12).

Максимов в своей книге приводил подробный рассказ о колдуне жителя Пензенской губернии И. Каблукова. У отца рассказчика уворовали деньги. Люди посоветовали обратиться за помощью к колдуну из соседней деревни. Пришли. «Помолились мы Богу, говорим: “здорово живете!” А он на нас, как пугливая лошадь, **покосился...**» Колдун тогда лечил какого-то мальчишку – ворожил над горшком с водой, плюя и бормоча. “...И начало его корчить да передергивать. А вода та в горшке так и ходит, так и плещет, а ему харю-то так и **косит**”. Потом отец начал упрашивать колдуна помочь в розыске пропавших денег. Тот сперва ломался, а после сказал: “Ну, ладно, разыщем, только не скупись”. “Отец вынул из кармана полнитоф на стол. Колдун взял, **глотнул прямо из горла раза три...**”. Приготовил он все, что для ворожбы нужно, сцелил зубами две восковые свечи “и как **перекосится** – я чуть не убежал!” «А колдун тем временем ну шипеть, ну реветь, зубами, как волк, скрежещет. А рыло-то страшное. **Глаза кровью налились**, и ну кричать: “согни его судорогой, **вверх тормашками, вверх ногами! Переверни его!...**». Затем сунулся он головой в печь, – только ноги одни остались, и ну, мычать там, как корова ревет” (Максимов. Указ. соч. Выделено мною. – В.К.).

В этом колоритном описании сведено много характерных подробностей: колдун *косится* на пришедших, и при чародействе его тоже *перекосится*; перед ворожкой он выпивает; его глаза наливаются кро-

вью; его угроза – перевернуть вора вверх ногами; и даже в своем хорошо поставленном экстазе он в печь лезет, подобно другому колдуну – Ермаку (разве что печь у него, надо полагать, остывшая). А глаза у него кровью наливались и от спиртного, и от насады, от крика. Точно так же живописует в чем-то сходную ситуацию современный автор А.М. Покровский в своей книге рассказов "...Расстрелять!" (СПб., 1998). Старый адмирал и горький пьяница по прозвищу *Джон* – *вырви глаз* (иначе – просто Петрович) устроил разнос заму-политруку, который решил было бороться с ньянством на корабле: "Зам подошел и представился. Петрович посмотрел на него снизу вверх мутным взглядом (...) – Так! – сказал Петрович, и глаза его стали наливаться дурной кровью (...) В конце беседы Петрович совсем покраснел, раздулся, как шланг, да как заорет ...". Орал он, между прочим, и такое: "Ты в глаза мне смотри!.. Вечером Петровичу налили. Петрович выпил и стал – душа-человек".

В приводимых свидетельствах говорится то об особенностях глаз колдунов и ведьм, то о таких же особенностях их зрачков. В 6-м номере "Русской речи" за 1992 год была помещена заметка Э.Д. Головиной "Светлые, серые, зеленые, голубые... зрачки". Головина обратила внимание на то, что во многих литературных произведениях – от С. Аксакова до Ф. Горенштейна – встречается слово *зрачок* в необычном и новом значении, которое не отмечено толковыми словарями: "радужная оболочка, радужка" глаза. В этом же номере журнала была напечатана ответная реплика А.Ф. Журавлева. Он резонно заметил, что вряд ли такое значение слова "зрачок" можно считать новым. В целом же суть его ответа сводилась к тому, что описание семантики слова в толковых словарях всегда бывает поневоле упрощенным. Журавлев все же соглашался, что в словарях следовало бы указывать определение слова *зрачок* так: глазное "отверстие вместе с окаймляющей его радужкой". Наблюдения Головиной и объяснения Журавлева были опубликованы под общим заголовком "Два взгляда на одну проблему". Можно уточнить: картина открывается двум этим взглядам одна и та же, разве что высвечивается она глубже и стереоскопичнее. Вывод, очевидно, таков: существительное *зрачок*, однокоренное со словами, имеющими отношение к смотрению, глядению (*зрак, зреть, зрение*), в живой русской речи издавна означало и орган зрения целиком, то есть весь глаз. Народные свидетельства о колдовских очах подтверждают этот вывод.

Итак, Борис Годунов у Пушкина говорит о страдающих человека с нечистой совестью. Такой человек будто пьян или болен – мальчики кровавого цвета мельтешат у него перед глазами. Но красные очи либо же перевернутые мальчики в очах бывали, как выясняется, и у чародеев. В XVI–XVII веках ворожба и чародейство на Руси были очень распространены. Причем колдуны и ведьмы нередко обнаруживались в царевом окружении. Обвинения в колдовстве, расправы с колдунами

и с теми, кому они служили, случались постоянно. При Борисе Годунове известно несколько таких случаев. Говорили, что возвышение Годунова при царе Федоре Ивановиче было обеспечено тем, что он по разным городам собирал волхвов и кудесников, и их "волшебством и прелестью сотвори, яко и сам царь Федор Иванович вельми любляще его". Волхвы же, дескать, предсказали ему также, что и он тоже будет царствовать – правда, только семь лет.

Когда в Угличе случилась гибель царевича Дмитрия, и началось следствие по этому делу, то в числе прочих свидетельств было записано и такое: мол, к царице Марье, матери Дмитрия, хаживала "для потехи" юродивая женка. После гибели царевича Марья велела ту женку разыскать и убить – за то, что та, дескать, царевича "портила" (то есть вредила ему своим колдовством). Женка эта жила при дьяке Битяговском, которого в день гибели царевича родственники Марьи Нагие, подстрекая чернь, убили (Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу. М., 1869. Т. 3). Битяговский перед смертью говорил, что гибнет оттого, что он мешал Михайлу Нагому добывать вещунов и вещуний "к царевичу Дмитрию". А еще, дескать, у Нагих жил ведун Мочалов, который по их просьбе ворожил, сколько еще жить государю и государыне. Этого Мочалова сыскали и, заковав, отправили в Москву (Кобрин В.Б. Кому ты опасен, историк? М., 1992). Такое вот причудливое сплетение политического и магического.

У царевича Дмитрия постоянно случались бурные эпилептические припадки с корчами и судорогами, во время которых он буйствовал, катался по полу, сильно кусал за руки унимавших его людей. Его болезнь называли "падучей" или "черным недугом". Весьма авторитетные историки полагают, будто никакого умышленного убийства не было, а царевич при очередном сильном припадке сам задел себя за горло острым ножом, которым он играл тогда во дворе. Выходит, что болезнь царевича могла восприниматься его близкими как "насланная" – то есть как результат злого колдовства. Но, конечно, едва ли из всего этого следует, что Пушкин непременно знал народные поверья про колдовские очи и словами о кровавых мальчиках в глазах Бориса Годунова намекал на его колдовские, дьявольские козни.

Киров

И.А. КОРОЛЕВА. Происхождение фамилий и отчеств на Руси

В издательстве Смоленского государственного педагогического университета вышла книга И.А. Королевой “Происхождение фамилий и отчеств на Руси” (Смоленск, 1999), посвященная актуальной и интересной теме, – ведь сегодня вопросы о своих родовых корнях, семейных именовании занимают очень многих. Имена собственные, в частности, антропонимы – имена, отчества, фамилии, прозвища – развиваются по законам языка, но, помимо лексического компонента, включают в себя историческую, этнографическую, социальную, культурологическую информацию. Являясь частью лексико-семантической системы языка, функционируя в ее рамках, они одновременно весьма чутко реагируют на любые изменения, происходящие в обществе: “ни одна область языковой деятельности русского народа не была так тесно и непосредственно связана с его историей, как область ономастики” (Чичагов В.К. История русских имен, отчеств и фамилий. М., 1959).

Антропонимика – наука об именовании людей – часто воспринимается как прикладная дисциплина, и многие работы, посвященные описанию имен, отчеств, фамилий, относятся к научно-популярным. Безусловно, они нужны. Но вместе с тем осознается потребность в строгих научных исторических изысканиях, где доказательно, на основе архивных материалов, рассматриваются сложные и спорные вопросы этой области языкознания.

Именно к таким серьезным монографическим исследованиям следует отнести и работу И.А. Королевой. Автор излагает свою новую концепцию о происхождении наших фамилий и отчеств из древних наименований по имени главы семьи, прослеживает развитие современной трехчленной антропонимической формулы именовании лица – фамилии, имени и отчества, на основе анализа огромного фактического материала памятников письменности разных жанров и времен (от первых русских летописей до актовых текстов XIX в.).

И.А. Королева достаточно убедительно аргументирует раннее возникновение фамилий и вторичное, более позднее появление отчеств (традиционно считается, что наоборот, фамилии образовались на базе отчеств), показывает роль этих антропонимов и идентификации личности именуемого на различных этапах развития русского общества. Автор подробно рассматривает юридическую значимость фамилий и их функционирование как языковых знаков.

В книге детально описана структура древнерусской и среднерусской семьи, показан механизм образования фамилий как семейных именованных. Возможно, утверждение, что фамилии существовали уже в Древней Руси, вызовет споры, однако автор весьма четко разграничивает юридическую, административную и языковую стороны именованности. Такой подход обоснован автором главными функциями фамилий: антропонимы, объединяющие членов семьи, выделяющие их в обществе, отличающие их от других семей и выполняющие роль главных идентификаторов личности.

Новым в работе А.И. Королевой является и то, что вопрос о происхождении фамилий и отчеств рассматривается в комплексе с вопросом о происхождении основных антропонимических терминов – самих слов *имя, отчество, фамилия, прозвище* и их эквивалентов в истории языка – *назвище, рекло, прозвание* и др. Это несомненное достоинство книги, ибо без правильного толкования названных лексем в различные исторические периоды, без широкого контекстуального анализа невозможно разграничить функции тех или иных антропонимов (например, трудно однозначно определить имена и прозвища, прозвища и фамилии и т.п.). Естественно, подробное рассмотрение понятийного содержания часто встречающихся в источниках антропонимических терминов, правильное их прочтение в контекстах памятников жанров и эпох во многом помогает исследователю аргументировать и развивать предлагаемую концепцию о происхождении фамилий и отчеств на Руси. Например, вторичность появления отчеств в какой-то мере подтверждается достаточно поздним (только в среднерусский период) появлением самого слова *отчество* в значении “именование по отцу” и т.п.

Несомненно, книга И.А. Королевой вызовет отклик у антропонимистов и в какой-то мере поднимет интерес к самой антропонимике, так как представляет достаточно серьезную и весьма аргументированную новую точку зрения на одну из центральных проблем этой отрасли языкознания.

Г.П. Смолицкая,
доктор филологических наук

Не надо забывать русские названия растений

О.Т. ТУМАНОВА

В последнее время в цветоводстве и садоводстве наблюдается вытеснение исконных русских названий и замена их транслитерациями с латинского. Так, уже давно вышло из употребления русское название “ломонос”, и вместо него цветоводами, в том числе любителями, употребляется латинское “клематис”. В кавказских субтропиках вместо “бирючины” фигурирует “лигуструм”. В 1999 году в радиорекламе фирмы “Мир увлечений” русское название кустарника “таволга” заменено на латинское “спирея”. В принципе, в среде ботаников правомерно использовать в речи, в том числе устной, и русские и латинские названия. Однако в среде непрофессионалов, к которым можно отнести и доморощенных цветоводов, действует стихийный фактор, и вопрос культуры русской речи их не заботит, подобно электронным СМИ, усиленно внедряющим политическую и экономическую лексику из западноевропейских языков, преимущественно из английского.

В газете “Московский садовод” (1999 г. № 4) в рекламе “Ассортимент посадочного материала декоративных культур для реализации” вместо русских названий или давних заимствований приводятся в транслитерации только латинские: *арабис* (рус. *резуха*), *солидаго* (рус. *золотая розга*), *колхикум* (рус. *безвременник*), *седум* (рус. *очиток*), *крокус* (рус. *шафран*), *мускари* (рус. *гадючий лук* – хотя и неблагозвучное, это русское название), *спирея* (рус. *таволга*). Причина этой интерференции со стороны латинского языка – обнародование названий через СМИ, минуя научное редактирование.

В фитотерапии в настоящее время используются не только популярные лекарственные растения, но и неизвестные нашему потребителю экзотические. И здесь, к сожалению, наблюдается полная неспособность фармацевтов и врачей передать их на русский язык. В качестве курьезного случая такой переводческой деятельности, запечатленной во всех изданиях справочника “Лекарственные средства” М.Д. Машиковского, является опубликование в нем состава аюрведического препарата “Лив-52”, где список используемых растений завершает санскритское *mandur bhasma*, означающее подвергнутое обжигу порошкооб-

разное железо, а не сок или отвар растения, как сообщается перед этим перечнем. В целом, эти издания, к которым следует отнести также всеохватывающие справочник “Видаль”, “Регистр лекарственных средств России” и другие меньшие по объему, как правило, не дают переводов названий экзотических растений и не только экзотических, а порой и аборигенных, описанных во “Флоре СССР”. Отсюда вывод: необходимо повысить информативность и грамотность рецептурных прописей, представляемых фармацевтическими изданиями.

В свое время был издан труд “Деревья и кустарники СССР”, в котором сообщалось о видах как дикорастущих местных, так и иноземных, культивируемых в ботанических садах. Наибольшее число ошибок было сделано при передаче названий иноземных растений. Это обстоятельство побудило профессора ботаники А.К. Скворцова к написанию критической рецензии в Ботаническом журнале (1977. Т. 56. № 7). Однако статья А.К. Скворцова действия не возымела по причине ограниченного тиража издания, и прежние ошибки неизменно повторялись в других публикациях: *можжевельник Саржента* – название, упомянутое в газете “Правда” от 4 авг. 1989 г. в статье “Мал да удал”. Это название вида можжевельника, данное в честь американского ботаника и лесовода Сарджента, (а не Саржента).

Страдает также орфография русских названий, не включенных в “Орфографический словарь русского языка”. В газете “Метро” (1999. № 239) в заметке “Цветы нового века” допущены ошибки: *каликарпа* (правильно – *калликарпа* “красный плод”), *асмантус* (правильно – *османтус* – “душистый цветок”). Использование родового названия во множественном числе во фразе: “...цветут некоторые виды камелий...” ошибочно с ботанической точки зрения, так как *камелия* является названием рода, включающего несколько видов. Следовательно, должно быть “виды камелии”.

Русские эквиваленты научных названий растений представлены двумя группами лексем: 1) исконными русскими названиями и заимствованными из различных языков, включенными в словарный фонд русского языка, и 2) поздними заимствованиями также из различных языков, осуществленными в последний период становления русской ботанической номенклатуры. Названия, относящиеся ко второй группе, имеют в качестве означаемых виды, не произрастающие на территории бывшего СССР.

Между тем виды, представленные в многотомнике “Флора СССР”, имеют признанные, утвержденные этим изданием русские эквиваленты иностранных названий. Их можно считать стандартизированными де-факто, из которых многие – исконно русские лексемы либо внедренные в общий русский язык заимствования. Ими пользуются и в бытовой сфере, и в других специальных областях, связанных с растениями – в цветоводстве, садоводстве, лесоводстве, медицине, фармаколо-

гии и в популярных изданиях, рассчитанных на потребителя растений.

Несмотря на то, что названия многих растений представляют периферийную область языка и в настоящее время частотность их употребления невысока, в будущем ситуация может измениться. В таком случае отсутствие элементарных знаний в этой области будет приводить к вариативности наименований с нежелательными последствиями в практике.

НЕ ПРОХОДИТЬ МИМО!

И вносить поправки! Лингвист иным и быть не может.

Я поднимался по длинному пологому застекленному трапу (может, он как-то иначе называется) на паром “Crown of Skandian” (“Корона Скандинавии”). Паром этот – огромный, двенадцатипалубный корабль, выпускающий в свое “чрево” несколько сот машин и несколько тысяч пассажиров. Он отправлялся из Копенгагена в Стокгольм.

В конце трапа, на уровне седьмой палубы, пассажиров встречала надпись на нескольких языках, в том числе на русском: “Пожалуйста, покажите ваш билет вахту”.

Я сразу же сказал пассажирскому помощнику капитана, который наблюдал за посадкой, что надпись по-русски из-за ошибок выглядит комично. Он попросил меня остаться на месте и побежал за блокнотом и ручкой. Я поменял “з” на “ж” (не учли чередование) и написал вразумительное “на вахте”. Капитан выразил свою благодарность широкой улыбкой и похлопыванием меня по плечу, после чего я отправился в свою каюту.

* * *

Несколькими годами раньше мне посчастливилось побывать во Франции, в Монако и я, конечно, пошел в Океанографический музей Ива Кусто. Великолепный музей! На каждом этаже своя экспозиция, больше всего меня поразили аквариумы с диковинными рыбами. А в одном из залов, где стояли чучела крупных морских животных, среди китов и акул я увидел “нашего” внушительных размеров полярного дельфина – белуху (длина его достигает 6 м, вес – 2 т). Но на табличке прочел “beluga”. Как так белуга? Белуга – это рыба, а белуха – дельфин.

Между прочим, знаете ли вы, откуда и как появилось выражение “реветь белугой”? Белуги, рыбы, конечно, не ревет (помните, как в

маршаковской "Сказке о глупом мышонке" главный герой отказался от услуг рыбы, потому что она пела "очень тихо"?). Зато белухи ревут. Я сам слышал в дельфинарии, как по знаку дрессировщика белуха стала реветь. Так откуда же это выражение "реветь белугой", почему оно укоренилось? А потому, наверное, что белуху могли видеть только те, кто жил по берегам северных морей (Белого, Баренцева), поморы; белуга же, великолепная крупная рыба из семейства осетровых, была знакома многим россиянам. Вот почему она "заревела". Конечно, вначале говорили "реветь белухой", но, по мере того как это выражение удалялось от северных морей, "белуха" становилась все более "ненатуральной", неприемлемой – и "заревела" белуга.

Я, заметив ошибку, зашел в научный отдел музея и, объяснив, в чем дело, предложил поменять *g* на *kh* или *h*. Научный сотрудник, с которым я беседовал, поблагодарил за это замечание и подарил мне свою книгу о моллюсках мирового океана.

Ю.М. Костинский

Отвечаем любознательным

Красной нитью проходит

Так говорится о какой-нибудь отчетливо выделяющейся, господствующей мысли, идее, тенденции в художественном, научном или публицистическом произведении, а также в устном выступлении, речи, лекции или докладе.

Возникновение этого выражения связано, очевидно, с тем, что с конца XVIII века в канаты, используемые на кораблях английского военного флота, вплетали красную нить, которую нельзя было выдернуть иначе, как распустив весь канат. Наличие такой нити служило своеобразным опознавательным признаком, чтобы уберечь канаты от кражи.